

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

**КРИТИКА «НЕОМАРКСИЗМА»
И БУРЖУАЗНОЙ «МАРКСОЛОГИИ»**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

КРИТИКА «НЕОМАРКСИЗМА»
И БУРЖУАЗНОЙ «МАРКСОЛОГИИ»

РЕФЕРАТИВНЫЙ СБОРНИК

Москва · 1977

Серия: "КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ, РЕФОРМИЗМА И
РЕВИЗИОНИЗМА"

Редакционный совет серии:

Виноградов В.А. - член-корреспондент АН СССР,
председатель.

Галочка М.П. - кандидат философских наук, заместитель
председателя, Кызаджян Л.С. - доктор исторических
наук, заместитель председателя, Бергер Н.М. - кандидат
географических наук, Григорьев А.М. - кандидат истори-
ческих наук, Петров А.П. - кандидат исторических наук,
Ракитов А.И. - доктор философских наук, Федякин И.А. -
кандидат исторических наук.

Редколлегия сборника:

Амбарцумов Б.А. - кандидат исторических наук, Бер-
гер Н.М. - кандидат географических наук, Васецкий Г.С. -
доктор философских наук, Верченев Л.Н. - кандидат фи-
лософских наук, Косичев А.Д. - доктор философских наук,
Левит С.Я. - кандидат философских наук, ответственный
редактор.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От редакции	5
I. Основные направления фальсификации марксизма	
ГЕДЕ А. Актуальное в критике философского ревизионизма	II
Нишета "марксологии" (сводный реферат) . . .	I7
ГЕРНС В., ШТЕЙГЕРВАЛЬД Р., НЕЙС Г. Оппортунизм сегодня	50
II. Марксизм в кривом зеркале ревизионистской идеологии	
"Троянские кони" антисоциализма. Обзор критики правого ревизионизма в научной печати ЧССР	65
МЛИР Э. "Плюралистический марксизм"? К вопросу об интерпретации Маркса у сегодняшних ревизионистов	90
ГАБАЛЬ А. Критика фальсификации руководящей роли партии	IO6
ГРЗАЛ Л., НЕТОПИЛИК И. Заметки об антропологической ревизии марксистско-ленинской философии	II7
ГРЗАЛ Л., НЕТОПИЛИК И. Марксизм и "протестующее христианство"	I28

НУРИЕВА З. "Исламский социализм" и Роже Гароди	I39
Ш. Социал-"реформаторы" марксизма	
АНАНИЕВА Н. Современная социал-демократия.	I45
ПУЛЫЦЕ Г. Социал-демократизм между деидеологизацией и реидеологизацией	I60
КЛЕЙН Х. Австромарксизм и социал-реформизм. "Демократический социализм" - иллюзии и реальность	I75
АНАНИЕВА Н. Одиссея антимарксизма или "Одиссея марксизма" глазами одного социал-демократа	I82
IV. Превращения марксизма в мелкобуржуазном леворадикальном сознании	
КЕПЕЦИ Б. Идеология "новых левых"	200
МУССИ Ф. Три теории: философские аспекты Адорно	206
	228

ОТ РЕДАКЦИИ

Институт научной информации по общественным наукам АН СССР продолжает издание серии реферативных сборников "Критика буржуазной идеологии, реформизма и ревизионизма". Принципиальная научная критика буржуазной и ревизионистской идеологии является одной из важнейших задач международного коммунистического движения.

Цель настоящего издания — систематически знакомить научных работников, преподавателей высших учебных заведений, пропагандистов с наиболее значительными работами, выходящими за рубежом по данной теме.

В своем стремлении сдержать социальный прогресс империалистическая реакция прибегает к новым, изощренным формам борьбы против марксизма. При этом фальсификация марксизма все чаще осуществляется под флагом "возврата к Марксу" с использованием "марксистских" доводов и терминологии, под видом "улучшения" марксизма, его "приспособления" к новым условиям. Современный "неомарксизм" как раз и представляет собой конгломерат различных вариантов буржуазной "марксологии" и ревизионизма под общим знаменем антикоммунизма.

Корни подобных стремлений подорвать марксизм "изнутри", ревизовать учение Маркса, поддельваясь под его "сторонников", как известно, вскрыты еще В.И. Лениным,

показавшим, что рост притягательности идей марксизма, успехи социалистического движения заставляют его врагов рядиться в марксистские одежды. Логика истории привела сегодня к существенному усилению и расширению сферы действия этой закономерности идеологической борьбы. Неопровержимые успехи реального социализма, являющего пример практического воплощения марксистско-ленинского учения, обострение общего кризиса капиталистической системы, развеявшего реформистские иллюзии относительно возможности "улучшения капитализма", все возрастающий интерес к марксистской науке об обществе среди широких прогрессивных слоев в странах Запада и особенно в странах так называемого "третьего мира" - все это вынуждает противников марксизма всех разновидностей и оттенков, от отступников из числа бывших коммунистов до профессиональных антикоммунистов, оперировать "ссылками на Маркса". При этом различные "интерпретации" марксизма служат в первую очередь для атак буржуазных идеологов и ревизионистов против реального социализма в СССР и других социалистических странах. Ленин противопоставляется Марксу, национальные особенности строительства социализма - общим закономерностям, ревизуется марксистское учение об объективных закономерностях общественного развития в целом. Среди "неомарксистов" получили распространение концепции "плюрализации" марксизма, его "эклетицизма", "обручения" с философскими теориями Фрейда, Хайдеггера, Гуссерля и т.д.

Последовательное разоблачение различного рода "неомарксистских" теорий рассматривается братскими коммунистическими и рабочими партиями как неотъемлемая часть их повседневной теоретической и практической деятельности. Причем ученые-марксисты считают одинаково важным как выявление того общего, что присуще теоретичес-

ким спекуляциям на марксизме ревизионистов, социал-реформистов и откровенно буржуазных теоретиков, обна-жение их единого антикоммунистического знаменателя как апологетов капитализма, так и дифференцированный ана-лиз подобных спекуляций по их конкретным признакам в зависимости от специфики того лагеря, в который они входят. В соответствии с реализацией этой двуединой задачи расположены материалы настоящего сборника.

В первом разделе реферируются работы, выявляющие основные направления фальсификации марксизма-ленинизма. В них дается обобщенное систематическое представ-ление о том, что собой представляет ревизия Маркса се-годня, содержится критика всего спектра "неомарксист-ских" концепций в целом, выявляются основные мифы ан-тикоммунизма и механизмы их создания.

Во втором разделе представлен анализ зарубежными марксистами ревизионистских концепций в собственном смысле данного понятия. Необходимость такого специаль-ного анализа диктуется тем, что, как утверждают реви-зионисты, они не только черпают свои аргументы из марк-сизма, но и являются единственными правомочными предс-тавителями Марксова учения. Зарубежные марксисты под-черкивают антисоциалистическую, антикоммунистическую суть и софистический характер главного понятия реви-зионистской идеологии - понятия демократического со-циализма, что со всей отчетливостью проявилось в кон-це 60-х годов в ЧССР. В работах, составивших данный раздел, критикуются концепции "моделей социализма", "на-циональных форм марксизма-ленинизма", "гуманистической демократии", "гегемонии интеллигенции" и другие псев-домарксистские теории, почерпнутые ревизионистами из арсенала буржуазной социологии, из различных субъек-тивно-идеалистических и религиозных учений и направ-

ленные против основ социализма, против авангардной роли и самой революционной практики рабочего класса во главе с коммунистическими партиями.

В особый третий раздел выделена марксистская критика реформистских теорий, взятых на вооружение современной правой социал-демократией. В работах зарубежных марксистов вскрывается порочность теории деидеологизации, выдвигавшейся в свое время буржуазными пропагандистами, и теории реидеологизации, пришедшей ей на смену и подхваченной ныне западной социал-демократией. Анализ истории западной социал-демократии как истории оппортунистической эквилибристики и отказа от революционной теории, забвения коренных интересов рабочего класса и добровольного союза с монополиями в борьбе против коммунизма приводит зарубежных марксистов к выводу о глубоко кризисе реформистской идеологии. Выход из идеологического тупика видится правым социал-демократам в возврате к социалистической, а точнее говоря, псевдосоциалистической идеологии. Под маской проповеди "демократического социализма" они направляют острие своей идеологической борьбы не против государственно-монополистического капитализма, а против разработанных Марксом, Энгельсом, Лениным общих принципов революционного преобразования мира и их практического осуществления в обществе реального социализма. Вместе с тем в ряде реферируемых работ показана революционизация определенного крыла социал-демократии, ищущего поддержки в рабочем классе и союза с коммунистами, как наиболее последовательными борцами против всевластия монополий за единство действий всех революционных и демократических сил.

В работах четвертого раздела рассматривается комплекс вопросов, связанных с отражением марксизма в мелкобуржуазном леворадикальном сознании. Авторы показывают

эклектический, ненаучный, половинчатый характер теоретических тезисов "новых левых", проводят их сравнение с положениями марксистского учения. В этом же разделе рассматривается "критическая теория" Франкфуртской школы - идеология так называемого "третьего пути", отличного от марксизма-ленинизма и противостоящего ему. Иногда ее именуют "западным марксизмом". В исследованиях зарубежных марксистов вскрывается несостоятельность притязаний Адорно и Хоркхаймера быть наследниками учения об обществе, развитого Марксом в "Капитале", подчеркивается связь "критической теории" с абстрактно антропологическими философскими системами прошлого.

В дальнейших выпусках ИНИОН АН СССР продолжит публикации информационных материалов по критике буржуазной идеологии, реформизма и ревизионизма.

ГЕДЕ А.

АКТУАЛЬНОЕ В КРИТИКЕ
ФИЛОСОФСКОГО РЕВИЗИОНИЗМА

GEDÖ А.

Aktuelles zur Kritik des philosophischen
Revisionismus. - "Marxistische Blätter",
Frankfurt a.M., 1975, Jg.13, N 6, S.72-79.

Автор статьи - венгерский философ, профессор Высшей партийной школы при ЦК Венгерской социалистической рабочей партии - ставит задачу более четкого и полного определения марксистских критериев оценки современного философского ревизионизма, "буржуазной марксологии" и некоторых форм новейшей "леворадикальной" идеологии (Франкфуртская школа и др.).

Современный период философского ревизионизма начинается, по мнению автора, с середины 60-х годов и является продолжением его более раннего этапа, начавшегося в 1956 г. Для этого периода характерно обнаружение полной зависимости философского ревизионизма от современной буржуазной философии как по форме, так и по содержанию. Однако заметна также его связь с идеалистическим истолкованием марксизма в 20-е годы. Преобладающим является влияние позитивизма и философии жизни.

Специфический момент в современной духовной ситуации в европейском революционном рабочем движении заключается в том, что теоретическая дискуссия о марксизме сконцентрирована главным образом в области философии; однако, хотя ревизия марксизма приобретает прежде всего философскую форму, она затрагивает всю теорию и практику марксизма. В последнее время в этой дискуссии на передний план выдвинулись проблемы политической идеологии, которые также зачастую формулируются в философских терминах — отчуждение, господство, свобода и т.д.

Узловым пунктом является проблема философской актуальности ленинизма. Сомнение в ленинизме — это общий знаменатель самых разнообразных, полемизирующих между собой течений, представляющих идеалистическое истолкование марксизма, причем философская критика ленинизма выступает в них как аргумент против сущности, международного значения и даже против самого понятия марксизма-ленинизма.

Своеобразие современного философского ревизионизма заключается в том, что одно и то же теоретическое содержание выступает как источник иногда право-, иногда левооппортунистических политических устремлений. И в тех странах, где революционные рабочие партии пришли к власти, и там, где они ведут борьбу за власть рабочего класса, философскому ревизионизму присуще особое социальное и политическое значение, которое сознательно и расчетливо учитывают стратеги и тактики антисоциалистической борьбы.

Под термином "ревизионизм" автор предлагает понимать современные тенденции ревизии марксизма-ленинизма внутри рабочего движения или же на его периферии. Это ограничение понятия должно служить не для того, чтобы абсолютизировать различие между понимаемым в узком

смысле ревизионизмом и идейным багажом буржуазной "марксологии", а для того, чтобы выявить взаимосвязи и переходы. Современный ревизионизм можно изучить и объяснить только в связи с буржуазной "марксологией", а осветить движение обоих направлений невозможно без анализа структуры и эволюции современной буржуазной философии. Основные структуры идеалистических толкований марксизма и философского ревизионизма не только соответствуют структуре современной буржуазной философии, но в них в конечном счете преобладает подражание логике становления буржуазного философского мышления. Изучение тенденций становления и развития буржуазного мышления и ленинская критика в его адрес дают возможность предвидеть новые варианты философского ревизионизма.

Современную ситуацию в буржуазной философии нередко называют "возрождением Маркса". Однако буржуазные идеологи понимают под этим не реально возрастающий в массах интерес к самому марксизму, а главным образом оживление идеалистических интерпретаций Маркса, т.е. наводнение "неомарксизма". В констатации "возрождения Маркса" скрыто содержится призыв возвратиться от марксизма-ленинизма к заново проинтерпретированному Марксу. Лозунг "Назад к Марксу" означает, как правило, сужение марксизма: требуют вернуться к марксистскому методу, держась за старый тезис методологического фетишизма 20-х годов, согласно которому метод Маркса остается правильным и тогда, когда все его положения оказываются несостоятельными. Такого рода призывы служат для того, чтобы скомпрометировать творческое развитие марксизма в странах социализма, противопоставить теорию марксистской философии ее методу, стереть грани между закономерным изменением форм диалектического материализма, о необходимости чего говорил В.И. Ленин, и философским ревизионизмом.

В сложном процессе борьбы между марксизмом и философским ревизионизмом отражаются перипетии политической классовой борьбы, противоречия в материальных отношениях, а также борьба основных философских направлений. Наиболее значительными автор считает в этом процессе следующие моменты:

1. Сохраняют свое влияние экзистенциально-антропологические интерпретации марксизма; напротив, широко распространенные ранее формы позитивистского истолкования марксизма, например его "кибернетизация", утрачивают свое влияние. В позитивистском направлении, как и прежде, на первом месте стоят "сциентистские" течения, выхолащивающие материализм и стремящиеся редуцировать марксистскую философию до уровня общей или специальной позитивистской методологии отдельных наук.

2. Возрастает притягательная сила феноменологии Гуссерля; сторонниками "феноменологического марксизма" объявили себя многие итальянские и американские "новые левые". Особенностью этого течения является то, что в нем сконцентрированы все идеалистические интерпретации Маркса.

3. Заметно усиливается влияние философии "конкретной утопии" Эрнста Блоха, которого характеризуют как представителя "третьей линии", существующей наряду с диалектическим материализмом и "чисто антропологической интерпретацией" марксизма. Привлекательность его философии заключается в том, что она, как пишут буржуазные авторы, подчеркивает в противовес пессимистической концепции экзистенциализма чувство надежды в человеке и его открытость.

4. Как и прежде, опасность заключается в том, что фиксируются ложные альтернативы и укрепляется видимость того, что существует выбор только между различными идеа-

листическими формами истолкования марксистской философии. Необходимы международные усилия и готовность к дискуссии, чтобы довести до сознания широких масс точку зрения диалектического материализма, способную противостоять ложным альтернативам, предлагаемым буржуазной философией.

5. Ввиду многообразия "неомарксизмов" предпринимаются все новые попытки создать их синтез, или по крайней мере ограничить их определенными рамками. Так, Франкфуртская школа, и особенно Хабермас и Альфред Шмидт, претендуют на то, чтобы считаться основой "западноевропейского марксизма". Альфред Шмидт стремится установить единство трех периодов Франкфуртской школы, представить "критическую теорию" как исконную форму и философский базис "западноевропейского марксизма", а затем привести к этому общему знаменателю все виды современной ревизии марксизма.

6. У некоторых представителей "западноевропейского марксизма" усиливается склонность к "восточному марксизму". Это нашло выражение в работах Э.Фишера и Р.Гароди и сигнализирует об общей тенденции. Встреча и совместная борьба "гуманистического западного" и "восточного марксизма" против марксизма-ленинизма является фактом идеологического процесса, который следует учитывать при критике обеих основных форм ревизионизма.

7. Современный философский ревизионизм потерпел несколько тяжелых поражений в революционном рабочем движении, но он продолжает борьбу против марксизма. В связи с этим необходимо усилить полемику против всех его форм и разновидностей, связав ее с другими формами классовой борьбы.

В заключение автор особо подчеркивает, что вести борьбу с субъективизмом и морализированием ревизионизма с марксистско-ленинских позиций — это задача, объективно поставленная практикой классовой борьбы и научно-теоретическим содержанием марксизма, а поэтому являющаяся и субъективным моральным долгом марксистов.

Л.Л.Лисоткина

НИЩЕТА "МАРКСОЛОГИИ"

(сводный реферат)

GEDÖ A.

Synthese oder zusammengesetzter Irrtum?
Zur Philosophie des "Neomarxismus". -
"Marxistische Blätter",
Frankfurt a.M., 1972, Jg. 10, N 6, S. 73-82.

JULIER E.

"Marxologie" - Symptom der Krise
der bürgerlichen Ideologie. -
"Beitr. zur Geschichte der Arbeiterbewegung",
B., 1975, Jg. 17, N 5, S. 797-810.

BAUERMANN R., GREYER K., JULIER E.

Das Elend der "Marxologie". Eine
Auseinandersetzung mit Marx-Engels-Verfäls-
chungen. B., Dietz, 1975. 279 S. (Inst. für
Marxismus-Leninismus beim Zentralkom der SED).

Термин "неомарксизм" появился на рубеже XIX и XX вв. Сутью его было стремление к провозглашению и конструированию "сублимированного" марксизма, противопоставляемого подлинному марксизму. Современный "неомарксизм", став в последние десятилетия определенным течением, даже комплексом направлений, сохранил общественную функцию своего предшественника - тенденцию к оживлению домарксистского мелкобуржуазного социализма, к усвоению антимарксистских

буржуазных идей, идентифицируемых с "философским синтезом эпохи". Формы современного (как и "старого") "неомарксизма" изменчивы, но он всегда связан с существующей в данный момент ситуацией, с соответствующей модной буржуазной идеологией.

Современный "неомарксизм", по мнению видного венгерского философа А.Гёде, — это конгломерат идей, различных вариантов марксологии и ревизионизма, объединенных откровенной или замаскированной оппозицией ленинизму, подменяющих теоретический и исторический синтез марксизма-ленинизма псевдосинтезом "истинного социализма" — утопий Прудона, Бакунина и современной буржуазной философии. Теория современного "неомарксизма" не выходит за рамки философии; политическая экономия, как правило, ему чужда. Но поскольку главным в философской тематике "неомарксизма" является мелкобуржуазная критика реального социализма и реального революционного рабочего движения, постольку это явление приобрело не только теоретическое, но прежде всего политическое и практическое значение.

А.Гёде считает главной задачей борьбы против "неомарксизма" восстановление и анализ специфики подлинного марксизма, уяснение основных направлений идейной борьбы, разоблачение ложных альтернатив. Он отвергает модные в среде "неомарксистов" утверждения об исчезновении противоположности между диалектическим материализмом и буржуазной философией, о безбрежности марксистской философии, о необходимости плюрализации марксизма (при этом каждое направление "неомарксизма" определяет свою позицию как "аутентичную" марксистской). "Неомарксисты" говорят о необходимости объединения марксизма (конечно, во имя "укрепления" его позиций, его "обогащения" и т.д.) с философскими идеями Кьеркегора и Ницше, Гуссерля и Хайдеггера, М.Вебера и Н.Гартмана, Сореля и Фрейда, Карнапа и Поппера.

Такое соединение "неомарксисты" считают единственным средством возвращения к молодому Марксу и одновременно способом "приближения к будущему".

А.Гёде отмечает, что все эти требования "неомарксистов" в действительности ведут к сужению марксизма, освобождают место позитивистскому пониманию науки и мифам "философии жизни", утопии и вере, ведут к выхолащиванию подлинного содержания марксизма, утрате способности проникать в новые области и слои действительности и сознания, к подрыву теоретической основы марксизма.

Чем больше расширяется спектр "неомарксизма", продолжает автор, тем уже становится содержание того, что может объединять различные его направления между собой и в какой-то степени с марксизмом. Все направления "неомарксизма" нарушают теоретическое и историческое единство марксизма-ленинизма, оторваны от процесса революционного преобразования общества и завоевания политической власти рабочим классом.

"Неомарксизм" претендует на положение единственного законного представителя марксизма; в полемике с марксизмом-ленинизмом "неомарксизм" стремится сохранить это положение, но в силу объективной логики борьбы он все больше впитывает в себя антимарксизм, буржуазную философию, вынужден отказаться даже от своих мнимых связей с марксизмом и в конце концов полностью отречься от него.

А.Гёде полагает, что специфику различия между марксизмом и "неомарксизмом" особенно выражает ответ на вопрос: "Что значит быть марксистом?". В этой связи он пишет, что исходным пунктом критики ревизионизма (и преодоления одновременно догматизма) может быть представление о марксизме как об исторически развивавшейся системе идей, - представление, которое ревизионисты под-

меняют расплывчатым определением "открытой системы" и утверждениями о якобы неизбежности противоречий между идеологическими и научными функциями марксизма. А.Гёде категорически отклоняет это определение ("открытая система"), обнаруживая в нем стремление открыть марксизм для буржуазной идеологии, изъять само его содержание, классовую суть, исключить возможность его развития в ленинизме. А.Гёде отклоняет и утверждение о невозможности определить характер изменений в теории ("что это: дальнейшее развитие марксизма или проявление ревизионизма"), видя в этом, во-первых, подмену теоретической проблемы формальной, во-вторых, стремление уклониться от анализа исторического опыта и изучения современных разногласий в общественном движении. Конкретный ответ на вопрос "что значит быть марксистом?" не может игнорировать ленинизм, который сохраняет и развивает общественную и научную целостность марксизма, не может игнорировать ленинскую идею и практику партии. Динамичная теоретическая и историческая цельность марксизма-ленинизма "включает необходимость постоянного обновления, дискуссий о проблемах, ждущих своего решения, но не приемлет "интеграции" чуждых идей" (с.80).

Вопрос "что значит быть марксистом?" - это прежде всего вопрос революционного рабочего движения. Оппортунизм правого и "левого" толка проникает в рабочее движение, порождая идейные разногласия и разброд, внедряя представление об исключительном праве интеллигенции на обладание теорией, о неизбежной деформации марксизма массовым движением, которое будто бы опирается только на веру, на "ложное сознание". В диалектике теории и практики революционного движения действительно, пишет А.Гёде, нет абсолютного совпадения, ошибки не исключены. "Иерархия" теории, стратегии и тактики может быть нару-

шена. При неблагоприятных объективных и субъективных условиях возникает опасность доктринерства и прагматизма, тесно связанных между собой. Доктринерское толкование учения Маркса и Ленина беззащитно перед "неомарксизмом", оно не в состоянии постичь специфическую природу и внутреннюю логику теоретической борьбы, связь между идеологическими и политическими общественными процессами. Для доктринера осуждение — это уже опровержение; он игнорирует конкретные социальные мотивы, которыми определяются происхождение и распространение "неомарксизма", а "новую интерпретацию" воспринимает исключительно как продукт злой воли и тупого непонимания.

Единство марксизма-ленинизма и революционного рабочего движения, опыт классовой борьбы, в том числе и теоретической, требуют преодоления доктринерства и прагматизма. Рассматриваемые в историческом масштабе прагматизм в теории и доктринерство в политике — это существенные элементы "неомарксизма". "Марксизирование" и ревизионизм подчиняют свои теоретические соображения тактике борьбы против марксистско-ленинской партии и хотят в политике осуществить утопию, восстановленную ими в области теории.

С 60-х годов нашего века резко возрастает интерес к учению Маркса со стороны "марксологии". Современные ревизионисты и ультралевые революционаристы выдают себя за истинных наследников Маркса. Правые руководители социал-демократической партии, которые в Годесбергской программе 1959 г. выбросили за борт последние остатки марксизма, теперь снова чествуют день рождения Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Даже иезуитские отцы торжественно уверяют: "Мы все являемся учениками Карла Маркса" (с.796).

Э.Юлир показывает, что основной причиной обращения столь пестрой по своему составу и внушительной по размерам части буржуазных идеологов к марксизму вызвано тем, что перед лицом общего кризиса капиталистической системы даже самые ревностные ее адепты не могут более не видеть жизненную силу марксизма-ленинизма. Буржуазные идеологи все более осознают невозможность обосновать "жизнеспособность к будущему" капитализма и обеспечить сохранение этой изжившей себя системы. Однако именно в связи с этим они изыскивают средства для идеологических диверсий и антисоциалистической политики империализма. Наиболее характерной чертой кризиса буржуазной идеологии Э.Юлир считает то, что она вынуждена оставаться на оборонительных позициях.

Перед лицом все более очевидной невозможности отвергать острые реальные противоречия, вызванные усугубляющимся кризисом капиталистической системы во всех ее звеньях, буржуазные идеологи вынуждены обращаться к духовному арсеналу революционных классов: к идее о необходимости общественных изменений. Именно этим можно объяснить наличие в буржуазном мире самых различных реформистских течений.

Э.Юлир в связи с этим подчеркивает, что слова Ленина о том, что враги марксизма по мере его развития вынуждены маскироваться под марксистов, относятся сегодня не только к ревизионистам. В то время как ранее марксизм-ленинизм просто "отвергался" идеологами империалистической буржуазии, ныне даже откровенные антикоммунисты используют в борьбе против марксизма "марксистские аргументы". Особенностью этих "аргументов" является то, что они фальсифицируют учение марксизма и в этом искаженном виде используются для борьбы против реального социализма, ленинизма и коммунистического движения.

Рост внимания к жизни и работам Маркса и Энгельса, усилившийся в последнее десятилетие в буржуазной идеологии, следует, по мнению Э.Юлира, рассматривать двояко: "... с одной стороны, как растущий авторитет марксизма-ленинизма в капиталистических странах и огромный интерес трудящихся, в особенности молодежи, к учению, составляющему теоретическую основу общественной системы в странах успешно развивающегося социалистического сотрудничества; с другой стороны, как стремление буржуазной идеологии подхватить этот подлинный интерес к марксизму-ленинизму и посредством примирения его с той литературой, которая искажает пролетарско-революционный характер марксистского учения, направить капиталистическую систему по безопасному пути и, даже соответственно извращая (мысли) основателей научного коммунизма, противопоставить их ленинизму и использовать в идеологических диверсиях против коммунистического движения и социалистических стран" (с.801). В этом Э.Юлир видит главную задачу буржуазной марксологии. Она характеризуется им как важное средство идеологической диверсии в рамках империалистической глобальной стратегии.

Э.Юлир выделяет шесть проблем и направлений марксистских идей, которые чаще всего искажаются в буржуазной марксологии или же мелкобуржуазной ревизии. Во-первых, учение Маркса и Энгельса об исторической миссии рабочего класса объявляется устаревшим, на его место ставятся другие общественные силы, преимущественно интеллигенция. Во-вторых, извращается и объявляется излишней революционная партия рабочего класса, в особенности при строительстве социализма. В-третьих, отвергается единство марксизма-ленинизма, а также единство научного мировоззрения и рабочего движения. В-четвертых, на место революционной теории ставится тезис о реформах как о единственно возможном пути изменения общественных от-

ношений. В-пятых, широко проповедуются идеи "демократического социализма" как альтернативы "тоталитарным," "бюрократическим" и "этактическим" формам государства, в основе которых лежит диктатура пролетариата. И, наконец, в-шестых, ведется кампания против исторического материализма и научного коммунизма и подвергается сомнению закономерность победы социализма и коммунизма. При этом отрицание закономерного хода истории означает одновременно отказ от последовательного материализма и материалистической диалектики.

По мнению Э.Олира, существуют два основных направления в буржуазной идеологии. Первое он называет "проимпериалистическим", т.е. связанным с открытой враждебностью к марксизму-ленинизму и реальному социализму; сюда же относятся идеологические концепции социал-демократизма. Второе направление охватывает различные "мелкобуржуазные" течения. Это - современный ревизионизм, мелкобуржуазная критическая позиция Франкфуртской школы и левый радикализм. При оценке направлений следует учитывать, что их общей теоретико-идеологической платформой служат иллюзорно нейтральные концепции "индустриального общества", а также различные теории конвергенции.

Указанные направления буржуазной идеологии в зависимости от того или иного способа толкования Маркса имеют свою специфику и общие особенности, определяемые социально-экономическим и политическим положением отдельных фракций буржуазии, мелкой буржуазии, интеллигенции и определенной части рабочего класса в условиях государственно-монополистического капитализма. Хотя классовые корни различных направлений буржуазной марксологии являются решающими, все же следует учитывать и момент относительной самостоятельности "марксологии",

обусловленный в немалой мере теми идеалистическими философскими влияниями, которые она испытывает. Это обнаруживается в субъективизации общественных закономерностей, в мысли о том, что категория отчуждения является центральной в марксизме, в попытках антропологического толкования проблемы человека, вне его принадлежности к определенным классам, в попытках противопоставить "молодого" и "зрелого" Маркса и т.п. В этой связи Э.Юлир пишет: "Подчинение марксистского классового анализа и политической экономии мнимой "Марксовой антропологии" является выражением субъективно-идеалистической интерпретации Маркса различными "марксологами" (с.806).

Идеализм как философская основа "марксологии" особенно проявляется в отрицании независимой от человека объективной материалистической диалектики, в "дополнении" марксизма нищестанством, фрейдизмом, экзистенциализмом и т.д. Для этического обоснования так называемого "демократического социализма" широко используются неокантианские и неопозитивистские идеи. Если неокантианство служит идейной основой проповеди "общих" моральных ценностей "социальных партнеров", то неопозитивизм своим отрицанием объективных закономерностей общественного развития способствует утверждению неизбежности капитализма.

Отвергая открытые марксизмом общие закономерности общественного развития, социологи-позитивисты заявляют, что наиболее ценным в трудах Маркса и Энгельса являются отдельные анализы из области политической экономии. Однако эта "ценность" оказывается, как подчеркивает Э.Юлир, искаженной интерпретацией марксистского учения о росте производительных сил как необходимом условии общественного прогресса.

Э.Юлир останавливается на характеристике общих для всех "марксологов" методов извращения работ Маркса и Эн-

гельса и показывает, что основным приемом этого извращения является неисторический способ рассмотрения, в частности выдергивание отдельных цитат из контекста и их произвольная интерпретация, игнорирование истории развития марксистской мысли, противопоставление друг другу идей Маркса, Энгельса и Ленина.

Э.Юлир приходит к выводу, что основным содержанием кризиса буржуазной идеологии вообще и "марксологии", в частности, является то, что ей принципиально не удается осуществить собственную основную задачу: отделить революционное рабочее движение от марксизма-ленинизма и удержать под своим влиянием оппозиционные силы буржуазного общества. Более того, буржуазная "марксология" парадоксальным образом подтверждает жизненную силу марксизма-ленинизма и усиливает интерес к этому учению со стороны все более широких масс трудящихся.

Возникшая в начале XX в. в буржуазной идеологии мысль о критическом преодолении марксизма или, как выражаются современные критики Маркса, его "рецепции", взамен "устаревших" и даже консервативных голосов о его упразднении, принимает в настоящее время форму "все более тонкой фальсификации, все более тонких подделок антиматериалистических учений под марксизм... и в политической экономии, и в вопросах тактики, и в философии вообще, как в гносеологии, так и в социологии" (П, с.35).

Подчеркивая актуальность ленинского вывода о том, что по мере усиления влияния марксизма его враги вынуждены "маскироваться" под марксистов, Бауэрманн Р., Гейер К., Юлир Э. - авторы монографии "Ницета марксологии" считают, что усилившийся после второй мировой войны интерес буржуазных идеологов к марксизму вызван главным образом их оборонительной реакцией на успехи

социализма и международного революционного рабочего движения. Действительно, интерес к философии марксизма, особенно в Западной Германии, после длительного замалчивания и преследования марксистской мысли принял внушительные размеры. По свидетельству прессы, в Западной Германии нет ни одного серьезного издания, которое ни вело бы дискуссий о марксизме, что в недалеком прошлом вряд ли было возможно. Только в период с 1964 по 1967 г. в ФРГ вышло свыше 400 публикаций, посвященных Марксу и Энгельсу (с.16). Не в последнюю очередь этот интерес связан в системе господствующей идеологии с развернувшейся кампанией по теоретическому обоснованию "буржуазной критики марксизма". Под видом изучения марксизма доказывается, что марксистско-ленинская теория якобы не в состоянии дать правильный ответ на вопросы о современном и будущем развитии человечества.

С другой стороны, марксистская мысль действительно серьезно изучается не только коммунистами и передовыми рабочими Западной Германии, но и представителями так называемого "антиавторитарного движения", в среде интеллектуальной оппозиции и студенчества, которые наталкиваются на проблемы, требующие именно марксистского истолкования. Лозунг студенчества "Маркса в университеты" отражает большой интерес молодежи к марксистским идеям, в которых она находит аргументацию для критики империалистической системы.

В 1956-1968 гг. коммунистическая партия в Западной Германии была запрещена. Это усилило влияние лево-радикальных и анархистских, мелкобуржуазных по своей сути теоретиков, выступивших за "улучшение", "развитие" марксизма, его приспособление к буржуазной идеологии, естественно, путем "снятия" революционной функции марксизма. Авторы подчеркивают при этом, что извращение

теоретического наследия Маркса и Энгельса "самым тесным образом связано с буржуазной "критикой" Ленина" (с.15). Нападки на ленинизм как марксизм нашей эпохи становятся глобальной стратегией идеологов империализма.

Часто в буржуазной литературе термин "марксология" используется как характеристика течения, целью которого является исследование теоретического наследия Маркса. В этой связи авторы считают, что было бы иллюзией думать, будто интерес буржуазных "марксологов" к идейному наследию Маркса и Энгельса вызван чисто академическими соображениями. Определяющим признаком "марксологических" концепций является не само по себе обращение к этому наследию, а то, что в этом обращении всегда присутствует осознанная или неосознанная установка на извращение, а в конечном счете на опровержение марксизма-ленинизма. Мотивы этого извращения, а также тот способ, каким оно осуществляется, позволяют сделать вывод о наличии дифференциации внутри "марксологии".

Одним из ее главных направлений являются концепции и теории, идущие непосредственно от идеологии господствующей империалистической буржуазии. Общей идейной платформой извращения основных понятий материалистического понимания истории служат теории "единого индустриального общества". Человеческая история трактуется не как смена прогрессивных экономических формаций, но как количественное развитие "стадий роста" производства и распределения. Цепляясь за рекламируемую теоретиками индустриального общества псевдооптимистическую "альтернативу" реальному социализму, постулирующую устремленность к будущему империалистического общества, авторы "марксологических" концепций намеренно обходят молчанием теоретически обоснованную Марксом и Энгельсом неизбежность перехода от капитализма к социализму и уче-

ние об исторической миссии рабочего класса.

Одним из приемов буржуазной "марксологии" является позитивистский принцип разделения науки и идеологии, по которому марксизм истолковывается, с одной стороны, как "догматическое вероучение", которое недоказуемо и неопровержимо, и, с другой стороны, "содержит научные высказывания" (с.21). Авторы книги приводят точку зрения Эрнста Топича, предпринявшего попытку доказать, будто марксизм есть переходная ступень от "эры метафизики", которая тесно связана с "провиденциалистским" толкованием исторических законов, к "эре строгой науки и идеологии" (85, с.264).

В системе буржуазной "марксологии" последних лет усиливается влияние тех, кто выступает за социал-реформистское прочтение произведений Маркса и Энгельса. Идеологи социал-демократизма часто используют прием противопоставления гуманистической и революционной частей их учения, превращая основоположников научного коммунизма из пролетарских гуманистов и революционеров в классово-нейтральных мыслителей.

Специфическим вариантом буржуазной идеологии, нацеленным на подрыв "изнутри" международного коммунистического движения, является современный ревизионизм, выступающий с лозунгом "назад к аутентичному Марксу!". Выпячивая на передний план проблему отчуждения человека в "индустриальном обществе", ревизионисты замыкают марксистское философское учение в рамки идеалистической теории о "целостном человеке" или "гуманистической философии практики".

Сторонников различных ревизионистских версий сближает, по мнению авторов, "субъективистская интерпретация Маркса", попытка стать в позу независимых критиков (с позиций "недогматически" истолкованного Маркса, глав-

ным образом "молодого") как империалистических порядков, так и практики социалистического строительства. На деле же, как подчеркивают авторы, "ревизионизм наших дней является не "современным марксизмом", как он охотно себя представляет, а буржуазной идеологией внутри коммунистического движения" (с.29).

С ревизионистской интерпретацией идей Маркса и Энгельса смыкается позиция представителей "критической теории общества" Франкфуртской школы, которые, ратуя за создание "западного марксизма", требуют пересмотра основных марксистских положений, противопоставляя диалектико-материалистическое объяснение мира его революционному изменению. В концепциях франкфуртских теоретиков марксизм редуцируется до "критической теории", задача которой сводится к разоблачению иллюзий "естественной данности" капиталистических отношений. Для отношения Франкфуртской школы к марксизму характерно рассмотрение проблемы отчуждения и критика идеологии как центральных в марксизме, утверждение, будто не существует реально "диалектики природы" и поэтому материалистическая диалектика применима лишь к обществу, а также противопоставление материалистической диалектике идеалистической субъект-объектной диалектики.

Марксизм истолковывается как критика "тоталитарных" порядков, существующих, с точки зрения франкфуртских псевдомарксистов, равным образом как в империалистических системах, так и в реальном социализме. Отсюда и тесная связь между Франкфуртской школой и левым радикализмом, который свою "глубокую враждебность к институтам буржуазного общества абсолютизирует по отношению к любым институтам, организациям и авторитетам, игнорируя с самого начала их классовую сущность" (с.34). Распринимая революционную теорию марксизма в трактовке

франкфуртских теоретиков, представители леворадикального движения интерпретируют марксизм крайне субъективистски и односторонне. Придерживаясь теории спонтанности, теоретики левого радикализма утверждают, в частности, что ее авторство принадлежит Марксу, признававшему якобы полную зависимость классового сознания эксплуатируемых слоев населения от их материального положения. Одной из характерных особенностей левого радикализма является его антикоммунистическая направленность, стремление дискредитировать марксистско-ленинские партии, отождествление революционной дисциплины с бюрократией. Антикоммунистическая установка левого радикализма, исповедующего истрепанные троцкистские лозунги по отношению к реальному социализму и к коммунистическому движению, несмотря на псевдореволюционный активизм его сторонников, дает основание авторам книги для оценки левого радикализма как специфического варианта буржуазной идеологии.

Таким образом, в оценке основных течений буржуазной "марксологии" немецкие марксисты приходят к выводу, что к "марксологии" следует относить не только открыто буржуазных авторов¹⁾, но и отражения марксизма в мелкобуржуазном реформистском и леворадикальном сознании, поскольку последнее связано с общей империалистической стратегией, направленной на дискредитацию реального социализма с помощью тех или иных вариантов извращения идейного наследия Маркса и Энгельса.

В заключение вводного критического анализа основных направлений буржуазной "марксологии" авторы книги

¹⁾ Такой взгляд имеется, например, в работе: Белкиной Г. Л. Философия марксизма и буржуазная "марксология". М., 1972.

делают вывод, что, несмотря на классовую заинтересованность империалистических кругов в усилении "марксологических" концепций, последние находятся в состоянии кризиса, ибо успехи социализма и мирового коммунистического движения убедительно подтверждают действительную силу марксистско-ленинских идей.

Основная часть книги немецких марксистов посвящена разбору того, по каким пунктам идейное наследие Маркса и Энгельса подвергается наибольшим нападкам и извращению в буржуазной "марксологии", включая те ее основные направления, о которых речь шла выше.

В современной "марксологической" литературе, пожалуй, не найдется ни одной работы, которая не ревизовала бы марксистское учение об объективных закономерностях общественного развития, о причинах, движущих силах и законах исторического процесса. С точки зрения откровенно империалистических и социал-реформистских идеологов, Маркс своим отождествлением смысла истории с объективными законами общественного развития был вынужден воспринять идею детерминизма и показать развитие общества как естественноисторический процесс, что привело его к "вере" в неизбежность перехода от капитализма к социализму. Авторы книги критикуют два аргумента, наиболее часто используемых в буржуазной "марксологии" в ее борьбе против марксистского учения о социальных закономерностях: во-первых, утверждение, будто формулирование гипотезы о законах развития общества возможно лишь постольку, поскольку марксисты выходят за пределы опыта. Поэтому эта гипотеза якобы не может быть критерием научной теории и должна рассматриваться как мировоззренческая спекуляция. Во-вторых, тезис, согласно которому само понимание развития общества как закономерного процесса возникает вследствие "недопустимого

переноса" естественных законов на общество. Отсюда учение Маркса и Энгельса об историческом детерминизме объявляется изначально ложным.

Критикуя эти "аргументы", авторы видят их несостоятельность прежде всего в том, что "марксология" превратно истолковывает разработанную Марксом и Энгельсом теорию прогресса в духе "исторической телеологии". Приводя выдержки из работ Вилли Эйлера, Норберта Лезера и Эрнста Топича (85,25,55), обвиняющих основоположников научного коммунизма в фатализме, "мессианизме", эсхатологичности и других подобных грехах, немецкие марксисты убедительно показывают, что "по существу нет никакого различия между правыми социал-демократическими идеологами и остальными империалистическими идеологами в аргументации, направленной на извращение научного характера теории Маркса и Энгельса" (с.49).

Буржуазные "марксологи" выступают чаще всего против марксистской концепции социального прогресса, основывающейся на научном предвидении перехода общества к коммунизму. Обвинение в финализме строится на той зыбкой почве, что Маркс, несмотря на критику мистификаций гегелевской диалектики, не избежал постулирования замкнутости диалектической схемы развития. Отвергая демагогический смысл подобного утверждения, игнорирующего ту полемику, которую вели Маркс и Энгельс в "Святом семействе" и в "Немецкой идеологии" (2,3) со спекулятивно-умозрительной конструкцией идеалистической диалектики Гегеля, авторы подчеркивают, что Маркс и Энгельс никогда не говорили о коммунизме как о конце истории.

Телеологическое искажение марковского учения о законах общественного развития тесным образом связано с другим "аргументом", уравнивающим марксистское уче-

ние о развитии общества с лапласовской идеей естественной детерминации. Отрицание применимости принципа детерминизма в общественных науках "марксологи" мотивируют тезисом о несводимости социальных процессов к природным, намеренно обходя молчанием указания Маркса и Энгельса о недопустимости сведения материалистического понимания истории к механистическому "экономическому" детерминизму. Ссылаясь на высказывания Энгельса, авторы книги дают решительный отпор тем, кто пытается приписать марксизму отождествление форм и способов проявления объективных законов в природе и в обществе. Процесс развития общества имеет ту специфику, что "осуществляется людьми и представляет собой результат их деятельности" (с.63).

В понятие истории общества как "естественноисторического процесса" Маркс и Энгельс вкладывали то значение, что только с переходом к общественному производству человеческая история начинает быть историей в подлинном смысле этого слова, с одной стороны, а с другой — то, что люди не могут создавать свою историю произвольно и должны соотносить свою деятельность с объективными условиями и обстоятельствами. Отрицание исторической необходимости является основной чертой буржуазной "марксологии", которая в своем страхе перед объективным ходом истории прибегает к иррационализму и крайнему субъективизму. Последнее особенно характерно для антропологических попыток извращения марксистского учения об обществе, получивших большое распространение в современном ревизионизме, среди идеологов Франкфуртской школы и левого радикализма.

Излюбленным приемом, служащим ревизионистам для искажения исторического детерминизма, как отмечают авторы, является утверждение, что "Марксова философия

есть гуманизм, а не сциентизм" и что постулирование Марксом существования закономерностей "неразрывно связано с человеческой свободой, с творчеством человека" (с.71). Это заявление позволяет ревизионистам (в частности, служило основанием для представителей "Праксиса") считать учение Маркса о коммунизме и его программу создания оптимальных условий для всестороннего развития личности следствием сугубо антропологического подхода к истории. Точно так же они стремятся и экономические исследования Маркса объяснять потребностями антропологии. Экстремистские сторонники "философии практики" Гайо Петрович, Милан Кангрга, Светозар Стоянович (78,80) утверждают, что материя, природа являются-де для Маркса продуктом и результатом человеческой деятельности, а человек - "сущностью практики". Подобная интерпретация, подчеркивается в книге, приводит ревизионистов к неизбежной антиномии: "Либо признать существование объективных законов, либо - возможность изменения людьми общественных отношений" (с.76). В действительности для Маркса никакой антиномии здесь нет: практически деятельное отношение индивидов к миру не только не исключает, но и предполагает знание объективной возможности и необходимости изменения общественных отношений.

Субъективистское рассмотрение исторического процесса преимущественно как движения разума, просвещения и отрицание диалектико-материалистического понимания прогресса делает позицию загребских и иных ревизионистов схожей с идейно-теоретической платформой Франкфуртской школы, которая определяет характер общества вне анализа его реальной экономической структуры, а в связи с характером "господства объекта над субъектом". Не признавая объективно существующей закономерности, эта позиция искусственно подменяет анализ реальных социально-

экономических явлений исследованием их понятийных форм. Так, по Адорно, историческое развитие есть процесс освобождения субъекта от чуждых сил общества и природы, и в конечном счете от действия объективных законов. Идеалистически непомерно раздувая роль субъективного фактора в истории, франкфуртские теоретики с этих позиций обвиняют теорию прогресса Маркса в "объективизме" и "позитивизме" и утверждают, что человек благодаря своим творческим возможностям может достигнуть "царства свободы" независимо от признания и познания объективных законов. Не удивительно, пишут авторы, что именно за эту "идею" франкфуртских философов ухватились сторонники леворадикального акционизма, по мысли которых достаточно лишь одной "революционной воли", чтобы осуществить переворот в общественных отношениях. Концепции "спонтанности", проповедуемые буржуазными и ревизионистскими идеологами, опровергаются научной политикой партии рабочего класса, тем не менее они не могут не играть в современных условиях на руку контрреволюции, и поэтому необходима решительная борьба с волонтаризмом в теории и политике (с.83-84).

В попытках буржуазных идеологов извратить марксистское учение о взаимодействии объективных условий и субъективного фактора весомое место занимают концепции о прекращении классовой борьбы, об исчезновении рабочего класса как революционного субъекта. На самом деле ощущение невыносимости капиталистических отношений охватывает в настоящее время все сферы общества. Поэтому роль рабочего класса объективно не только не ослабевает, но и усиливается. С точки зрения Маркса и Энгельса, решающим фактором осуществления рабочим классом объективно обусловленной исторической миссии является его политическое сознание и организованность, овладение им револю-

ционной теорией, научным мировоззрением; а также организующая и направляющая деятельность революционной партии.

Именно эти основополагающие марксистские положения подвергаются наибольшей ревизии и извращению в буржуазной "марксологии", для которой характерно, во-первых, утверждение, что "рабочий класс, в том смысле, как его понимал Маркс, исчезает и что решающую роль в общественной жизни начинает играть интеллигенция" и, во-вторых, что "рабочий класс в настоящее время не является более революционным, он лишился своего революционного потенциала" (с.93).

Разоблачая буржуазные легенды об "исчезновении" рабочего класса, авторы считают, что одним из основных источников этого мифа является ложное толкование тех существенных критериев, посредством которых Маркс и Энгельс определяли понятие "рабочий класс". Буржуазные "марксологи" обычно извращают это понятие двояким образом. Часть из них, игнорируя основной признак различия классов по их отношению к средствам производства, к собственности, мыслят под пролетариатом класс, связанный с тяжелым физическим трудом и обреченный на нищету. Естественно, что при таком определении легко прийти к выводу, что в современных условиях пролетариат исчезает. Другая часть (в первую очередь леворадикальные идеологи) видит основной критерий понятия "рабочий класс" в его связи с наиболее прогрессивной техникой и организацией производства, т.е. отвлекаясь от всех социально-экономических условий его существования. При таком определении нетрудно проложить мост к "доказательству" ведущей роли интеллигенции.

Вступая в полемику с защитниками идеи "исчезновения" рабочего класса в силу изменившейся формы его тру-

да, немецкие марксисты приводят факты из реальной социально-политической и экономической жизни ФРГ и других капиталистических стран, убедительно свидетельствующие о том, что решающим признаком пролетариата как класса является его социально-экономическое положение в обществе. Например, заработная плата и доходы рабочих и служащих в ФРГ с 1950 по 1968 г. повысились на 242,3%, в то время как прибыль монополий увеличилась на 578,3% (см.с.100).

Несостоятельными оказываются и попытки Юргена Хабермаса, Михаэля Мауке (37,с.71) и других доказать, будто рабочий класс не представляет собой сегодня главную производительную силу. Их основной тезис сводится к тому, что Марксова теория трудовой и прибавочной стоимости не "работает" в современных условиях, ибо характер распределения материальных благ и их потребление зависят сегодня не столько от производства, сколько от "институциональных рамок" и, как будто бы признавал сам Маркс, от общего состояния науки и прогресса технологии и применения этой науки на производстве. Наука и техника становятся якобы независимым источником прибавочной стоимости, и поэтому полностью стираются различия между пролетариатом и интеллигенцией. Подвергая критике сторонников этого "варианта" исчезновения рабочего класса, его превращения в "новый класс", авторы книги убедительно показывают, что развитие внутренней структуры рабочего класса в условиях НТР не дает никаких поводов для утверждения о разложении рабочего класса. Напротив, в связи с растущей пролетаризацией новых слоев буржуазного общества усиливаются тенденции к объединению и сближению его отдельных слоев и групп (см.с.107).

В то время как эти варианты буржуазной идеологии характеризуются стремлением субъективизировать классовые

противоречия ссылкой на радикальное изменение формы и характера труда рабочего класса, другие варианты пытаются навязать мнение, будто в основе Марксова утверждения о революционной роли рабочего класса лежит теория обнищания. А так как в революционной теории Маркса, по мнению этих идеологов, рост и потенция пролетариата обуславливаются "отсутствием материальных компенсаций", то сегодня в связи с неуклонно повышавшимися "стандартами жизни" рабочий класс делается безразличным к тому, кто располагает средствами производства. Отсюда его революционная потенция сводится на нет, исчезает "адресат" для революционной теории, или, как говорят буржуазные "марксологи", "голове критики недостает, таким образом, сердца". Однако утверждение, будто революционная потенция рабочего класса и его сознание автоматически вытекают из его нищенского положения в буржуазном обществе, не выдерживает критики. Опираясь на выводы классиков марксизма-ленинизма, авторы книги показывают, что и сегодня развитие классового сознания у рабочих происходит по мере вовлечения их в классовую борьбу, по мере приобретения ими опыта борьбы и осмысления основных интересов всего класса. В этой связи роль марксистско-ленинской партии состоит в том, что она помогает им на основе революционной теории перешагнуть рамки спонтанности повседневного опыта борьбы за улучшение материального положения и постичь сущность капиталистических отношений. Таким образом, рекламируемые буржуазными идеологами факты повышения уровня материальной жизни, увеличения реальной заработной платы, сокращения продолжительности рабочего времени, если даже и позволить себе безоговорочно согласиться с такими утверждениями, не дают никаких оснований для вывода об "интеграции" рабочего класса современным капитализмом. Напротив, они служат свидетель-

ством социального признания и растущего влияния рабочего класса в обществе.

Чтобы разорвать международное единство и сплоченность рабочего класса, "марксологи" различных направлений утверждают, с одной стороны, что Маркс и Энгельс будто бы рассматривали интернационализм как "утопию" и что пролетарский интернационализм исключает осуществление национальных интересов рабочего класса. С другой стороны, эти национальные интересы интерпретируются в духе буржуазного национализма, с тем чтобы внести раскол в международное рабочее и коммунистическое движение. Однако, как отмечают авторы книги, реальная борьба международного рабочего класса за социализм, мир и демократию опровергает измышления буржуазных и ревизионистских идеологов об исключительности национальных интересов пролетарского движения в отдельных странах. Пролетарский интернационализм сегодня, в условиях острой борьбы с империализмом не только не представляет собой "утопию", но "является жизненным принципом мирового коммунистического движения" (с.134).

Большой интерес представляет критика немецкими марксистами буржуазных и ревизионистских извращений марксистско-ленинского учения о революционной партии рабочего класса. Это учение подвергается нападкам по двум основным линиям: по линии искусственного конструирования противоречий в этом вопросе между классиками марксизма-ленинизма и, во-вторых, путем создания различных моделей марксизма и утверждения о возможности его многозначного истолкования.

Авторы показывают, что во всех принципиальных вопросах, касающихся сущности, функции и исторической задачи пролетарской партии между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лениным - с другой, существует полное

единство. Единство марксистско-ленинского учения о партии состоит, по мнению авторов книги, в том, что Маркс, Энгельс и Ленин рассматривают ее как решающий инструмент пролетариата в осуществлении его исторической миссии, подчеркивают ее пролетарский характер, видят в ней воплощенное единство научного коммунизма и рабочего движения, указывают на ее авангардную роль, на интернационалистский характер ее деятельности и, наконец, разрабатывают основные принципы ее организационного строения, особенно выделяя принцип демократического централизма, необходимость строгой партийной дисциплины (с.144-148).

Другая линия борьбы против марксистско-ленинского учения о партии рабочего класса, которая тесно связана с первой, заключается в том, что фальсификаторы марксизма всячески пытаются разрушить мировоззренческое единство и сплоченность коммунистических партий, проповедуя идею о "необходимости плюралистического марксизма". Так, ревизионисты Э.Фишер и Ф.Марек заявляют, что ленинское учение о партии нового типа является будто бы специфическим русским явлением (28). Нападки на Ленина, как убедительно показывают авторы книги, оказываются для буржуазных "марксологов" лишь поводом для утверждения, будто партия является чем-то совершенно внешним по отношению к рабочему классу или провозглашения столь же вздорной идеи, что Маркс и Энгельс отстаивали теорию тождества класса и партии (87). Последнее утверждение характерно как для профессионального антикоммуниста Бертрама Д.Вольфа, так и для ревизионистов из группировки "Манифесто" в Италии, что лишний раз свидетельствует о близости различных "марксологических" концепций.

Для того чтобы противопоставить взгляды Маркса и Энгельса на роль партии, с одной стороны, и Ленина - с

другой, буржуазные "марксологи" прибегают также к "версии", согласно которой Маркс и Энгельс изображаются как сторонники слепого исторического детерминизма, убежденные в "естественной" гибели капитализма, и отсюда само существование партии как сознательного авангарда делается излишним. С другой стороны, они характеризуют Ленина как волонтариста, поставившего цель осуществить революцию в одной отсталой стране и создавшего партию в качестве инструмента для реализации этой цели. Авторы подчеркивают, что подобные искусственные конструкции буржуазных идеологов опровергаются общеизвестными фактами из истории формирования и развития марксизма, свидетельствующими о том, что Маркс и Энгельс никогда "не верили" в спонтанное появление научного пролетарского классового сознания" (с.160).

Большое место в книге немецких марксистов уделяется критике социал-демократического оппортунизма с его лозунгом "партия открыта для всех", отрицающего ее классовый характер и выдвигающего иллюзорную идею создания "народной партии". Идеологи социал-демократизма заявляют, будто Маркс и Энгельс, будучи приверженцами демократической традиции в западноевропейском рабочем движении, выступали против прочной (партийной) организации и дисциплины, тогда как Ленин видел в партии организацию, целиком построенную на централистских и диктаторских принципах. Опровергая эти домыслы буржуазных и реформистских теоретиков, авторы показывают, что они возникают как следствие абсолютизации тех или иных периодов развития марксистско-ленинского учения о партии и что их главная цель состоит в дискредитации ленинизма и коммунистической партии.

Ленинское учение, утверждает, например, Г.Маркузе, обосновывает "советско-марксистское" господство партии

над классом и необходимость его подчинения "бюрократическому аппарату". На самом деле смысл того, что Г.Маркузе именуется "господством", заключается в требованиях партийной дисциплины и укрепления организации, требованиях, перед которыми мелкобуржуазные теоретики, как подчеркивают авторы книги, испытывают настоящий ужас (с.174).

Авторы указывают, что попытки разорвать единство революционной партии и марксистско-ленинского мировоззрения имеют цель подорвать сплоченность мирового коммунистического движения. При этом вообще отрицается историческая связь между марксизмом и рабочим движением, а сам марксизм изображается как плюралистическая доктрина, внутри которой возможны как революционные, так и реформистские варианты. Марксизм будто бы может быть одинаково представлен как ленинизм, как теория "этического социализма", как австромарксизм, троцкизм, маоизм, старый и новый ревизионизм, как "критическая теория" и т.д. Возможность многозначного толкования марксизма якобы вытекает из наличия в нем самых противоположных тенденций: "демократическо-либеральной" и "революционно-диктаторской", "теоретической" и "практической", "сциентистской" и "гуманистической" и т.д. Концепция "плюралистического" марксизма оборачивается, как справедливо считают авторы книги, плюрализмом в идеологии, направленным "против единства и сплоченности научного мировоззрения рабочего класса и прежде всего против ленинизма как марксизма нашей эпохи, против Советского Союза как его первого практического воплощения" (с.185).

Наиболее сильным нападкам и извращению в буржуазной "марксологии" подвергается вопрос о классовой сущности политической власти, о необходимости диктатуры пролетариата. И это не удивительно, так как вопрос о завоевании политической власти является краеугольным камнем марк-

систской революционной теории и неотъемлемой составной частью исторической миссии рабочего класса. Основным в фальсификации марксистско-ленинского учения о государстве являются нападки на открытие Марксом и Энгельсом социально-экономической детерминированности государства и права. Центральное положение марксизма о том, что все политико-юридические формы и институты обусловлены в конечном счете строем объективно складывавшихся экономических отношений классового общества, толкуется современными идеологами буржуазии и правой социал-демократии как "устаревшее". Абсолютизируя самостоятельность "институциональных рамок" буржуазного общества, они изображают государство как некий "стоящий над классами" институт, могущий служить орудием осуществления социальных реформ, изменения и улучшения общества. К.Поппер характеризует в этой связи учение Маркса и Энгельса о классовой сущности государства как "марксистскую сказку" (73).

Аргументы буржуазных "марксологов" сводятся к тому, что в современном капитализме политика уже настолько отделилась от экономики, что приобрела новое качество регулирования процессов воспроизводства и контроля над ними. Отсюда современное буржуазное государство изображается как государство "всеобщего благоденствия", служащее всем общественным силам. По мнению авторов книги, коренной причиной, вызывавшей настойчивое стремление идеологов империалистической буржуазии запутать, исказить вопрос о государстве, является то обстоятельство, что в ходе соревнования социализма и капитализма на международной арене все явственнее проявляются преимущества социалистической политической системы над капиталистической.

Стремление как-то затуманить это преимущество и реализуется в проповеди классовой нейтральности буржуазного государства, в отрицании его сущности как орудия господ-

ства одного класса над другим. Раймон Арон, например, прямо заявляет, что политическая система капитализма столь же мало определяется властью монополистов, как и политическая система социалистического общества властью пролетариата. Авторы книги показывают, что отрицание Р.Ароном и другими буржуазными идеологами неразрывной связи между капиталистическим государством и монополиями является "специфическим отправным пунктом "теории индустриального общества", игнорирующей производственные отношения и сводящей все к производительным силам и технической мощи общества..." (с.198).

Разумеется, отмечают авторы, функция государства не исчерпывается лишь организованным насилием одного класса над другим. Для того чтобы функционировал такой сложный организм, как общество, требуется всякий раз определенный уровень его управления и организации. Однако отождествлять на этом основании государство и управление общественными процессами неправомерно, ибо при этом игнорируется исторический характер государства и его классовая сущность.

Концентрируя усилия на "теоретическом обосновании" антикоммунистических доктрин, буржуазные "марксологи" особенно большое внимание уделяют разработке псевдodemократических учений, изображающих капитализм как "свободный мир", а реальный социализм как "тоталитаризм" и организационную систему "подавления личности". В "марксологическом" освещении эта концепция обосновывается противопоставлением демократии диктатуры. В свете такого разграничения К.Маркс и Ф.Энгельс представляются как защитники "чистой" демократии, враждебной всякой диктатуре, отождествляемой "марксологами" с социалистической государственностью и коммунистическим самоуправлением. Согласно И.Фетчеру, например, К.Маркс видел в

"диктатуре класса" лишь одну из форм государственного принуждения, опирающегося на подавляющее большинство населения, в то время как "Ленин толковал понятие диктатуры как употребление власти со стороны полномочного меньшинства, не связанного ни с каким законодательством" (26,28). Приведа соответствующие высказывания Ленина, свидетельствующие о том огромном значении, которое он придавал активному включению народных масс в управление государством и социалистической законности, авторы вскрывают несостоятельность попытки Фетчера сконструировать мнимое противоречие между Марксом как сторонником "чистой" демократии и Лениным как защитником "диктаторского господства меньшинства". Цель подобных попыток состоит в дискредитации социалистической действительности (с.211).

Авторы отмечают, что клеветническое "учение" о тоталитаризме и демократии проходит красной нитью через всю буржуазную "марксологию", включая как откровенно империалистические концепции, так и тезисы об "этатизме", используемые современными ревизионистами в их нападках на демократический характер социалистических государств.

Попытки дискредитировать социалистическую государственность и отождествить ее с "тоталитаризмом" проявляются в буржуазной "марксологии" также в форме различных плюралистических концепций, извращающих вопрос о роли и месте общественных и политических организаций при капитализме и социализме. Теоретической основой этих концепций служит идея достижения "истинной" демократии на путях "необходимого соперничества" политических партий, выражающих якобы интересы самых различных общественных слоев и групп. При этом некоторые "марксологи" ссылаются на Маркса, который будто бы связывал диктатуру пролетариата с достижением парламентского большинства.

Искажение Марксова понимания пролетарской диктатуры самым непосредственным образом связано с нападками на демократический централизм. Выдвигая требование "децентрализации" политической системы социализма, ревизионисты клеветнически утверждают, будто в современных условиях почти во всех социалистических государствах "демократический централизм" переродился в "бюрократический", препятствующий свободному развитию личности.

Миф об "этатизме", подчеркивается в книге, является следствием извращенного понимания ревизионистами и леворадикальными теоретиками диалектической связи и единства демократии и централизма. Последние полагают, что укрепление государства, совершенствование политической организации социалистического общества способствует лишь сохранению человеческого отчуждения и противоречит, таким образом, позиции Маркса, будто бы связывавшего отмирание государства с ликвидацией отчуждения. Выпячивая на передний план проблему отчуждения, истолковывая последнее как антропологическое, всеобщечеловеческое состояние, ревизионисты, вопреки Марксу, показавшему, что почвой существования отчуждения являются антагонистические общественные отношения, утверждают, что при социализме и переходе к коммунизму устранение отчуждения является основной проблемой. Отсюда ревизионисты Э.Фишер, П.Враницки и другие игнорируют принципиальное различие между политической властью капитала и политической властью рабочего класса и рассматривают всякую власть как отчужденную. Абстрагируясь от классового содержания власти, Э.Фишер, например, заявляет, что "... посредством перехода власти из рук революционно-демократических органов в руки центральных инстанций, через институционализацию и бюрократизацию (при социализме) возникает новое отчуждение" (28,98). Авторы показывают,

что измышления ревизионистов о "тоталитаризме" и "новом отчуждении" при социализме являются идеологическими диверсиями против социалистических государств, выполняющих функции политических органов власти трудящихся под руководством рабочего класса. В то время как Маркс и Энгельс считали, что государство должно сохраниться и после завоевания рабочим классом политической власти как орган сопротивления классу капиталистов и организации нового общества, ревизионисты толкуют вообще о ликвидации политической организации государства и тем самым выражают открыто анархистские идеи. Не вызывает сомнения, пишут авторы, что утверждения современных ревизионистов о том, будто "социалистическое государство представляет новую форму отчуждения и несоединимо с "аутентичными" взглядами Маркса, оказываются клеветническими извращениями Маркса, рассчитанными на ослабление и устранение социалистической государственной власти. При этом фактически отчуждается искаженный ревизионистами Маркс от действительного Маркса" (с.230).

В заключение авторы кратко формулируют сущность и функции "марксологии", ее основные политико-идеологические цели, ее методы, а также обобщают причины и признаки ее идейно-теоретической нищеты. "Марксология", подчеркивают авторы, — неотъемлемая составная часть буржуазной идеологии, извращающая основное содержание работ Маркса и Энгельса для антикоммунистических целей. Ее основные функции — это разложение стран социалистического содружества и противодействие растущей притягательной силе марксизма-ленинизма. Причем целевые установки, которые в итоге обуславливают те или иные средства осуществления этих функций, являются "независимыми от субъективных намерений различных буржуазных идеологов" (с.232). Независимо от того, идет ли речь о попытках противопос-

тавить взгляды Маркса и Энгельса реально существующему социализму, либо отрицать ленинизм как марксизм нашей эпохи, или о стремлении вбить клин в единство и сплоченность марксизма-ленинизма, либо, наконец, о попытках объявить учение Маркса и Энгельса "устаревшим" для решения современных проблем — все эти попытки объединяет общий метафизический подход. Он состоит главным образом в абсолютизации и выдергивании из работ Маркса и Энгельса тех или иных цитат, в переносе их смысла из одной исторической связи в другие исторические ситуации.

Парадокс состоит в том, что, несмотря на многочисленные попытки объявить марксизм "мертвым" или "опровергнутым", он усиливает из года в год свое влияние не только на передовые отряды рабочего класса, но и на все оппозиционные силы буржуазного общества: "марксология" курьезным образом способствует возрастанию интереса людей к учению Маркса, Энгельса, Ленина и оказывается для буржуазии в известном смысле "обобоострым мечом" (с.244).

Ю.Р.Фурманов

ГЕРНС В., ШТЕЙГЕРВАЛЬД Р., ВЕЙС Г.

ОПОРТУНИЗМ СЕГОДНЯ

GERNS W., STEIGERWALD G., WEISS G.

Opportunismus heute.

Frankfurt a.M., Marxistische Blätter, 1974. 234 S.

(Marxistische Taschenbücher. R. "Marxismus aktuell". 76).

Задача, которую поставили перед собой авторы - члены ЦК Германской коммунистической партии (ГКП), известные философы и социологи-марксисты, заключается в разъяснении западногерманскому читателю сущности таких марксистских понятий, как "оппортунизм", "реформизм", "ревизионизм". В ФРГ эти понятия не только извращаются апологетами капитализма, ревизионистами, но и нередко обращаются в антикоммунистической и антисоветской пропаганде против марксистов.

В предисловии авторы характеризуют понятие "оппортунизм" как главное, наиболее общее. Оппортунизм - это "течение, которое подчиняет рабочий класс интересам капитала, является проводником в рабочем движении влияния буржуазной идеологии и политики" (с.9). "Реформизмом" они называют оппортунизм в рабочем движении "на той стадии развития, когда он еще верит, что посредством ре-

форм можно постепенно так преобразовать общественную систему капитализма, что она вырастает в социализм" (с.10). "Ревизионизм", который появился в эпоху империализма, - это "попытка внутри рабочего движения под прикрытием улучшения марксистской теории подменить ее в принципиальных вопросах буржуазными взглядами в области философии, политической экономии, политической теории, а также теории партии" (с.12).

В семи главах книги рассматриваются: I. Этапы развития оппортунизма и ревизионизма, II. Источники современного оппортунизма, III. "Демократический социализм" - вариант буржуазной идеологии, IV. Идеология и политика "Социалистического бюро". V. Антимарксизм в "левом" одеянии. VI. Троцкизм в наши дни. VII. Борьба против оппортунизма за единство действий рабочего класса.

Глава I освещает борьбу Маркса и Энгельса за победу марксизма в рабочем движении, рассказывает о борьбе В.И.Ленина (попутно также о борьбе К.Либкнехта, Р.Люксембург, Ф.Меринга) против оппортунизма в эпоху империализма в различных сферах. Главное внимание при этом обращается на ленинское учение о партии рабочего класса, на критику В.И.Лениным как правого, так и "левого" оппортунизма. Далее авторы анализируют оппортунизм в условиях общего кризиса капитализма, прежде всего на материалах ФРГ, дают общую характеристику главных его направлений. Правое социал-демократическое направление, которое стоит на почве госмонополистического капитализма, именуется интеграционистским. Наряду с ним сохраняется традиционный социал-реформизм, причем границы между этими разновидностями оппортунизма размыты, и их нередко объединяют понятием "демократический социализм". К последнему относятся разрабатываемая некоторыми "молодыми социалистами" стратегия "реформ, преодолевающих

систему"; программа установления социализма посредством "структурных реформ"; планы создания "островков социализма". В связи с критикой реформизма и в противовес ему авторы разъясняют марксистское отношение к реформам.

В главе II рассматриваются источники современного оппортунизма, анализируется влияние рабочей аристократии и рабочей бюрократии, выясняются новые экономические явления, образующие питательную почву для оппортунистических взглядов. При этом обращается внимание на следующее: госмонополистическое регулирование и НТР порождают иллюзии устойчивости капитализма; происходит изменение структуры рабочего класса, в частности возрастает удельный вес служащих; повышается жизненный уровень; возникает так называемая "рабочая собственность" (мелкие акции и т.п.). Все эти явления создают условия как для оживления правооппортунистической теории и практики, так и для распространения ультралевого революционаризма (особенно прогрессирующее разорение мелкой буржуазии и пролетаризация интеллигенции).

Новыми политико-идеологическими источниками оппортунизма называются демагогические заявления о предстоящих в ближайшем будущем реформах; искажение политики мирного сосуществования в духе отказа от ведения антиимпериалистической борьбы; утверждения о превосходстве капитализма над социализмом и пропаганда антикоммунизма; иллюзии буржуазного парламентаризма; расширительное истолкование имеющихся в некоторых странах возможностей мирного развития социалистической революции; абсолютизация национальных особенностей в ущерб выявлению общих закономерностей общественного развития, что порождает национализм; мнение, будто развитие НТР ведет к сближению капитализма и социализма, и т.д.

Авторы проводят мысль, что все эти источники современного оппортунизма не обязательно должны вести к его распространению. Коммунисты, укрепляя свою идеологическую стойкость, организованность и связь с широкими массами, могут содействовать усилению антимонополистической борьбы трудящихся. В ходе этой борьбы можно вполне успешно преодолеть как правый, так и ультралевый оппортунизм.

В главе III обстоятельно анализируется концепция "демократического социализма". Будучи "вариантом буржуазной идеологии", она является вместе с тем самой распространенной в социал-демократической партии. Устанавливая причины нового возрождения "демократического социализма", авторы выделяют две главных: I) желание удержать в рядах партии в условиях обострения противоречий капитализма, роста беспокойства и критичности у определенной части рабочего класса все радикально-демократические силы, особенно "молодых социалистов" и активных деятелей профсоюзов (об этом откровенно говорил в 1972 г. тогдашний статс-секретарь правительства К.Алерс, а в 1973 г. в своем заявлении ("10 пунктов") председатель партии В.Брандт); 2) растущее влияние реального социализма, успешное развитие стран социалистического содружества. Идеологи "демократического социализма" полагают, что разрывка между Востоком и Западом, прогресс промышленного развития социалистических стран приводят к тому, что социалистические страны уже не боятся капитализма и что теперь для них опасен идейный багаж "демократического социализма", который способен осложнить положение в этих странах. Подобная логика характерна для тех, кто придерживается позиции конфронтации между социал-демократией и коммунизмом, считая их противоположными политическими полюсами.

Авторы подчеркивают, что "демократический социализм" не имеет ничего общего с научным социализмом, с теорией Маркса, Энгельса и Ленина и представляет собой "смесь буржуазных идей". Они приводят примеры попыток некритического соединения христианского учения, кантовской этики, гегелевской диалектики, теории стихийности, новейших теорий Блоха, Адорно, Хабермаса, Джиласа и др. Не существует цельной теории "демократического социализма", практика свидетельствует о том, что социал-демократы, годами стоявшие у власти (в Англии, в Швеции), нигде не осуществили коренных и последовательных общественных преобразований. В Швеции, где социал-демократы почти 40 лет стоят у кормила, все еще 90% промышленности — в частной собственности, 4% — в кооперативной и 6% — в государственной. Капитализм, экономическая и политическая власть крупного капитала повсюду, где были или имеются социал-демократические правительства, не затронуты. Марксизм не отрицает значения прогрессивных этических идеалов и моральных ценностей, но все разговоры "демократических социалистов" об "основных этических ценностях" — лишь лозунги и фразы, призванные ввести в заблуждение трудящихся. Формально-словесный характер подобного рода "социализма" даже обосновывается "теоретически", когда, например, утверждается, что "демократический социализм" — не схема общественного строя, не каталог мероприятий, не конечная цель, а лишь "поставленная задача".

Ссылаясь на "Манифест Коммунистической партии" К.Маркса и Ф.Энгельса, авторы указывают, что полное отсутствие общности между "демократическим социализмом" и научным социализмом особенно очевидно проявляется в отказе правых социал-демократических лидеров от осуществления коренных предпосылок социализма: установления

политической власти пролетариата, национализации основных средств производства и т.д. Анализируя отношение "демократического социализма" к политической власти, собственности на средства производства, экономической деятельности капиталистического государства, планированию, авторы утверждают, что правые лидеры СДПГ безоговорочно стоят на почве государства, сложившегося в ФРГ, считают его не выражением власти монополий, магнатов капитала, а "свободной демократией".

Правые социал-демократы отрицают задачу завоевания рабочим классом политической власти, утверждая, например, как это делает П.Х.Людц, что вообще нет больше рабочего класса. Они отвергают также требование обобществления средств производства, защищают строй, основанный на капиталистической собственности, считая, что корнем зла является не частная собственность на средства производства, а низкий уровень развития производительных сил. По их мнению, не изменение отношений собственности ведет к бесклассовому обществу, а скорее неограниченное развитие производительных способностей человека и техники. В книге опровергается оппортунистический тезис об "исчезновении" в большинстве развитых капиталистических стран, в том числе в США, частной собственности на средства производства. Социал-демократия — это партия реформ, приспособляющая свою теорию и практику к нынешнему развитию капитализма; она пытается контролировать власть, не посягая на экономический базис отношений господства.

Далее "демократический социализм" характеризуется авторами как прокапиталистическая позиция, прикрытая марксистской терминологией. К представителям такого варианта авторы относят председателя правления СДПГ Нижней Саксонии П.фон Эртцена, известного своими историческими исследованиями о производственных советах в Ноябрьской

революции, активного деятеля профсоюзов. Он заявил в 1973 г., что капиталистические отношения и госаппарат могут вообще быть изменены только постепенно, а не уничтожены как целое, что эти изменения возможны посредством общественного планирования и регулирования в определенных ключевых сферах. Он высказывается против обобществления собственности концернов. Искажая точку зрения Маркса, Эртцен утверждает, что социалистическое движение не может уничтожить государство, а должно лишь его контролировать и постепенно демократизировать. Он заявляет также (вслед за троцкистами), что в социалистических странах на базе государственной собственности на средства производства (или бюрократической структуры социальной организации) в большей или меньшей степени восстановлены эксплуатация, угнетение и лишение духовной самостоятельности масс привилегированным меньшинством. Он не приводит и не может привести каких-либо доказательств этой антикоммунистической клеветы.

В книге подробно рассматривается получившая широкое распространение в ФРГ и других капиталистических странах концепция "качества жизни". Левые представители социалистической молодежи и профсоюзные деятели нередко толкуют ее в духе требований об ограничении предпринимательских прибылей, об охране среды обитания, о необходимости повышения образовательных и культурных возможностей для трудящихся, о недостаточности преимущественного роста экономики и индивидуального потребления, о важности замедлений темпа конвейеров, улучшения условий труда и отдыха, здравоохранения, общественного транспорта, качества продуктов питания и т.п. Эти требования, указывают авторы, справедливы и в социалистических странах учитываются с самого начала, тогда как в ФРГ они игнорируются.

Анализируя причины переключения с прославления индивидуального потребления на "качество жизни", авторы указывают на три фактора: 1. В условиях НТР зарплата и индивидуальное потребление недостаточны для воспроизводства рабочей силы как товара. Все большую роль играют образование и отдых, здравоохранение, охрана окружающей среды и т.д. Монополистический капитал вынужден считаться с тем, что требования улучшения условий жизни выдвигаются рабочими и профсоюзами все чаще и энергичнее. 2. Упущения в этих областях столь велики, что они становятся тормозом для интересов крупного капитала в укреплении власти и повышении прибылей. Но поскольку эта забота не сулит прибылей монополиям, они перекладывают ее на государство и трудящихся-налогоплательщиков. 3. В названных областях развертывается соревнование двух систем - капитализма и социализма. Здесь сравнение, как признают даже некоторые журналисты ФРГ, говорит в пользу ГДР.

Вместе с тем концепция "качества жизни" широко используется для ослабления требований рабочих относительно повышения заработной платы под лозунгом: тот, кто хочет солидного прогресса, должен согласиться на замедление прироста личного потребления, ту же затянуть пояса. Концепция "качества жизни" призвана отвлечь внимание трудящихся от проблемы капиталистической прибыли, от борьбы против капиталистической системы. Связанная с этой концепцией теория "нулевого роста", вопреки Марксу, прямо ориентирована на торможение развития производительных сил. Авторы подчеркивают двойственный характер концепции "качества жизни": с одной стороны, она - выражение обострения противоречий капитализма, ограниченных возможностей госмонополистической системы; с другой - используется для стабилизации системы и ее приспособле-

ния к условиям соревнования с социализмом. Поэтому коммунисты, разоблачая намерения замаскировать пороки капитализма, одновременно поддерживают все требования трудящихся об улучшении условий их жизни.

Обстоятельно рассматривается вопрос об отношении коммунистов к "демократическому социализму". Они вкладывают в концепции "демократического социализма" и "качества жизни" существенно иные представления, связывают с ними другие требования, чем правые лидеры СДПГ. Социал-реформистские силы в самой социал-демократической партии видят в этих концепциях основание для своей борьбы за демократическое соучастие в управлении, за демократические реформы в области налогообложения, образования, условий труда, за национализацию ключевых отраслей промышленности и банков.

У коммунистов много общего с "молодыми социалистами" и другими социально-реформаторскими силами в СДПГ, когда они выступают за непосредственные жизненные интересы трудящихся, против крупного капитала, за большее влияние трудящихся на государство, экономику и общество, за самоуправление, против неконституционных "запретов на профессию", за солидарность с народом Чили и т.п. Но не следует забывать, что и в этих кругах СДПГ имеются антикоммунистические настроения, стремление отмежеваться от социалистических стран, немарксистские представления о социализме и пути к нему. Стремясь к единству действий, коммунисты не должны забывать, что "молодые социалисты" не представляют собой единого целого, а охватывают широкий спектр политических взглядов - от правооппортунистических до ультралевых.

Государство трактуется, например, с одной стороны, как выразитель интересов крупных концернов, но с другой - отрицается, что оно представляет собой "инструмент

господствующего класса, являясь будто бы некой "формализованной тотальностью общества". "Молодые социалисты" отрицают задачу завоевания политической власти рабочим классом, но в отличие от правых признают значение обобществления средств производства, хотя и преувеличивают роль демократизации управления ими, недооценивают проблему собственности. Ахиллесовой пятой "молодых социалистов" авторы считают отношение к реальному социализму, в котором "единство демократии и социализма" якобы не полностью развилось. Реформистская суть политики "молодых социалистов" выражена в формуле: "стратегия реформ, преодолевавших систему". Авторы критикуют отклонение "молодыми социалистами" политики антимонополистических союзов, в частности их утверждение, будто нет принципиального противоречия между мелким, средним и монополистическим капиталом. Вместе с тем коммунисты выдвигают в повседневной борьбе на первый план не принципиальные различия, а общность с "молодыми социалистами", настаивая на единстве действий рабочего класса.

Глава IV посвящена идеологии и политике "Социалистического бюро" (СБ). В своем программном документе СБ требует не политической власти рабочего класса, а "самоопределения человека", вместо пролетариата говорит об "общности непривилегированных групп", "производителях", "угнетенных", "зависимых массах", "занятых" и т.п. Организационные принципы рабочей партии отвергаются. О.Негт, например, считает ненужной централизованную компартию, поскольку теперь массы не нуждаются, как прежде, в привнесении социалистического сознания извне, а достаточно "развить политическое содержание" их интересов и потребностей. Это происходит, по его мнению, стихийно, спонтанно.

В представлениях СБ о социализме и пути к нему анар-

хо-синдикализм смешивается с реформизмом. Теоретик СБ А.Клённе апеллирует к Прудону; развивается идея о создании до революции "островов социализма в капитализме".

В главах У и УІ дается развернутая характеристика теории и деятельности левацких организаций в ФРГ. В параграфе первом выясняются причины, обуславливающие усиление активности ультралевых "сверхреволюционных" групп, проповедующих эти взгляды. Авторы указывают на такие факторы, как рост числа студентов, пролетаризацию интеллигенции, растущее влияние развитого социализма, впечатление, произведенное провалами империалистической политики в Индокитае и т.д. Однако обращение к социализму многих выходцев из буржуазной и мелкобуржуазной среды отягощено разнообразными предубеждениями. К ним относятся антикоммунизм и особенно антисоветизм, буржуазно-интеллигентский индивидуализм. Настроенной по-боевски, но не искушенной в политике молодежи (в том числе и рабочей) импонируют анархо-синдикалистские представления, крайний радикализм и даже авантюризм выдвигаемых требований. Авторы считают, что для психологии молодежи имеет значение также факт большой отдаленности (географической и с точки зрения реальных условий бытия) далекого идеала: "спасение" издалика выглядит - почти как в теологии - спасением из "потустороннего мира". К этому присоединяется мелкобуржуазное нетерпение студентов, их желание "подтолкнуть" революцию, которой не хотят социал-демократические политики и профсоюзные бонзы, которую якобы тормозят коммунисты. У студентов находят благоприятную почву и некоторые мотивы борьбы "бедных народов" против "богатых", идеи уравнительности.

Авторы уделяют много места обоснованию тезиса, что "левизна" - это мелкобуржуазная контрреволюционная идеоло-

гия и политика, а вовсе не разновидность марксизма. Они указывают на специфические черты "третьего мира". (преобладание крестьянства, малочисленность промышленного пролетариата). Левацкие идеологи, уповающие на революционный опыт "третьего мира", часто не знакомы с произведениями Маркса, Энгельса, Ленина, грубо искажают их идеи, создавая свой собственный "марксизм", не представляющий из себя цельной, единой теории, проповедующий концепции о "мировой деревне", о гегемонизме "сверхдержав".

Говоря о "левых" в ФРГ, авторы рассматривают прежде всего их отношение к социально-экономической борьбе рабочих и к деятельности профсоюзов. Пренебрежительное отношение к этим действиям рабочего класса соединяется с нападками на профсоюзный аппарат как таковой, с пропагандой своего рода "революционной профопозиции". Хотя левацкие группы расходятся друг с другом в частности, они усматривают в единых профсоюзах, созданных в ФРГ в результате многолетней борьбы рабочих, только аппарат угнетения, призывают к расколу организаций. Они выдвигают нереальные, завышенные требования, часто не связанные с конкретными задачами того или иного выступления, пытаются подорвать единство действий.

В вопросах борьбы за демократию и социализм леваки стоят на позициях отрицания всех антимонополистических переходных форм на пути к социализму, пытаются дискредитировать как "ревизионизм" борьбу рабочих за антимонополистическую демократию, за соучастие в управлении производством, выступают против использования трибуны парламентов, объявляя единственным методом непосредственную вооруженную борьбу за социализм.

"Левые" саботируют борьбу за мир. Они выступают против сокращения военного бюджета ФРГ, вместе с ХДС/ХСС

участвуют в кампании против политики разрядки напряженности и мирного сосуществования, против ограничения атомных вооружений и т.п. Они охотно выполняют роль застрельщиков в антисоветских провокациях. Выступления против развития торговли ФРГ со странами СЭВ они маскируют смехотворным предлогом, будто развитие экономических связей способно ослабить революционную борьбу в странах капитала. Леваки в ФРГ, следуя в фарватере крайних реакционеров, стали неприкрыто высказываться в поддержку НАТО. Пытаясь противодействовать политике нормализации отношений между ФРГ и ГДР, левацкие группы пы выступают заодно с крайними шовинистами и милитаристами с крикливыми декларациями о "национальном единстве" немецкого народа. Они раскалывают также антиимпериалистическое движение солидарности, обрушиваясь с клеветой на чилийских коммунистов.

Авторы энергично подчеркивают, что главная сущность леваков - их антисоветизм. В клевете на СССР леваки соревнуются с самыми реакционными писателями газетного концерна Шпрингера. Реакционные силы ФРГ видят в леваках своих союзников в борьбе против ГКП. Их не пугает при этом ни ультрареволюционная фразеология, ни вызывающее поведение левацких воинствующих молодчиков, поскольку самым ценным признается внесение "левыми" раскола в революционное движение.

Далее авторы переходят к современному троцкизму. Политическое разоблачение его, по мнению авторов, необходимо потому, что он является поставщиком аргументов против коммунизма и особенно против СССР. Рассматриваются исторические корни троцкизма, в том числе теория "перманентной революции", причины возрождения его активности, дается политическая характеристика позиций современного троцкизма.

Троцкисты продолжают муссировать ранее выдвинутое обвинение в "бюрократическом перерождении" советского общества, распространив этот тезис на все социалистические страны. Исходя из "теории перманентной революции", они связывают перспективу революции с войной, а политику мирного сосуществования клеймят как "измену международной классовой борьбе". Под прикрытием утверждения, что только мировая революция может привести к социализму, троцкисты отрицают все реальные достижения социалистических стран и призывают к новым революциям, направленным против "бюрократии". При этом они призывают соединить процесс социальной революции против капиталистического режима с политической революцией против бюрократии. Так, в проекте платформы молодежной организации "Интернациональных коммунистов Германии" говорилось, что борьба против империализма и сталинизма сливается на немецкой почве в единое целое, сначала в плане пропаганды, а затем и материально.

Троцкисты выступают против борьбы за демократию как предпосылки борьбы за социализм. Вместе с тем в демагогических целях они спекулируют на самых радикальных лозунгах: "Контроль снизу со стороны непосредственных производителей", создание "базисной демократии". Они выступают за рабочие Советы, за рабочее самоуправление, и т.п. Авторы констатируют наличие широкой идейной общности между правым ревизионизмом и троцкизмом.

Заключительная, УП глава книги посвящена борьбе против оппортунизма, за единство действий рабочего класса. Здесь подчеркивается мысль, что на практике правый оппортунизм и ультра-"левое" сектантство — две стороны одной медали. Они смыкаются друг с другом на почве антикоммунизма, отрицания возможности единого рабочего фронта и т.п. Вопреки утверждениям правых лидеров социал-

демократии, реальная почва для единства действий коммунистов и социал-демократов имеется. Не могут служить препятствием и идейные разногласия, которые будут продолжаться. Что касается различных левацких концепций и группировок, то коммунисты ведут против них принципиальную идеологическую борьбу. С этими группами, поскольку их деятельность направлена прямо против КП и реального социализма в СССР и ГДР, единство действий невозможно. В то же время членов и сторонников этих групп (поскольку речь идет о введенной в заблуждение молодежи) нужно стараться освободить от влияния раскольников и вовлечь в общую борьбу против империализма.

Задачей всех марксистских сил остается решительная борьба со всеми разновидностями правого и "левого" оппортунизма.

Я.С.Драбкин

II. МАРКСИЗМ В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ РЕВИЗИОНИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

"ТРОЯНСКИЕ КОНИ" АНТИСОЦИАЛИЗМА

Обзор критики правого ревизионизма
в научной печати ЧССР

В чехословацкой марксистской литературе значительное внимание уделяется критике ревизионистских извращений марксистско-ленинской теории. Марксисты показывают несостоятельность ревизионистских концепций структуры, роли и функции рабочего класса в современных условиях, диктатуры и демократии при социализме, соотношения общего и специфического, интернационального и национального в строительстве социализма. Критикуют ревизионистский тезис о "плюрализме моделей социализма" как не имеющий ничего общего с ленинской идеей многообразия путей и форм социалистических преобразований.

Чехословацкие философы Грзал Л. и Нетопилик И. в работе "Мелкобуржуазные концепции социализма" (43) подчеркивают, что одной из распространенных форм борьбы против интернационального характера марксизма является стремление ревизионистов противопоставить ему ленинизм, который в качестве якобы частной (русской) формы марксизма не соответствует условиям промышленно развитых стран. Они обрушиваются на ленинское учение о партии и ее руководящей роли в борьбе против капитализма и в

строительстве социализма. В этом ревизионисты целиком смыкаются с идеологами антикоммунизма. Так, антикоммунист А.Мейер писал, что к концепции пролетарской революции ведет диалектика отсталости, при которой эра тоталитаризма продолжается до того времени, пока не будет устранена отсталость.

В своей книге "Великий поворот социализма" (34) Р.Гароди пропагандирует "творческий плюрализм" марксизма и социализма, выступает против ленинизма и так называемой "советской модели" социализма. Гароди предлагает несколько моделей социализма: советскую, китайскую, югославскую, чехословацкую, французскую и т.д. Он пытается доказать, что для такой развитой в индустриальном отношении страны, какой, например, является Франция, "советская модель" социализма неприемлема. Международное коммунистическое и рабочее движение, по его мнению, находится в настоящее время в состоянии кризиса, единственный выход из которого — "последовательная ревизия", нужная якобы как коммунистам, так и некоммунистам.

Грзал и Нетопилик показывают, что, подобно всем врагам коммунизма, Гароди принижает роль КПСС, утверждая, будто практика строительства коммунизма в СССР является изменой марксистско-ленинской теории. Он квалифицирует руководящую роль партии в Советском Союзе продолжением "сталинского стиля руководства", "канонизацией сталинских мыслей". Так, например, он пишет: "... партия занимает место рабочего класса и решает все сама от его имени" (32, с.88). Гароди выдвигает понятие так называемой "кибернетической модели" коммунистической партии, связывая с этим свободу для творческой самостоятельности широких масс и их участия в руководстве страной. Для этого партия, по мнению Гароди, должна

изменить не программу и цель, а методы и стиль работы, что означает превращение партии из боевой организации рабочего класса в дискуссионный клуб. Он считает также, что марксистско-ленинский принцип демократического централизма совершенно неприменим к индустриально развитым странам. Марксистско-ленинская концепция управления должна быть, по его мнению, заменена новой "кибернетической" концепцией. Ссылаясь на "последнее слово" науки и техники, Гароди пытается оправдать "плюралистическую модель" социализма, исключая диктатуру рабочего класса во главе с коммунистической партией. Такая "кибернетическая модель" управления плюралистическим обществом имела бы постоянным условием отказ партии от "официальной философии", т.е. от марксизма-ленинизма. Гароди заявляет, что "если партия не хочет быть сектой доктринеров, она не должна иметь никакой официальной философии - ни материалистической, ни религиозной, ни атеистической" (32, с.234).

Таким образом, заключают Грзал Л. и Нетопилик И., Гароди, как и многие другие оппортунисты, оказывает услугу буржуазным идеологам, пытающимся опорочить социализм в СССР и других странах.

Большую помощь буржуазной пропаганде оказали также идеологи "чехословацкого варианта" марксизма-ленинизма, так называемого "демократического социализма". В работе чехословацких философов-марксистов Грзала Л. и Нетопилика И. "Интеллигенты и власть" (42) подчеркивается, что мелкобуржуазная сущность всех разновидностей теории "демократического социализма" проявилась в национализме. На критику ошибок во взаимоотношениях компартий социалистических стран в 50-е годы часть мелкобуржуазных интеллигентов реагировала выпячиванием "национальных особенностей", что вылилось в конечном счете

в отрицание общих закономерностей развития социализма, а также в теорию различных национальных социализмов — югославского, венгерского, польского, чехословацкого и т.д. Идею превосходства национального над интернациональным выразил М.Йодл, который писал: "На протяжении последнего двадцатилетия все принуждает нас к реабилитации национального и демократического принципа... Трагедией коммунистической партии является то, что все последние 20 лет она не могла проводить национальную и государственную политику, а вместо этого проводила политику классовую и узкопартийную" (47,с.5). В таком же духе выступал и историк В.Кашик: "Недифференцированный, глобальный национальный подход при всей важности классовой оценки оправдан до тех пор, покуда реальное развитие указывает нам на жизненность национальных рамок. Пока нельзя игнорировать взгляд с точки зрения национального целого, классовость следует рассматривать как фактор внутренней дифференциации народа, а не как фактор, устраняющий народ" (49,с.807).

В этих попытках противопоставить национальное и интернациональное, отмечают Грзал и Нетопилик, заметно непонимание сущности основного закона развития социалистического общества. Апологеты "национального" приходят в конечном счете к тому выводу, что современная эпоха является не эпохой революционного перехода от капитализма к социализму, а простым продолжением буржуазно-демократической революции. Так, националистические теории обновляют старые лозунги буржуазных политиков, твердивших, что марксизм-ленинизм неприменим в условиях Чехословакии, поскольку это "импортированное" и "антинациональное" учение. Критики пролетарского интернационализма, указывают Грзал и Нетопилик, метафизически отделяли общее и особенное, интернациональное и на-

циональное. Общее, интернациональное они понимали в духе позитивистского номинализма, как нечто абстрактное, схематическое, лишенное жизни. Национальное же трактовали в духе позитивистского эмпиризма как живое, конкретное.

В современную эпоху, подчеркивают Грзал и Нетопилик, "опасность национализма будет наиболее ощутимо сказываться на коммунистическом движении" (42, с.392). Идеологи империализма используют сегодня все возможные способы, чтобы вбить клин в единый коммунистический фронт. Многие из этих идеологов возлагают большие надежды на национализм как средство дезинтеграции мировой социалистической системы, внесения разногласий в коммунистическое движение. Поэтому так велико среди буржуазных авторов число проповедников "национальных социализмов". В идеологической борьбе с национализмом, по мнению Грзала и Нетопилика, важно не сужать рамки этого понятия. Так, например, существует тенденция трактовать национализм только как реакционную идеологию, провозглашающую в национальном вопросе неравенство наций, т.е. сводить национализм к шовинизму. При таком ошибочном подходе более рафинированные формы национализма (скажем, национализм Масарика или Бенеша) ускользают из поля зрения критики.

Возрождение национализма всегда связано с антисоветизмом и антиленинизмом. Если до 1968 г. чехословацкие ревизионисты боролись только против "сталинизма" и "бюрократизма", то в 1968-1969 гг. они открыто выступали против ленинизма. "До сих пор, - писал М.Йодл, - русский марксизм является деформацией идеалов Маркса и в своей современной форме для европейского социализма неприемлем" (47, с.5). С аналогичными мыслями выступили в чехословацкой печати М.Рейман, Р.Селуцкий, И.Цвекл и др. Эти авторы

заявили, что ленинизм годен лишь для Азии и не может быть взят на вооружение в Европе. В Чехословакии ревизионистское учение о полицентризме коммунистического движения привело к обоснованию так называемого "чехословацкого марксизма".

Особенность этого "марксизма" Грзал и Нетопилик усматривают в его соединении с масарикизмом, Логика здесь такова: если ленинизм — это русская интерпретация марксизма, то почему основой чехословацкой интерпретации не может стать учение Томаша Гаррига Масарика? Ориентацию на Масарика как на идейный источник "демократического социализма" попытался обосновать М.Маховец в книге "Томаш Гарриг Масарик" (1968 г.) (60). Маховец представляет Масарика философом человеческой экзистенции и стоящим в том же ряду, что Сократ и Августин, Паскаль и Кьеркегор, Мартин Бубер и Эрих Фромм. "Для антропологически ориентированного марксизма, — писал М.Маховец, — Масарик, безусловно, становится одной из интереснейших фигур чешской истории" (60, с.54). По мнению Маховца, для критики современного индустриального общества Масарик дает больше, чем марксизм-ленинизм. "Все что Масарик критиковал, — пишет Маховец, — существует и поныне (пусть не в тех структурах и не под теми именами), причем в более заметных и отчетливых формах, чем при самом Масарике. Поэтому ключом к пониманию Масарика является более зрелая стадия современного кризиса" (60, с.50).

Если некоторые авторы, замечают Грзал и Нетопилик, представляли антропологическую ревизию марксизма просто как продолжение абстрактно-гуманистических буржуазных идей, то Маховец считает ее также продолжением религиозного экзистенциализма, плодом всей иудейско-христианской традиции. Как марксизм, так и экзистенциализм,

вышли для него из единого иудейско-христианского корня. Пример "чехословацкого варианта" марксизма ясно показывает, что национальная интерпретация не только смыкается с национализмом, но ведет к обновлению буржуазной национальной философии, к масарикизму. Ряд идеологов "демократического социализма", считающих себя марксистами, начали утверждать, что философия Масарика соответствует современным условиям в большей степени, чем теория Маркса. Так Масарик в качестве источника "чехословацкого марксизма" занял место другого идола чехословацкой интеллигенции 60-х годов - Франца Кафки.

В работе чехословацкого марксиста Я.Обзины "К критике философских и политических аспектов "гуманистической демократии" (72) дается развернутая критика идеологии масарикизма, оказавшей влияние на формирование "демократического социализма". Важнейшей составной частью идеологии масарикизма является теория "гуманистической демократии", разработанная Т.Г.Масариком и Э.Бенешем. Оба они как мыслители и как президенты Чехословацкой Республики оказали значительное влияние на политические взгляды целой эпохи развития буржуазной Чехословакии.

По Масарику, смысл "гуманистической демократии" заключается в отрицании "философии теократизма" и теократии как богоуправления. Теократии Масарик противопоставил антропократию. Масарик рассматривает государство не как божественный, а как человеческий институт, по его убеждению, вечный: "... мы узнаем из истории, что общество всегда было организовано государственно" (70, с.566). Государственно организованное общество, говорит Масарик, развивалось от монархизма, абсолютизма и аристократизма как разновидностей теократического правления через конституционные формы к демократии как

правлению народа, посредством народа и для народа. Народ в представлении Масарика — это не специфическая общественно-политическая категория, а собрание "людей-мирян". "Нелегко, — пишет он, — с научной точностью определить массу, обозначенную как нация, народ, пролетариат и т.д., однако сегодня может и должно быть ясно, что честный мыслитель не приемлет мифические и мистические теории, обожествляющие общественный коллектив" (70, с. 13). Поэтому для Масарика проблема демократии — это прежде всего проблема вождей, власть которых над народом в конечном счете суверенна.

Индивидуализм Масарика включает уважение принципа, согласно которому, помимо "я", существуют другие свободные критически мыслящие индивиды, и вместе с тем отвергает "мифическое и мистическое" коллективное сознание и подчинение индивида коллективу. За одним, правда, исключением: обязанностью индивида подчиняться власти государства, выраженной в законе. При этом Масарик игнорирует классовую природу государственной власти, чем и определяется его взгляд на социальную революцию. Для Масарика, подчеркивает Я.Обзина, социальная революция не имеет ничего общего с переходом политической власти от реакционного класса к классу прогрессивному, а выступает лишь как защита и обновление законности.

В связи с вопросом о положении гражданина в государстве Масарик затрагивает проблему диктатуры. По его мнению, сама по себе диктатура ни хороша, ни плоха: главное всегда в том, кто диктует и как диктует. Диктатура благотворна в том случае, если это диктатура специалистов, экспертов в области экономики, администрирования, военного дела и т.д. Диктатуру пролетариата Масарик толкует как эпизодическое явление в общем развитии социалистической революции. Для него диктатура

пролетариата — лишь первый импульс к развитию "новой политической власти". Эта диктатура, считает Масарик, должна как можно скорее отказаться от политического подавления и ограничиться решением чисто административных и хозяйственных задач, чтобы не потерпеть в конце концов фиаско. Смысл масариковских слов о диктатуре еще больше проясняет, почему он боролся против Советской России. Русский режим, говорил он, "не имеет ничего общего с наукой и научной философией", это "режим, дедуцированный из абстрактного тезиса и насильно осуществленный" (69, с. 210).

По мнению Я.Обзины, понимание демократии Масарик основывал на вульгарном понимании государства, классово-политической диктатуры, которую он смешивал с различными видами абсолютизма. "Я защищаю демократию, — писал Масарик, — от любого диктаторского абсолютизма, присваивают ли право на диктаторство церковь, государство или пролетариат" (69, с. 572). Смысл этого высказывания, замечает Я.Обзина, один: отрицание вполне определенного вида классовой диктатуры — диктатуры пролетариата. Против диктатуры пролетариата у Масарика в основном два аргумента. Первый основан на утверждении, будто диктатура пролетариата есть диктатура меньшинства над большинством. В России, считал Масарик, осуществляется в действительности не диктатура рабочего класса над остальными классами населения, а диктатура самозванцев, господствующих над пролетариатом. Поэтому для Масарика диктатура пролетариата в России была тождественна цезаризму. Второй аргумент сводится к тому, что Масарик выступает вообще за демократию против диктатуры и поэтому — против социалистического государства как разновидности государства диктаторского.

Концепцию "гуманистической демократии" Масарик не

выводит из действительности, скорее он мыслит ее как программу будущего: "Демократия еще нигде последовательно не осуществлена: все демократические государства являются пока лишь попыткой демократии. Демократические государства — одно больше, другое меньше — многое взяли от старых режимов, из которых они развились, а на принципах свободы, равенства, братства как внутри, так и на внешней арене будут основаны только подлинно новые государства, государства будущего" (63, с.532).

Близким политическим соратником Масарика и его учеником в области философии и политической теории был Э.Бенеш. Примкнув к Народно-социалистической партии, Бенеш избрал своим теоретическим оружием масариковскую концепцию "гуманистической демократии". В концентрированном виде понимание Бенешем демократии сформулировано им в вышедшей в 1924 г. небольшой брошюре "Трудности демократии" (22).

Говоря об античной, средневековой, "либеральной" и "современной" демократии, Бенеш формулирует исходные теоретические принципы демократического правления. Речь идет, подчеркивает Я.Обзина, о выявлении общих закономерностей и специфических особенностей демократии как формы государства в различных общественно-экономических формациях. Однако Бенеш отвергает марксистско-ленинское понимание классовости и политичности как всеобщих черт демократии, считает их, напротив, дефектом всех демократий прошлого. Эту ограниченность следует, по мнению Бенеша, преодолеть как в идеологии, так и в политической практике всех общественных классов, особенно буржуазии и рабочего класса, чтобы впоследствии можно было ликвидировать классы вообще. А пока классы остаются, нужно устранить классовость и политичность демократии, ибо "классовый", с точки зрения Бенеша, означает "аморальный" и "антидемократический".

Фактически Бенеш выступал не против классового характера демократии вообще, а лишь против такого поворота классовой борьбы, когда возникает возможность социалистической революции и диктатуры пролетариата. Антикоммунизм был определяющим политическим мотивом "гуманистической демократии", несмотря на ее резко критическое отношение к фашизму и некоторым сторонам традиционно буржуазной демократии.

Основной отличительный признак современной или "гуманистической" демократии Бенеш видит в ее расширении во всех направлениях. По Бенешу, государство в системе "гуманистической демократии" отнюдь не есть классовый политический институт, а только культурная и социально-экономическая организация. Если гуманность суть синтез передового современного индивидуума и всемирного универсализма, то все обладают одинаковым количеством свободы, и каждый ограничен степенью свободы другого (и, разумеется, "суверенными правами государства").

Государство в системе "гуманистической демократии" означает "правление всех для всех". В таком понимании политический характер демократии утрачивается полностью, ибо игнорируется существенный признак государства — политическая власть. Химерично, по мнению Я.Обзины, выглядит претензия защитников "гуманистической демократии" преодолеть узость всех демократий прошлого (в том числе и пролетарской) с помощью программы всестороннего расширения демократии.

В абсолютном смысле, пишет Я.Обзина, проблема гуманности в классовом эксплуататорском обществе решается прежде всего тем, что на базе этого общества возникает объективная возможность ликвидации классов и создания бесклассового общества. Поскольку Бенеш и другие идеологи Народно-социалистической партии отрицали возможность

создания бесклассового общества, они отрицали тем самым возможность создания объективных и субъективных предпосылок для развития гуманности, не ограниченной классовыми интересами. Бенеш понимал гуманизм только этически и философски, как некий спекулятивный идеал. В абстрактности такого понимания заключена его ограниченность, поскольку гуманизм Бенеша оставался по сути "гуманизмом" эксплуататорского класса. Я.Обзина отмечает, что марксистско-ленинская критика "гуманистической демократии" основана прежде всего на том, что программа социализма определяет, а социалистическая действительность наполняет идеал гуманности богатым содержанием во всех областях общественной жизни.

Если с точки зрения политической, пишет Я.Обзина, программу "гуманистической демократии" можно характеризовать как буржуазный реформизм, то с точки зрения гносеологической она предстает как соединение науки с ненаучным пониманием действительности. Пытаясь сопротивляться наступлению фашизма на демократию, представители "гуманистической демократии" делают ставку на абсолютную апологию демократии с помощью ненаучных аргументов. Философский же индифферентизм они пытаются преодолеть "позитивной" программой борьбы за нравственность и гуманность. По мнению Я.Обзины, программа "гуманистической демократии" была "конкретно-исторической реакцией определенной части буржуазного общества и его идеологов на общественно-политическую ситуацию в период первого этапа всеобщего кризиса капитализма в Чехословакии" (72, с.64).

Я.Обзина подчеркивает, что большинство теоретиков и вождей Народно-социалистической партии придерживалось определения демократии как власти народа. Однако представление о народе как носителе политической власти мо-

жет быть наполнено самым различным содержанием. В книге "Демократия сегодня и завтра" (23) Бенеш пишет, что проблема демократии есть "проблема последовательного народовластия, т.е. правления не сословия и не партии, а правительства и администрации всех, правительства и администрации всего народа" (23, с. 319). В действительности же Бенеш имеет в виду участие в управлении буржуазии, а отнюдь не всего народа, что сам он и подчеркивает, говоря: "Народ как целое и как масса прямо управлять обществом и организовать его не может" (23, с. 319). Понимание Бенешем народа было заимствовано впоследствии Народно-социалистической партией и включено в ее программные документы. Народно-социалистическая партия включала в понятие "народ" всех людей, в том числе и представителей реакции. С таким пониманием народа связано и соответствующее понимание социализма. В программе Народно-социалистической партии записано, что она никого не отлучает от социализма, а напротив, стремится привлечь на сторону социализма как можно больше людей из всех классов общества. Естественно, что из такого понимания народа и социализма вытекает и отрицание диктатуры пролетариата.

В определении Народно-социалистической партии, пишет Я.Обзина, понятие "народ" перестает быть самостоятельной общественно-политической категорией, ибо оно наполняется слишком расплывчатым смыслом: народ, дескать, это все люди, имеющие политические права. Подобный подход реакционен, так как при нем отождествляются категории "народ" и "граждане". Иными словами, под флагом национализма и отрицания классовой борьбы происходит отождествление "политического сообщества" с революционными и прогрессивными силами в обществе.

В марксизме-ленинизме категория "народ" охватывает

массы промышленного пролетариата, крестьянскую бедноту, деревенский пролетариат, мелкобуржуазные слои города и деревни (в буржуазном обществе), т.е. понятие "народ" значительно шире, чем понятие "пролетариат", содержание понятия "народ" многоклассово. Однако при этом в понятие "народ" марксистско-ленинская теория не включает буржуазию и те реакционные слои, которые противостоят объективным прогрессивным закономерностям развития. Марксистско-ленинское понимание народа достаточно широко, чтобы включать в него все прогрессивные слои общества. Народ — это "исторически обусловленная общность людей, в которую входят те классы, группы и социальные слои, которые на основе своего объективного положения и вытекающей из него деятельности способны решить задачи прогрессивного развития" (72, с.78). Необходимо, пишет Я.Обзина, делить народ на революционный (пролетариат плюс крестьянская беднота) и весь народ (революционный народ плюс мелкая буржуазия и некоторая часть буржуазии, заинтересованная в прогрессивном общественном развитии). Такое деление необходимо потому, что осуществление диктатуры пролетариата есть прежде всего дело революционного народа.

Реальный смысл демократии как власти народа заключается, с точки зрения марксистско-ленинской теории, в том, что революционный класс является правящим классом в союзе с другими народными слоями. Исходя из тезиса Масарика и Бенеша о том, что демократию создают прежде всего не политические институты, а люди, Народно-социалистическая партия дополняет дефиницию демократии тем положением, что по своей сущности демократия должна быть режимом настоящей духовной и нравственной аристократии. В соответствии со всей традицией буржуазной политической мысли Народно-социалистическая партия понимает под демократией "чистую" форму правления, не связанную с це-

лями, которые это правление преследует. Я.Обзина подчеркивает, что "демократия как государство, как политическая диктатура народа, как власть народа в обществе с антагонистическими классами практически осуществима только как политическая власть революционного класса, опирающегося на народ в целом и ликвидирующего какую бы то ни было иллюзию о возможности "чистой" демократии" (72, с.94).

В 60-х годах в ЧССР образовалась так называемая "теоретическая коалиция" политологов, социологов, экономистов, философов. Целью таких теоретиков, как Э.Млинарж, П.Махонин и О.Шик, была выработка социалистической модели, которая напоминала бы "общество-перекресток", т.е. включала бы элементы и социализма и капитализма. В работе Грзала и Нетопилика "Мелкобуржуазные концепции социализма" (43) подчеркивается, что дискуссия о моделях социализма была направлена на отрицание социалистического характера чехословацкого общества, а силами, способными двинуть страну вперед, провозглашались так называемые "западноевропейские ценности".

Раскрывая классовые функции "демократического социализма", авторы приводят следующее высказывание Л.Санто: "Демократический социализм - это один из понятийных вариантов, с помощью которого вожди социал-демократии западных капиталистических стран пытались помешать соединению рабочего движения с марксистской теорией, а тем самым настезь открывали двери проникновению в рабочее движение буржуазной идеологии. Эта антирабочая и антисоциалистическая роль демократического социализма конкретно проявилась в следующем: а) в утверждении, что марксизм является продуктом научного познания XIX в. и сегодня уже преодолен; б) в отрицании ленинизма как марксизма эпохи монополистического капитализма и сведе-

нии его к чисто русскому явлению, ничего не дающему рабочим высокоразвитых капиталистических стран; в) отказе от всякой идеологии; г) в отрицании того, что учение марксизма-ленинизма является органическим целым и как таковое либо целиком принимается, либо целиком отвергается" (84, с. II40).

Стремясь нанести удар существовавшему в ЧССР социализму, ревизионисты пытались прежде всего парализовать деятельность коммунистической партии, используя для этого Народный фронт, в котором, как предполагалось, должны были господствовать отношения равноправных партнеров. В этой связи Владимир Клокочка писал: "Не выдерживает критики и противоречит принципам социалистической демократии положение, при котором субъектом предвыборной конфронтации остается одна политическая партия с монопольной ведущей ролью, окруженная псевдопартиями-сателлитами, которые являют собой Народный фронт и славят положение партии - матери. В этом отношении "Программа действий" высказывается также против монополизации социалистической государственной власти одной партией" (50, с. 282). В вопросе о коммунистической партии, отмечают Грзал и Нетопилик, взгляды теоретиков "демократического социализма" были схожи со взглядами тех контрреволюционеров, которые в первые годы Советской власти выступали с лозунгом "Советы без коммунистов".

Если стремление обновить буржуазную плюралистическую демократию приводило к тезису "социализм без партии", то другое направление ревизионистов выступало за "социализм без ведущей роли коммунистической партии". Первая концепция, исходящая из автономии индивида, требовала возродить принципы буржуазной демократии и легализировать оппозицию на основе множественности социальных интересов. Вторая концепция подразумевала автономию от

партии и требовала непосредственного управления трудящихся в форме так называемого "самоуправления". В результате ревизионистского толкования под термином "самоуправление" стала подразумеваться некая разновидность прямой демократии. Правые толкователи тезиса самоуправления выдвинули тезис о суверенности людей. Иван Свитак писал в этой связи: "Рабочее движение создавали шахтеры, металлисты, рабочие задолго до того, как им на шею сел первый аппаратчик. Рабочее движение возникло, росло и развивалось в политических битвах людей, слоев, классов - не как покорная масса, манипулируемая аппаратом, а как носитель исторического прогресса... Представители возрожденческого движения сегодня уже открыто требуют... ликвидации решающего влияния аппаратчиков и бюрократии в государственной и партийной жизни" (81, с.4).

Свитак не признавал, что 20 лет в ЧССР существовала диктатура пролетариата, и считал, что это была диктатура правящего аппарата "над рабочими, над интеллигенцией", "над людьми". Он представлял КПЧ военно-бюрократической организацией и ставил под вопрос ее способность решать дела государства и народа, "исходя из основных правил европейской политики", обращал свои призывы к "прогрессистам" внутри КПЧ, которые должны были объединиться с некоммунистическими "союзниками". Свитак, отмечают Грзал и Нетопилик, не мог откровенно сказать, что печется о реставрации капитализма, и поэтому говорил об обновлении демократии. И хотя нормальное функционирование КПЧ в первые месяцы 1968 г. было серьезно нарушено, Свитак был недоволен тем, что партия вообще не смещена с политической арены. Он патетически восклицал: "Если мы посмотрим по-деловому и критически на результаты трехмесячного процесса возрождения, мы вынуждены будем констатировать, что, исключая отмену цензуры, не

произошло никаких структурных изменений в механизме тотальной диктатуры. В Чехословакии неизменно существует монополия одной партии на политическую жизнь, и поэтому нет ни одного характерного для демократии метода формирования политической воли людей" (83, с.8).

Как известно, дискуссия о самоуправлении в том виде, как она проходила в конце 1968 – начале 1969 г., приняла форму кампании за образование "Советов трудящихся". При этом ревизионисты ссылались на Маркса и Ленина, хотя в марксизме–ленинизме самоуправление означает вовсе не автономность отдельных организаций, оно тесно связано с централизованным управлением общественно–экономическими процессами. Социалистическая революция коренным образом меняет положение трудящихся: они становятся субъектами производства и совместными собственниками средств производства. Это долговременный процесс, и его нельзя осуществить моментально, как представляли себе правые защитники самоуправления, стремившиеся отстранить компартию от руководства производством и превратить общественную собственность в собственность групп и предприятий. Все эти теории, отмечают Грзал и Нетопилик, имели крайне неблагоприятное влияние на развитие чехословацкой экономики, так как использовались для проведения ревизионистски понимаемой экономической реформы.

Характерной чертой модели "демократического социализма" было утверждение ведущей роли интеллигенции в обществе – гуманитариев в общественном управлении и технических интеллигентов в управлении производственными процессами. Подчеркивание миссии интеллектуальной элиты в "процессе возрождения" смешивалось с модифицированными вариантами масариковской "революции умов и сердец" и объективно наносило удар по руководящей роли компартии, буду-

чи "выражением спиритуалистическо-идеалистического понимания исторического развития как движения идей" (43, с.225). Ревизионисты утверждали, что марксизм должен развиваться не как выражение исторических интересов рабочего класса, а как теория, не зависящая от политики рабочего класса и его авангарда - коммунистической партии. По мнению ревизионистов, субъектом познания общества является интеллигенция, которая способна принимать мир как целое и не вносит в это мировосприятие ограниченности отдельных борющихся классов.

Грзал и Нетопилик отмечают, что распространению в Чехословакии идей "революционной роли" интеллигенции способствовала публикация в 1966 г. в "Литерарних новинах" статьи Э.Фишера "Интеллигент и власть" (29). В обеих общественно-политических системах, утверждал Фишер, интеллигенты стремятся уйти от политической ангажированности и создать оппозицию "реальным политикам" (хотя эта оппозиция никогда не оформляется партийно-политически, а остается спонтанной оппозицией бесправия, преступности и социальному безумию). Власть имущие в обеих общественных системах ненавидят интеллигенцию. "Интеллигента, - писал Фишер, - характеризует не принадлежность к тому или иному политическому или религиозному сообществу или профессиональной организации: его определяют духовные усилия, направленные на формирование более разумного, более свободного и более гуманного мира" (29, с.1). Большие надежды возлагал Фишер на сотрудничество гуманитарной и технической интеллигенции в рамках особых объединений, которые стали бы духовными центрами и одновременно противовесом старым аппаратам власти. Идеи Фишера, считают Грзал и Нетопилик, отвечали "мессианским иллюзиям и поползновению к власти той части интеллигенции, которая разошлась с политикой КПЧ и марксизмом-ленинизмом" (42, с.383).

В рядах чехословацкой интеллигенции, пишут Грзал и Нетопилик, сформировалось две разновидности элитистских взглядов. Первый тип элитизма был связан с буржуазной гуманистической традицией и исходил из противоположности духа и материи, интеллигента и массы, а в ряде случаев осуждал усилия социалистического государства на пути промышленного и научно-технического прогресса как технократическую ревизию марксизма. Представители второго вида элитизма абсолютизировали роль научно-технической интеллигенции. Так, М.Крал пытался обосновать особое положение социалистической интеллигенции в условиях НТР. Многие чехословацкие теоретики, занимающиеся проблемами НТР, преуменьшали роль рабочего класса и на его место ставили интеллигенцию, в первую очередь так называемых "социалистических менеджеров". Э.Лёбл в статье "Цивилизация на распутье" писал: "Я понимаю различие между промышленной и научно-технической революцией как различие двух интеллектуальных уровней. Мне представляется, что такой подход позволит нам точнее оценить значение науки и умственного труда вообще, особенно роль и задачи работников умственного труда" (56, с. 10).

Грзал и Нетопилик отмечают, что многие буржуазные и ревизионистские идеологи (Гэлбрайт, Маркузе, Гароди) приходили к отрицанию ведущей роли в обществе рабочего класса и обоснованию ведущей роли интеллигенции, исходя из метафизического противопоставления преимущественно физического труда, с одной стороны, и преимущественно умственного труда — с другой. В Чехословакии зарождению тезиса о ведущей роли интеллигенции немало способствовали деформации отношения к науке и научной интеллигенции. Реакцией на ошибочную политику в отношении интеллигенции были различные теории, предлагавшие

интеллигенции выступить в качестве самостоятельного политического фактора, причем часто в борьбе против основных принципов партийного руководства. Многие из проповедников этих теорий говорили даже о "революции интеллигентов".

А. Сирацкий, выступивший в 1970 г. с критикой подобных взглядов, писал, что интеллигенция не имеет и не может иметь революционной теории, поскольку как целое она не заинтересована в революционных изменениях общества. У интеллигенции чрезвычайно своеобразное, неопределенное, противоречивое и социально "двузначное" положение. Одиноким интеллигентом, организованным лишь на профессиональной платформе своих союзов (научных, художественных, просветительских, учебных) и не проникающим за их тесные профессиональные рамки, не может сознавать общественный и политический смысл своего труда. В финансовом и политическом отношении он зависит от социальной системы, от правящего класса. Если при социализме интеллигенция может преодолеть утрату своих привилегий и иллюзий включением в практику, то в капиталистических странах ситуация сложнее. Здесь утрата интеллигенцией ее привилегий означает и постепенную утрату ее социально-профессиональной определенности и уверенности в завтрашнем дне. Поэтому нельзя, по мнению Сирацкого, утверждать, как это делают Э. Лёбл и Р. Гароди, что интеллигенция является носительницей решающей, преобразующей силы и могла бы независимо от социальной системы и даже в противоречии с интересами и политикой рабочего класса осуществить социальную революцию. О революции интеллигентов, считает А. Сирацкий, можно было бы говорить лишь при наличии двух условий: 1) если бы интеллигенция была принципиально "надклассовой" социальной группой и 2) если бы ее теоретическая

деятельность была решающей силой преобразования мира. Однако ни того, ни другого мы не наблюдаем.

Научно-техническая революция, отмечают Грзал и Нетопилик, может быть полностью реализована только как составная часть исторических интересов рабочего класса. Этот взгляд еще до января 1968 г. критиковался с двух сторон: с позиций экзистенциалистского антропологизма и сциентистско-позитивистского технократизма. Карел Кошик в статье "Наш нынешний кризис" (51), опубликованной в 1968 г. в "Литерарних листах", назвал концепцию научно-технической революции апологетическим мифом, увлечением от подлинных проблем "демократического социализма". Усилия коммунистической партии на пути повышения рациональности и эффективности экономики сторонники экзистенциалистски-антропологических взглядов клеймили как отречение от гуманизма. Отсюда родилась морализующая критика реально существующего социализма и утопические иллюзии о внеклассовом гуманизме и внеклассовой демократии. Проповедники экзистенциалистски-антропологических теорий обвинили марксизм-ленинизм в "сциентизме" и антигуманизме, в забвении интересов отдельной личности, которая-де была принесена в жертву коллективным общественным интересам.

Представление о ведущей общественной роли интеллигенции, отмечают Грзал и Нетопилик, вытекает, помимо прочего, из ложной мысли о том, что гуманистический характер деятельности интеллигенции объясняется духовными формами этой деятельности. Вопрос об интеллигенции как носителнице аутентичного гуманизма особенно откровенно ставил Свитак, писавший: "В каждую эпоху интеллигент защищает надличностные, надклассовые и наднациональные ценности правды, разума и справедливости. Будьте критически мыслящими учениками Карла Маркса, этого Коперника

общественных наук и современной политики" (83,с.6).

Однако, подчеркивают авторы, это идеалистический взгляд. С точки зрения реального марксистско-ленинского гуманизма, роль интеллигенции должна определяться тем, насколько этот слой в своей духовной деятельности способствует прогрессивным преобразованиям действительности. "Отделить этот процесс от коммунистической партии как ведущей силы гуманизма значит в конечном итоге исказить саму сущность гуманизации" (42,с.227).

Ряд чехословацких интеллигентов обратились к буржуазной теории элиты и с ее позиций пытались критиковать социалистическое общество, роль партии. Так, М.Йодл писал: "Многие марксисты до сего дня с недоверием относятся к понятию властвующей элиты, видя в нем антимарксистский инструмент борьбы против теории классов. Тем не менее существование властвующих элит — центральных и местных — бесспорно и в социалистических государствах, поскольку властвующие элиты имеются в каждом государстве" (46,с.67). По этому поводу Грзал и Нетопилик замечают, что сводить все взаимоотношения между массами и партией, вождями и партией, между отдельными классами к отношениям между элитой и массами означает рассматривать общественные процессы с внеклассовых позиций, сквозь призму категорий буржуазной науки.

"Марксизм-ленинизм отвергает понятие "элита" как излишнюю абстракцию буржуазной идеологии" (46,с.228).

Теория "гегемонии интеллигенции", продолжают авторы, сложилась в 60-х годах среди "новых левых", оказавшихся неспособными найти путь к рабочему классу. Абсолютизируя некоторые аспекты манипулирования рабочим классом со стороны империалистической буржуазии, "новые левые" выдвинули тезис о том, что рабочий класс перестал быть главной революционной силой современного

общества, что он "интегрировал с капитализмом" (Маркузе) и даже с "антикоммунизмом" (Дучке). А революционная интеллигенция якобы переняла функции рабочего класса — быть самой революционной силой общества. Философия "новых левых" в свою очередь основывается на так называемой "критической теории" Франкфуртской школы, главными представителями которой являются Маркузе, Адорно, Хоркхеймер, Хабермас, Фромм, Рисман (к Франкфуртской школе авторы относят также некоторые идеи Корша, Лукача, Блоха, Фрейда и даже Бакунина). Для всего этого направления характерно неверие в творческие силы рабочего класса. Капитализм отождествляется с индустриальным обществом, основанным на отчуждении человека и деформации человеческих потребностей. Поэтому критика капитализма заменяется критикой научно-технического прогресса или технического разума, ведущего во всем мире к технократической диктатуре и одномерной манипуляции человеком (причем капитализм и социализм — лишь разновидности технократической диктатуры).

Марксистские критики Франкфуртской школы неоднократно указывали на то, что ее представители, которые для чехословацких ревизионистов были "творческими марксистами", использовали абстрактное понимание диалектики. В системах франкфуртцев (особенно Маркузе) отсутствует категория опосредования, что ведет к появлению абстрактной категории "негации". В применении к общественной действительности эта абстрактная, тотальная "негация" проявляется как "великий отказ" (отказ и от капитализма, и от социализма, бессильный указать пути перехода к социалистическому обществу). Идеологи "новых левых" понимают революцию как "катастрофический" одно-разовый акт, радикальное расхождение во всем с историческим прошлым. Между капитализмом и социализмом они не

видят опосредующих звеньев. Представления "новых левых" о будущем общественном строе темны и невразумительны, однако красной нитью проходит сквозь них отрицание какой бы то ни было власти, какого бы то ни было авторитета. Идеологи "критической теории" рассматривают организованность рабочего движения как продолжение угнетения, противопоставляя ему фетишизированную спонтанность и анархичность.

Идеи франкфуртцев нашли живой отклик у ряда чехословацких ревизионистов. Отголоски этих идей прослеживаются у Косика, Гермаха, Свитака и других в критике бюрократии, технологизма, „сталинизма“, а также у тех политологов и экономистов, которые требовали "либерализации" социалистической политической системы и социалистической экономики. Таким образом, чехословацкие ревизионисты, много говорившие о критичности своих взглядов, оказались некритичными и бездумными последователями Масарика, идей Франкфуртской школы и "новых левых".

С.Я.Левит
В.И.Максименко

ЮЛИЙ Э.

"ПЛУРАЛИСТИЧЕСКИЙ МАРКСИЗМ"?
К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАРКСА
У СЕГОДНЯШНИХ РЕВИЗИОНИСТОВ

JULIER E.

"Pluralistischer Marxismus"?

Zur Marx-Interpretation des heutigen Revisionismus.

Frankfurt a.M., "Marxistische Blätter", 1974,
89 S. (Zur Kritik der bürgerlichen Ideologie, 35).

Namenverz.: S.88-89.

В первой главе "Место сегодняшнего ревизионизма в буржуазной идеологии" автор характеризует современный ревизионизм как попытку разложения марксизма изнутри и связывает его с новой идеологической стратегией империализма 60-х годов - концепцией "мирных преобразований" общественно-политической системы социалистических государств. В настоящее время ревизионизм - политическое и идеологическое течение внутри коммунистического движения, которое под предлогом обновления, освобождения от догматизма и дальнейшего творческого развития атакует основные принципы марксизма-ленинизма: классовый характер общественных явлений, историческую необходимость диктатуры пролетариата, ведущую роль марксистско-ленинской партии, демократический централизм (и в партии, и

в государстве), пролетарский интернационализм. В значительной мере содержание современного ревизионизма составляют идеи плюрализма и различных моделей социализма, связанные с абсолютизацией национальных особенностей отдельных стран.

Современный ревизионизм возник в начале 60-х годов как ответ с мелкобуржуазных и субъективно-идеалистических позиций на ряд реальных противоречивых проблем общественного развития: проблем НТР и ее социальных последствий, усиления государственно-монополистических тенденций капитализма, перехода к новому этапу развития в ряде социалистических стран и, наконец, усиления социалистической интеграции.

Идеологическим источником ревизионизма в капиталистических странах является спонтанное классовое сознание. К традиционным социальным источникам (мелкая буржуазия, рабочая аристократия) прибавляется часть научно-технической интеллигенции, сблизившейся (по отношению к средствам производства, но не по условиям жизни) с рабочим классом, и в еще большей мере — рабочая бюрократия.

В социалистических странах главным идеологическим источником ревизионизма автор считает идеологическую диверсию империализма, недиалектический способ мышления и немарксистскую реакцию на реальные трудности строительства социализма. Социальным источником здесь становятся элементы, вовлеченные во все расширяющееся коммунистическое движение, но еще не закаленные в революционной борьбе.

Ссылаясь на Ленина, автор еще раз характеризует ревизионизм как закономерное порождение противоречивых тенденций современного империализма. Так, НТР обостряет противоречия империализма и создает предпосылки социа-

лизма в его недрах, но она же порождает технократические иллюзии относительно решения проблем изменения производственных отношений и социального прогресса без классовой борьбы. Развитие государственно-монополистического капитализма вызывает дальнейшую поляризацию общества, расширяя тем самым антиимпериалистический фронт, и наглядно демонстрирует массам единство экономических и политических требований в классовой борьбе, однако этот тип экономического регулирования обеспечивает временное решение ряда социально-экономических проблем и порождает иллюзии о его дальнейших возможностях.

Автор указывает на отчетливо прослеживаемое в настоящее время сближение ревизионизма и социал-демократизма, требующего во внешней политике ослабления социалистических стран, а во внутренней — сглаживания классовых противоречий, возрождения реформистских иллюзий и интеграции рабочего класса в империалистическую систему. Эта связь проявляется в борьбе тех и других против реально существующего социализма, антисоветизма и антиленинизма, игнорировании основных принципов марксизма-ленинизма, мелкобуржуазной оценке явлений современности. Так, те и другие отрицают историческую миссию рабочего класса, марксистско-ленинскую партию в качестве руководящей силы, расшаркиваются перед буржуазной демократией и отвергают диктатуру пролетариата.

Для обоих течений характерны признание плюрализма в идеологии (я, как следствие, отрицание единства мировоззрения как теоретической основы партии) и теоретический эклектизм. Так, тезис о необходимости "множества марксизмов" означает для ревизионистов на практике эклектическое смещение неокантианства, гегельянствующей ревизии марксизма 20-х годов, экзистенциализма. Сартра, "критической теории" Франкфуртской школы, Герберта

Маркузе и "философии надежды" Эрнста Блоха. Наконец, тех и других сближает стремление найти общечеловеческие моральные основы социализма, поставить его в соответствие с неизменными и вечными этическими ценностями.

Однако серьезные различия этих направлений определяются полной ангажированностью социал-демократизма современным монополистическим капитализмом, в то время как замаскированная (и поэтому более опасная) мелкобуржуазная сущность ревизионизма приводит его только в конечном счете в лагерь контрреволюции. Так, в социал-демократической альтернативе социализму сохраняется и капиталистическая система, и частная собственность. Ревизионистская же модель качественно нового общественного порядка порывает не с идеей социализма, а с существующим социализмом. Устранение руководящей роли партии, устранение государства и классов, децентрализация хозяйства и групповая собственность непосредственных производителей должны превратить социализм, по мнению ревизионистов, в свободный и демократический.

В отличие от социал-демократов, находивших опору даже в некоторых слоях монополистической буржуазии (в интересах которой они используют нередко политическую власть), ревизионизм остается духовным течением одиночек, исключенных из рядов массового коммунистического движения. И в отличие от вождей социал-демократии, мелкобуржуазные интеллектуалы, занятые ревизией марксизма, вовсе не занимают высокооплачиваемых постов в буржуазном государстве. Но социал-демократы часто вообще не считают марксизм (и тем более ленинизм) теоретической основой своего "демократического социализма", хотя по традиции всегда называют Маркса и Энгельса в числе своих теоретических предшественников. Ревизионисты же счи-

тают себя истинными марксистами (иногда даже ленинцами) и в этом их главная опасность для революционного движения.

Сравнивая далее современный ревизионизм со старым (бернштейнианского типа), автор замечает, что знаменитый лозунг старого ревизионизма "цель — ничто, движение — все" у современных ревизионистов оказался перевернутым: "ничем" оказывается реально существующий социализм, ни в чем якобы не соответствующий идее Маркса, а всем — "истинный социализм" отдаленного будущего. Главный признак нового ревизионизма в отличие от старого — оценка ленинизма только как специфически русского варианта марксизма, а построенный на его принципах общественной системы — как бюрократически-этнический деформации социализма. Но в целом этот новый сегодняшний ревизионизм очень неоднороден (множество "истинных" интерпретаций, возникших на возвратном пути к Марксу, и множественность моделей "подлинного" социализма).

Во второй главе "Исторический материализм и субъективно-идеалистическая философия отчуждения" автор рассматривает центральную для ревизионизма идею отчуждения, заимствованную из ранних работ Маркса и абсолютизированную затем в идеалистическую антропологию. Заигрывающие с марксизмом теоретики стали связывать с понятием отчуждения все негативные социальные последствия НТР и превратили его в центральное понятие абстрактно-гуманистической философии человека (или "философии практики"), которая в качестве "истинной философии" Маркса была предложена как дополнение к историческому и диалектическому материализму.

С позиций абстрактного гуманизма сегодняшние ревизионисты критикуют и капиталистическое и социалистическое общество как варианты современного индустриального

общества с неизменным злом – отчуждением. Понятие отчуждения, выражающее у Маркса определенную сторону капиталистической эксплуатации, экстраполируется ревизионистами в равной мере и на эксплуатируемых и на эксплуататоров в качестве характеристики общей ситуации человечества в наше время. Употребление оставленного Марксом и соответственно искаженного понятия под предлогом возвращения к "истинному Марксу", автор считает оригинальным вкладом ревизионистов в разработку явно апологетической буржуазной теории индустриального общества.

По Марксу, причины отчуждения коренятся прежде всего в частной собственности на средства производства, а это как раз и игнорируется современными ревизионистами. Так, согласно Михайло Марковичу, в поздних работах Маркса отчужденный труд якобы фигурирует под термином абстрактный труд. Причина отчуждения производителя от других людей усматривается в возможности превращения труда в деньги, а отсюда ликвидация частной собственности на средства производства не устраняет возможности эксплуатации. Согласно Эрнсту Фишеру, причина отчуждения – в разделении труда. Таким способом отчуждение превращается в характерную черту и социализма, и капитализма, в то время как коммунизм и снятие отчуждения отодвигается в сияющие дали утопии.

Однако, как указывает автор, из разделения труда Маркс выводит только историческое возникновение частной собственности. С устранением капиталистических производственных отношений разделение труда перестает быть фактором отчуждения.

Обнаружив общее для социализма и капитализма зло, современные ревизионисты направляют критику преимущественно на социалистические страны. Так, Маркович пишет

о скрытых формах эксплуатации в посткапиталистических обществах с сильными бюрократическими структурами. Вранички считает, что социализм держится на целом ряде форм отчуждения (государство, классы, партии), и, таким образом, проблема отчуждения является главной для социализма.

Все приведенные и им подобные рассуждения со ссылкой на Маркса приписывают ему мнимо классово индифферентную точку зрения, или же пытаются противопоставить Маркса-гуманиста ("истинного" Маркса) — Марксу-революционеру и экономисту. Но, как известно, главным во взглядах Маркса было именно учение об исторической миссии пролетариата. Марксистский гуманизм, подчеркивает автор, ориентируется не на абстрактный и чуждый действительности идеал человеческого совершенства, но на реальные условия общественного развития, интересы, требования и стремления людей, живущих в исторически-конкретном обществе. Теоретик, считающий себя марксистом, пишет в этой связи автор, не может игнорировать классовый характер общественных явлений, потому что основная идея марксизма — не освобождение абстрактного человека от отчуждения, а освобождение именно рабочего класса в процессе революционной борьбы из-под гнета капитализма.

Автор останавливается и на таких явных искажениях Маркса, как отрицание законов общественного развития и отказ от материализма, которые служат ревизионистам обоснованием отрицания всеобщих закономерностей перехода от капитализма к социализму. Он упоминает также о фрейдистских попытках вывести марксизм (чисто субъективистски) из индивидуальности Маркса, о мнении, будто Маркс развил свою теорию для объяснения и оправдания собственных мессиянских притязаний на власть и господство.

В третьей главе автор рассматривает центральную для марксизма проблему исторической миссии рабочего класса и ее искажение ревизионистскими идеологами. Он подчеркивает, что основным стержнем теоретического развития Маркса было всестороннее обоснование первоначальной догадки об освободительной миссии рабочего класса.

Современные ревизионисты, утверждая, что рабочий класс больше не может быть субъектом революции, приводят два аргумента. Во-первых, относительно высокий жизненный уровень в развитых капиталистических странах якобы разлагает рабочий класс и интегрирует его в капиталистическую систему. Здесь ревизионисты идут вслед за буржуазными идеологами, одни из которых считают интеграцию рабочего класса фактом, другие - задачей. Во-вторых, говорят ревизионисты, изменения в социальной структуре, связанные с НТР, снизили значение рабочего класса в производственном процессе и повысили роль интеллигенции как ведущей общественной силы.

Так, Фишер противопоставляет якобы бесспорную тенденцию многих слоев рабочего класса (прежде всего в США) считаться только со своими экономическими интересами в рамках капиталистической системы - готовности многих интеллектуалов "выпасть из этой системы". На их сторону, по Фишеру, становятся только высококвалифицированные рабочие, и борьба ведется не за будущее господство пролетариата, а за социалистическое будущее. В авангарде борьбы стоят все те, кто озабочен будущим человечества, от рабочих до ученых, от техников до священников, в союзе с мощными крестьянскими массами в Азии, Африке, Латинской Америке.

К непрямым формам отрицания ведущей роли пролетариата автор относит абсолютизацию роли ученых, концессию "нового рабочего класса" (определяемого по качеству жи-

лиша) Анри Лефевра, "исторически новый блок" Роже Гароди.

В тесной связи с отрицанием ведущей роли рабочего класса и классово индифферентной концепцией отчуждения находится, по мнению автора, интерпретация марксизма как "критики всего существующего", особенно характерная для группы "Праксис". Интегрированный в систему рабочий класс, утверждают представители этой группы, интеллектуально ленив и не желает видеть ничего, кроме непосредственной данности. Носителем критического духа марксизма становится интеллигенция, которая выводит человечество из состояния отчуждения (хотя и совершенно неясно какими путями, замечает автор, коль скоро интеллигенция занята исключительно критикой). Эта интерпретация марксизма находится в прямом родстве с либерально-буржуазной философией Франкфуртской школы.

В качестве методологии изучения истории, но отнюдь не теории освободительной борьбы рабочего класса и строительства социализма, марксизм интерпретируют Э.Фишер и Р.Гароди, польский ревизионист Л.Колаковский. Автор демонстрирует несостоятельность главных аргументов ревизионизма. Борьба рабочего класса во всех частях капиталистического мира (с 1960 по 1970 г. 583 млн. чел. участвовало в забастовках) опровергает довод об интеграции рабочего класса в капиталистическую систему. Ведущий английский буржуазный социолог Т.В.Боттомор вынужден признать, что тезис об окончании времен классовой борьбы в высшей степени сомнителен и что выдвинутые против Маркса критические аргументы и альтернативные идеи не дают новой, столь же исчерпывающей теории.

Автор приводит цифры, свидетельствующие об обострении классовых противоречий в развитых капиталистических

странах и напоминает о массах голодных в странах, где господствует неокOLONиализм, о живущих на грани бедности в самых высокоразвитых странах капитализма.

Касаясь второго аргумента, он подчеркивает, что НТР не сопровождается передачей руководящих функций гетерогенным слоям интеллигенции, а ведет к количественному и качественному росту рабочего класса, в особенности его революционного ядра — промышленного пролетариата. Ревизионистские попытки превратить представителей интеллигенции в бессильных критиков любого строя или противопоставить их рабочему классу мешают сознательному участию интеллигенции в революционной борьбе.

Все ревизионисты едины в отрицании значения марксистско-ленинской партии как воплощения единства научного социализма и революционного рабочего движения, пишет автор в следующей главе. Другой распространенной (наряду с вышеприведенной) формой непрямыа атак на партию является простое игнорирование ее роли и значения для революционной борьбы рабочего класса. Так, Фишер предает забвению, что марксизм выступил впервые в печати в виде "Манифеста Коммунистической партии", что только через развитое в Манифесте учение о партии марксистская теория получила логическое завершение и марксизм стал преобразующей мир духовной силой.

В этом современные ревизионисты являются духовными наследниками Корша, выдвинувшего тезис о независимом друг от друга развитии марксистской теории и рабочего движения. По Коршу, опровержение монополистических притязаний марксизма на теоретическое и практическое руководство — "первый шаг к возрождению революционного движения". Маркс оценивается им только как один из предшественников, основателей и продолжателей социалистического движения рабочего класса. С точки зрения, которую

Корш называет "современной", равно важны так называемые "утопические социалисты" от Томаса Мора до нашего времени, такие заклятые враги марксизма, как Прудон и Бакунин, наряду с немецким ревизионизмом, французским синдикализмом и русским большевизмом.

Столь же отчетливо это типичное для современного ревизионизма требование плюрализма в теории выражено Эрнстом Фишером в его вариантах марксизма:

- а) марксизм как научное мировоззрение;
- б) марксизм как "философия человека" с центральным понятием отчуждения;
- в) марксизм как иерархически расчлененная понятийная структура (здесь, замечает Юлир, речь идет о попытках применить структурализм к марксистской теории);
- г) марксизм как научная методология исследования истории и политической деятельности.

Все четыре варианта Фишера, замечает автор, отрывает марксизм от коммунистического движения в мире.

Для Ота Шика Маркс только один из многих великих ученых. О. Шик видит, частичную истинность и, ошибки как марксистской, так и буржуазной идеологии и призывает к некоему "третьему пути".

Ломбардо-Радиче требует еще и политического плюрализма в социалистическом обществе. Он считает, что "монополитизм" затормозил прогресс первого социалистического общества и предлагает в качестве альтернативы метод "свободной конфронтации" даже с отжившими мировоззрениями.

Требование различных "равноправных вариантов" марксизма в конечном счете направлено против ленинизма как марксизма нашей эпохи. Так, Роже Гароди требует "глубокого изменения концепции партии", радикального отказа от ее ведущей роли в "государственно-централизованной модели" и мировоззренческой свободы, если партия не хо-

чет быть сектой доктринеров. Автор комментирует, что это превратило бы партию из боевого союза единомышленников в дискуссионный клуб и что требование ликвидации партии — логическое завершение приведенных идей.

Согласно Враницки, партия и государство — существенные признаки классового общества, которые должны преодолеваться в обществе социалистическом. По Марковичу, функции партии должны ограничиваться развитием социалистического сознания. А Милан Кангрга, пользуясь традиционной ревизионистской оценкой партийного и государственного аппарата в социалистических странах как "этатизма" или "бюрократизма", объявляет их величайшей опасностью и даже единственным классовым врагом рабочего класса.

В пятой главе автор противопоставляет марксистскую концепцию государства ревизионистским идеям самоуправления. Последние заимствуют у буржуазной идеологии идеалистическую концепцию государства, предлагая ее в двух вариантах — негативном и позитивном. В негативном государство фигурирует как важнейшее орудие отчуждения (принуждение и сила) независимо от того, является ли оно капиталистическим или социалистическим. Отсюда требования упразднения социалистического государства. В позитивном варианте буржуазная демократия преподносится как более целесообразная и желательная для социализма, чем классовое господство пролетариата. Государство, по словам А. Лефевра, выступает у Маркса как самоцель, как машина, уничтожающая без разбора и друзей и врагов. Но ничего подобного, комментирует Олир, нет в марксизме, рассматривающем государство прежде всего как орудие классового господства.

Указывая на необходимость слома буржуазной государственной машины, Маркс и Энгельс подчеркивали, что го-

сударство переходного от капитализма к социализму периода будет не чем иным, как революционной диктатурой пролетариата. Но все ревизионисты разделяют иллюзии относительно буржуазной демократии и метафизически противопоставляют демократию и диктатуру без всякого учета их классового характера. Поэтому рабоче-крестьянская власть в социалистических странах единодушно третируется ими как "диктатура партии", "бюрократическая система" и "этатизм". Например, выдвигается в качестве задачи структурное превращение политической системы социализма в то, что некоторые ревизионисты называют "системой социалистической демократии". Решение этой задачи якобы дает ключ к превращению бюрократической этатистской модели социализма в демократическую.

Под социалистической революцией эти идеологи понимают прежде всего введение самоуправления. Позитивными принципами самоуправления остаются свобода, воплощение гуманистических идеалов, преодоление отчуждения и тому подобное. В негативном определении самоуправление оканчивается обозначением для отмирания государства на пути децентрализации. Лозунг "самоуправления" при ближайшем рассмотрении является анархо-синдикалистской альтернативой существующему социализму. Все ссылки на Маркса по вопросам самоуправления у ревизионистов представляют собой ссылки на отдельные цитаты и фактически являются новым способом искажения Маркса.

Так, Милан Кангрта, ссылаясь на цитаты из "Немецкой идеологии", объявляет Маркса духовным отцом абстрактного идеала самоуправления. По его словам, для Маркса выражение "социалистическое самоуправление" было чистойшей тавтологией, так как он представлял себе социализм как ассоциацию свободных индивидов. Под лозунгом самоуправления ревизионисты требуют замены общественной соб-

ственности на средства производства групповой собственностью производственных коллективов, замену центрального руководства хозяйственной и всей общественной жизнью так называемым "автономным самоуправлением" отдельных предприятий и городов.

При такой системе самоуправления, комментирует автор, важнейшие экономические решения будут исходить не от директора или рабочих предприятия, а спонтанно диктоваться рынком, и "самоуправление", наконец, полностью разоблачит себя как анархическое рыночное хозяйство капиталистического образца (с.65). Все это не имеет ничего общего с неоднократно формулируемой Марксом идеей общественной собственности, обобществления средств производства в национальном масштабе и концентрации управления экономикой в руках государства (т.е. организованного как господствующий класс пролетариата).

Фактическая проблема, подчеркивает автор, состоит не в противопоставлении пролетарского государства общественному самоуправлению, а в развитии государства как органа самоуправления. На этом пути государство постепенно теряет свой политический характер и в этом смысле отмирает.

В последней главе Клар критикует утопические ревизионистские модели социализма в свете теории и практики реального социализма. Разнообразие ревизионистских идеалов или моделей социализма (опирающихся на множественность интерпретаций марксизма) показывает, что ревизионисты отрицают научный характер и марксизма, и социализма. Так, по Гайо Петровичу, интерпретаторами социализма в наше время выступают не только отдельные мыслители или группы мыслителей, но даже отдельные государства (итальянский, кубинский, югославский социализм и т.д.). Автор подчеркивает, что не существует восточного или

западного, русского или китайского социализма, как не существует американской или китайской физики.

Не признавая научного характера социализма, ревизионисты отрицают общие закономерности построения социализма; их модели абсолютизируют национальные особенности за счет принципа пролетарского интернационализма. Автор ссылается, в частности, на "французскую модель" Роже Гароди, "чехословацкую модель демократического социализма с человеческим лицом" и, наконец, на распространенную ревизионистскую оценку социалистического общества СССР, как специального "русского варианта" (якобы непригодного для высокоразвитых стран Запада).

Выдвинутый ревизионистами лозунг социалистического содружества как "единства в разнообразии", т.е. суммы различных моделей социализма, автор также квалифицирует как покушение на принцип пролетарского интернационализма. "Социалистическое содружество основывается на принципах социалистического интернационализма, выраженных в лозунге "многообразие в единстве", т.е. проведения всеобщего в отдельных странах в соответствии с их особыми условиями" (с.72).

Автор рассматривает конкретные ревизионистские модели социализма. А.Лефевр предлагает в качестве альтернативы государственно-монополистическому капитализму так называемое "урбанистическое общество". Он пишет, что интеграция центров и периферии возмещает новую социальную, политическую и культурную эру - урбанистическое общество с его собственными проблемами. Согласно А.Лефевру, это новое общество возникает из так называемого "индустриального" и столь же классово индифферентно.

Наиболее четко прослеживаются ревизионистские представления о социализме в модели О.Шика. О.Шик отрицает диктатуру пролетариата, однопартийную систему, государ-

ственную собственность на средства производства. централизованное планирование, но делает это якобы не с консервативных, т.е. капиталистических, а с "прогрессивных социалистических позиций", провозглашая некий "третий путь". С точки зрения О.Шика, основной порок капитализма в "незаинтересованности рабочих в его развитии". В качестве средства заинтересовать их выдвигается "коллективизация капитала", хотя легенда о народном капитале (через акционеров "из народа" к "собственности для всех") давно опровергнута действительностью. О.Шик предлагает "коллективизацию капитала" путем широкого распределения акций и коллективного присвоения прибавочной стоимости. При этом он отвергает "централистски-директивное планирование советского типа" в пользу регулирования "посредством рынка как "корректирующего элемента". Таким образом, "третий путь", комментирует Шир, на практике отчетливо обнаруживает свой прокапиталистический и контрреволюционный облик.

В.Е.Ермолаева

ГАБАЛЬ А.

КРИТИКА ФАЛЬСИФИКАЦИИ
РУКОВОДЯЩЕЙ РОЛИ ПАРТИИ

GABAL A.

Proti falzifikácii vedúcej úlohy strany.

Br., "Pravda", 1974. 155 s.

(Kniz. stranického funkcionára).

В первой главе книги дана критика буржуазных и ревизионистских извращений марксистско-ленинского учения о партии.

Буржуазные идеологи, а также ревизионисты и правые оппортунисты всех мастей фальсифицируют историю и политику коммунистических партий, чтобы подорвать их авторитет в революционном рабочем движении, в социалистическом и коммунистическом строительстве. С этой целью такие антикоммунисты, как В.Леонтард, А.Магер утверждают, будто ленинизм "устарел", "окаменел", а посему непригоден в современных условиях.

Особым нападкам подвергается ленинское учение о партии. Буржуазные идеологи пытаются доказать, будто оно противоречит взглядам К.Маркса и Ф.Энгельса. Так, Д.Фетчер не останавливается и перед прямой фальсификацией взглядов К.Маркса. Он утверждает, в частности, будто К.Маркс не разделял партию на организуемых и организато-

ров, не видел различия между партией и классом, а следовательно, не поддерживал идею партии как авангарда. Член исполкома лейбористской партии Г.Ласки пытался доказать, будто классики марксизма в "Манифесте Коммунистической партии" (5) отвергали необходимость объединения коммунистов в самостоятельную партию, выступали за то, чтобы коммунисты входили в состав рабочих партий и организаций, в которых должно вести лишь пропаганду, не претендуя на роль руководителя рабочего движения.

„Советолог“ В.Леонгард утверждает, будто советские идеологи имеют трудности с объяснением учения о марксистско-ленинской партии, поскольку они не могут опереться на К.Маркса и Ф.Энгельса, которые якобы отрицали необходимость создания самостоятельной коммунистической партии. При этом он ссылается на вторую главу "Манифеста Коммунистической партии" (5), в которой речь идет об отношении коммунистов к другим рабочим партиям. Далее Леонгард утверждает, будто В.И.Ленин в отличие от К.Маркса и Ф.Энгельса, которые главной силой движения считали рабочий класс, возлагал надежду главным образом на партию элиты, ядро которой составляют дисциплинированные профессиональные революционеры.

На основании отдельных, выхваченных из контекста положений Леонгард пытается представить К.Маркса и Ф.Энгельса обычными реформистами, сторонниками стихийности в рабочем движении, а В.И.Ленина - "типичным русским революционером", "заговорщиком", "анархистом" и "ревизионистом".

Правые ревизионисты, в частности Э.Фишер, стремятся доказать, будто ленинизм не является дальнейшим развитием марксизма, что его следует считать "чисто русским явлением", и призывают возвратиться к "истинному" марксизму в их собственной интерпретации. При этом они фальсифицируют марксистско-ленинское учение о партии

нового типа, приписывая В.И.Ленину волюнтаризм, т.е. представления, будто воля партии – субъекта является определяющей. Так, Фишер и Марек утверждают, будто значение, которое В.И.Ленин придавал роли революционной организации рабочего класса и деятельности по созданию партии нового типа, объясняется не историческими потребностями борьбы пролетариата, а исключительно особой интерпретацией роли субъективного фактора и спецификой политической ситуации в России. По Я.Опату, будто бы существуют два типа марксистских рабочих партий: западноевропейский, отражающий демократические условия на Западе, и русский, который сложился в отсталой стране как отражение условий абсолютистской царской России. Тем самым Опат отвергает ленинское учение о партии нового типа, развивающее идеи К.Маркса и Ф.Энгельса о принципах политической организации пролетарского движения во всем мире.

Корни современных теорий правых ревизионистов, отмечает автор, лежат во взглядах Э.Бернштейна, отрицавшего классовую борьбу и диктатуру пролетариата. В соответствии с этими взглядами и были созданы реформистские партии "западноевропейского" типа, правые социал-демократические партии, которые родственны буржуазно-либеральным партиям как в теоретическом, так и практическом плане. Это родство проявляется прежде всего в отрыве теории от практики. Как буржуазно-либеральные партии имели далеко идущие программы, но никогда их не выполняли, так и социал-демократы на практике отказались от борьбы за социализм. Современные ревизионисты, такие как Гароди, Марек, Свитак, Косик, Пруха и др., идут по этому же пути, по существу отрицая необходимость соединения революционной теории с революционным движением. Как и вожди II Интернационала, современные ревизионисты хо-

тели бы строить партию на принципах, присущих буржуазно-либеральным партиям. Не случайно поэтому они выступают с нападками на демократический централизм, утверждая, будто этот основополагающий принцип — специфическая особенность ленинской партии.

И, наконец, реформистские партии, создававшиеся в соответствии с буржуазно-либеральными образцами, теоретически и практически не только игнорировали, но прямо отрицали руководящую роль партии в борьбе пролетариата против буржуазии. Современные ревизионисты также стремятся ограничить руководящую роль партии в социалистическом обществе. Компартия, по их мнению, должна стать одной из многих организаций и партий и действовать как их "равноправный партнер". Теории "плюралистической демократии", "партнерства" различных политических партий, "свободной игры сил", "разработанные" правыми ревизионистами, использованы в стратегических планах империализма, направленных на подрыв социализма так называемым "мирным путем".

Во второй главе книги критикуются концепции, фальсифицирующие руководящую роль коммунистических партий в социалистической революции.

Одной из старейших концепций, отмечает автор, является теория о "случайности" и "незакономерности" социалистической революции в России и других странах. Из этого вытекает тезис о так называемом "коммунистическом заговоре". Буржуазные идеологи и советологи Ю.Фетчер, Г.Фальк, В.Шарндорф, Р.Даниэльс, Р.Пейн, а также Г.Маркузе и другие утверждают, будто Великая Октябрьская социалистическая революция — результат "государственного переворота", заговора меньшинства, коммунистов и т.п. Их работы полны измышлений о "склонности" коммунистов к организации заговоров, возрождению в ленинизме экстремистских, бланкистских тенденций и т.д.

Цель этих теорий – доказать, что коммунистические партии якобы руководствуются в своей деятельности не научной теорией, а являются обычными политическими организациями заговорщического типа.

Теория так называемого "коммунистического заговора" используется буржуазными идеологами и при рассмотрении социалистических революций в других странах. Так, П.Тигрид, К.Ездинский утверждают, будто февральская революция 1948 г. в Чехословакии была не чем иным, как "коммунистическим переворотом", положившим конец чехословацкой демократии; при этом "переворот", по их мнению, был совершен "под давлением Москвы". Эти утверждения есть не что иное, как повторение тезиса об "экспорте революции", издавна и настойчиво пропагандируемого антикоммунистами.

С целью дискредитации и фальсификации руководящей роли партии в социалистической революции и в строительстве социализма и коммунизма буржуазные идеологи выдвинули теорию "диктатуры партии". Они утверждают, что марксистско-ленинское учение о диктатуре пролетариата есть просто прикрытие "диктатуры партии", что и следует разуметь под термином "диктатура пролетариата". Эти теории, отмечает автор, не новы. Сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции ревизионисты и оппортунисты выступили с критикой диктатуры пролетариата в России. Они доказывали, будто диктатура пролетариата – это "чисто русское явление", будто в такой отсталой стране, как Россия, пролетариат пришел к власти случайно и, составляя меньшинство населения, вынужден был путем установления диктатуры "навязать" социализм большинству народа.

Из этих посылок исходит и теория так называемого "коммунистического тоталитаризма" в социалистических странах, разработанная в 50-е годы К.Фридрихом и З.Бже-

зинским. При этом одни буржуазные идеологи усматривают корни "тоталитаризма" в исторических особенностях, в психологии славян вообще и русского народа в особенности; другие - выводят "тоталитаризм" из "антидемократических" тенденций марксистско-ленинской идеологии и с этой целью противопоставляют ленинизм марксизму, приписывают ленинизму и марксистско-ленинским партиям тенденцию к насилию; третьи - пытаются объяснить "коммунистический тоталитаризм" объективными потребностями развития экономики слабо развитых стран.

Авторы подобных концепций, исходя из чисто формального момента централизации власти, доходят до того, что отождествляют социалистический строй с фашизмом. При этом спекулятивно конструируют такую "общность" черт обеих систем, как "одна официальная идеология", "одна руководящая партия", "система террористического полицейского контроля", "монополия на средства массовой информации", "централизованный контроль над экономикой". Основным методологическим пороком этих явно беспочвенных параллелей, подчеркивает автор, является игнорирование принципиально различной классовой сути и роли государства в капиталистическом и социалистическом обществе.

В борьбе против руководящей роли партии, отмечает далее автор, антикоммунизм полностью смыкается с современным ревизионизмом. Югославский ревизионист Джилас выступил с теорией "нового класса", истоки которой восходят к теориям анархосиндикалистов Ж. Сореля, А. Лабриола и Р. Михельса. Лабриола, критикуя правых социал-демократов, утверждал, что в любой партии формируется "новый класс", "класс политиков или политиканов", интересы которого отличаются от интересов рабочего класса. Современные буржуазные идеологи используют эти "аргументы" в борьбе против коммунистов. Михельс сформулировал так

называемый "железный закон олигархии", в соответствии с которым любая политическая организация превращается в силу, становящуюся чуждой своему классу. Соответственно государство является "этатистской организацией" и при социализме. Ревизионисты в Чехословакии, в свою очередь, ссылаясь на Джиласа, отождествляли руководящую роль партии с "монополией коммунистов в обществе", с "господством" коммунистической партии над рабочим классом, кооперированным крестьянством и интеллигенцией.

В связи с вышеизложенным, по мнению буржуазных идеологов и ревизионистов, диктатура пролетариата и демократия несовместимы. Сводя диктатуру пролетариата к "диктатуре меньшинства", "диктатуре партии" и абсолютизируя одну из функций диктатуры пролетариата - функцию подавления, они выдвигают к качеству рецепта для "демократизации" социалистического общества "новые модели социализма" без диктатуры пролетариата.

Тезис о "диктатуре партии" ревизионисты связывают с мнимым умалением роли других общественных и хозяйственных институтов и организаций и делают вывод о необходимости полного отделения государства от партии. Чехословацкая буржуазная эмиграция усмотрела в концепции так называемого "социалистического" государства без руководящей роли партии возможность осуществления своей идеи возрождения буржуазной политической системы в Чехословакии.

Опыт 1968 - начала 1969 гг. в Чехословакии показал, что политические организации, которые возникли под влиянием ревизионистов и правых оппортунистов (например, "Клуб беспартийных активистов", "Клуб 231" и др.), создавались отнюдь не для защиты завоеваний социализма. Напротив, они всеми возможными средствами при поддержке реакции пытались, используя теоретические "дороды", убедить общественное мнение в преимуществах буржуазной

идеологии, в которой коммунистическим партиям отводится место на периферии политической жизни.

Кризис примитивного антикоммунизма, изменение тактики империализма в борьбе против социализма (основная роль теперь отводится идеологическому подрыву мировой социалистической системы изнутри) обуславливают, отмечает автор, появление более динамичных, более замаскированных, но зато более коварных и опасных методов и форм борьбы. Одним из таких новых направлений является так называемый "академический" коммунизм. Вместо теорий "тоталитаризма" американской историографией выдвинута новая "динамичная" теория конвергенции, призванная теоретически обосновать политику "наведения мостов", "тихой контрреволюции", "выборочного сосуществования". Основная черта такого подхода — наукообразность, переход к так называемым "научно-теоретическим методам" исследования некоторых актуальных проблем современности, что должно создавать впечатление "объективности", содействовать фальсификации политики и целей коммунистических партий более замаскированными способами.

Показательна в этом плане так называемая теория "модернизации", направленная против международного значения Великой Октябрьской социалистической революции, международного значения ленинизма и опыта КПСС. Сторонники этой теории утверждают, что партия большевиков приняла марксизм как теорию строительства социализма потому, что общая отсталость страны требовала ее "модернизации". Поэтому марксизм, считают они, это "идеология раннего периода индустриализации", а Великая Октябрьская социалистическая революция — один из радикальных методов решения проблемы отсталости России. Сторонники этой теории, в отличие от своих предшественников, признают закономерный характер революции в России, но с той оговоркой, что она является закономерной

только для отсталых, но не для развитых стран. Эта теория, указывает автор, исходит из концепций, которые после Великой Октябрьской социалистической революции провозглашались Каутским и его сторонниками.

В работах современных антикоммунистов и ревизионистов отрицается прежде всего международное значение ленинизма и опыта социалистической революции в России. Так, Б.Каутский (сын К.Каутского) выдвинул в 1960 г. тезис, будто в России в 1917 г. не созрели условия не только для социалистической, но даже для буржуазной революции, поэтому русская революция имела особый характер — ее главной задачей была ликвидация технико-экономической отсталости страны, и только в настоящее время в России созрели условия для буржуазной революции. Идеолог "демократического социализма" Ю.Браунталь также утверждает, что ленинизм можно характеризовать как теорию социальной революции в докапиталистическом обществе. Современные антикоммунисты и ревизионисты вслед за К.Каутским и его сторонниками утверждают, что пролетарские партии в экономически развитых странах не будут иметь "диктаторский" характер, ибо задачей их не является "навязать" социализм остальным слоям общества, как это "вынуждена" была делать большевистская партия во имя "модернизации" отсталой страны, а следовательно, не нужна будет и диктатура пролетариата.

Современные чехословацкие историки-ревизионисты (Каплян, Рейман, Опат и др.) утверждали, что во время революции 1945—1948 гг. решался вопрос о создании "новой модели" социализма, которая отражала бы специфический путь развития Чехословакии к социализму. Основой так называемого "чехословацкого пути" к социализму они считали политический плюрализм и сосуществование в экономике нескольких укладов, что было характерно для Чехословакии в 1945—1948 гг. При этом они заявили, что "но-

вая чехословацкая модель социализма" должна отличаться от "советской модели", так как возникновение и развитие ее происходило бы без диктатуры пролетариата. Некоторые историки отрицали всеобщие закономерности перехода от капитализма к социализму и опыт Великой Октябрьской социалистической революции для развитых в экономическом отношении стран, преувеличивали национальный фактор, идеализировали реформистские партии, обвиняли КПЧ в развале Национального фронта в конце 1947-начале 1948 гг. и т.д.

Одной из характерных черт современного антикоммунизма является, как отмечает автор, отрицание руководящей роли рабочего класса в социалистической революции. Антикоммунизм в настоящее время выступает с нападками на социалистическую революцию в экономически развитых странах и на коммунистические партии Запада с позиций теории конвергенции. На таких же позициях, подчеркивает автор, стоят и современные ревизионисты. Проповедуемое Р.Гароди в духе буржуазной апологетики технократическое объяснение революционных процессов означает на деле преуменьшение роли рабочего класса в революции и подрыв руководящей роли его авангарда - партии.

Буржуазные историографы, социологи и советологи, пишет автор, вынуждены признавать успехи, достигнутые социалистическими странами, в особенности Советским Союзом. Однако они упорно не желают признавать социалистический характер экономических изменений в этих странах, отрицают их связь с теорией научного коммунизма, с марксизмом-ленинизмом. Пытаясь отрицать плодотворность применения теории марксизма в практике социалистического строительства, они толкуют о "немарксистском" направлении экономических изменений в странах социализма. Так, стремясь обосновать теорию "конвергенции",

Росту делает вывод о том, что социалистическая индустриализация — это якобы ухудшенный и запоздалый вариант капиталистической индустриализации.

Буржуазные идеологи пытаются фальсифицировать и отношения собственности в социалистических странах, квалифицируя существующую в этих странах хозяйственную систему "государственным капитализмом", "тоталитарным хозяйством", основанным на внеэкономическом принуждении, функционирующем "на основе административных приказов".

Используя эти идеи, чехословацкие ревизионисты разработали концепции так называемого "рыночного социализма", "экономической децентрализации" и т.п. В качестве образца ими была взята "модель чехословацкого социализма", выдвинутая О.Шиком и предусматривающая ликвидацию государственной собственности на средства производства. Государственное управление хозяйством предполагалось заменить прямой производственной демократией непосредственных производителей. Это означало бы отказ от централизованного управления народным хозяйством и лишение коммунистической партии руководящей роли в экономической жизни страны.

Нападкам и фальсификации подвергается и политика кооперирования сельского хозяйства. Буржуазные идеологи и ревизионисты отрицают объективную необходимость кооперирования. Так, бывший деятель Польской социалистической партии (ПСП) З.Заремба утверждал, будто действительной целью кооперирования была пролетаризация сельского хозяйства и подчинение его строгому партийному и государственному контролю. Подобные выступления имеют целью вызвать недоверие кооперированного крестьянства к коммунистической партии.

А.А.Мальхин

02690

HRZAL L., NETOPILIK I.
ЗАМЕТКИ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ
РЕВИЗИИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

HRZAL L., NETOPILIK J.
Poznámky k antropologické revizi
marksisticko-leninske filosofie. -
"Filos. čas.", P., 1973, roč. 21, č. 5, s. 742-800.

"Антропологическая интерпретация практики, - пишут авторы, - неизбежно ведет к критике существующего социализма с точки зрения абстрактно-гуманистических и абстрактно-демократических идеалов" (с.743). Эта "радикальная критика" была, по их мнению, выражением модного в 60-х годах настроения неконформизма. В 1968-1969 гг. неконформизм многих чехословацких авторов сменился борьбой против социалистического государства и коммунистической партии, которые клеймились как элементы этатистско-бюрократической системы. Фактически, считают авторы, неконформистская критика стала обновлением старых представлений младегегельянства о взаимоотношениях критиков-просветителей, с одной стороны, и массы - с другой.

В теоретическом отношении "неконформисты", опираясь на труды представителей Франкфуртской школы, попытались отождествить так называемый "институциональный

марксизм", источником которого служит, по их словам, "аналитический разум", со сциентистским позитивизмом. В то же время "аутентичный, научный марксизм" признавался этими критиками продуктом "диалектического разума". "Аналитическому разуму" вменяли в вину "сциентизацию" марксизма-ленинизма, бюрократизацию общественной жизни, стимулирование такого явления, как конформизм и т.д.

"Нет нужды особо подчеркивать, — отмечают по этому поводу авторы, — что здесь идет речь об идеалистическом понимании социальной действительности, ибо разум — будь то аналитический или диалектический — выдается за демурга всего сущего" (с.744). Определенный отзвук этой концепции можно найти в работе Косика "Диалектика конкретного" (52), в которой действительность прямо представлена продуктом разума (рационалистического или диалектического). По мнению Косика, "человеческая действительность разрывается на область рационального (мир рационализации, технических средств, эффективности) и на область человеческих ценностей и значений, которые парадоксальным образом становятся сферой иррационализма" (52, с.72).

Концепция диалектического разума в изложении Косика, пишут авторы, является в контексте всего его творчества критикой научности диалектики, устанавливающей наиболее общие законы природы, общества и мышления. Считать наиболее общие законы предметного мира и его познания предметом философии означает, по мнению Косика, становиться на точку зрения сциентизма, а следовательно, конформизма. Отсюда якобы вытекает и попытка оправдать все недостатки в строительстве социализма, что противоречит принципам активной, "критической" философии. "Однако, — замечают авторы, — как мо-

жет философия служить преобразованию мира и его рациональному упорядочению, если ее принципы не выражают основные закономерности предметного мира?" (с.745).

Развитое Марксом новое понятие науки включает ее взаимосвязь с практикой. В Марксовом понимании науки даны очертания нового типа рациональности. В чехословацкой философской литературе этим проблемам посвящены работы И.Зелены. Как указывает И.Зелены, если в античном типе культуры господствовал созерцательный подход к теории, если буржуазная цивилизация трактовала теорию и практику в утилитаристской взаимосвязи, дополняя все это иллюзиями о примате чистой, надисторической науки, то у Маркса теория стала одним из моментов исторически преобразующейся практики. Подход И.Зелены к Марксову пониманию отношения теории и практики, замечают Грвал и Нетопилик, — бесспорный вклад в развитие чехословацкой философской мысли, своего рода противоположный полюс взглядам К.Косики на эту проблему.

Если Косик стремился сделать марксистско-ленинскую философию антропологической, то М.Пруха в своей книге "Культ человека" (76) выдвигает требование "не-антропологической модели антропологии". По его словам, сциентизм и антропологизм — лишь варианты одной и той же субъективности и связаны гораздо более прочными связями, чем это кажется на первый взгляд. Оба направления, считает Пруха, исходят из приоритета субъекта, из картезианского *cogito ergo sum*, т.е. из суверенного решения субъекта о том, что есть объект. И хотя марксистско-ленинская философия постулирует первичность объекта по отношению к субъекту, по мнению М.Прухи, что действительно и что мнимо, определяет только субъект. Если же постулат о первичности объекта принят, то уже безразлично, утверждает Пруха, понимается ли объектив-

ный мир без человека, как в марксизме-ленинизме, или во взаимозависимости с человеком, как в антропологической философии. По сути дела, отмечают авторы, М.Пруха повторяет тезисы Хайдеггера, дополненные критикой ленинизма в духе югославского ревизиониста Петровича, и стремится доказать, что марксистско-ленинская философия - это лишь "стихийная онтология", которая давит на все учение марксизма и делает его "невыразительным".

"Критика" Прухи, пишут авторы, посягает на важнейшие принципы марксистско-ленинской философии: ее основной вопрос, деление всей философии на материалистическую и идеалистическую, теорию отражения, идею детерминизма, и обрушивается на носителя этой философии - рабочий класс и его революционную партию. М.Пруха вполне в духе Хайдеггера тшится доказать, что "материализм" и "идеализм" - это всего-навсего излишне метафизические абстракции; в силу одной утверждается, что "мир есть материя", в силу другой - что "мир есть идея". С этой точки зрения Пруха критикует и антропоцентристское толкование марксистско-ленинской философии Косиком. И несмотря на то что К.Косик многим обязан Хайдеггеру и Гуссерлю, Пруха пишет: "В сущности, Косик остался незатронутым Гуссерлем, Хайдеггером и всей экзистенциальной онтологией в том, что касается основного вопроса философии, и его скорее можно обвинить в сциентизме" (76, с.43-44).

По мнению Прухи, косиковская концепция тотальности человека и мира так же "наивно материалистична", как и "стихийная онтология" (в его терминологии - марксистско-ленинская философия). Итак, для Прухи Косик недостаточно радикален, поскольку он мыслит бытие как бытие объекта, в результате чего его теория совпадает в перспективе со специальными науками. Пруха требует, чтобы вопросы

философии коренным образом отличались от вопросов специальных наук и чтобы центральным философским вопросом стал вопрос "что есть человек?".

Оценивая взгляды Прухи, авторы пишут: "Ради борьбы против антропологии он отрекся от марксизма-ленинизма, однако в действительности он страстно пытается провести принципы той же антропологии" (с.748). Никак иначе нельзя расценить заявление Прухи о том, что "неантропологический взгляд на человека исходит из выяснения его онтологического статуса — во всей открытости, незавершенности и проблематичности; с этим нераздельно связано научное выяснение содержательных характеристик "я" (76, с.59). В своих нападках на марксистско-ленинскую философию с феноменологическо-хайдеггеровских позиций, резюмируют авторы, Пруха полностью извратил марксизм-ленинизм.

Ревизия марксистско-ленинской философии Косиком, Прухой и другими заключалась в "антропоцентристской интерпретации Марксова учения" (с.799). И хотя, как отмечали некоторые, в частности И.Попелова, "Диалектика конкретного" (52) Косика на первый взгляд могла показаться "протестом против обеднения и деформации реальности" как в теории, так и на практике, "вдохновляющим трудом для широких слоев интеллигенции", "проявлением мыслительной оригинальности", в действительности же эта книга воодушевила лишь ревизионистов.

Переложение Маркса на экзистенциально-антропологический лад было связано прежде всего с отрицанием классового характера марксизма-ленинизма, идей революции и диктатуры пролетариата. Тем самым философия представлялась чисто спекулятивной, лишенной связи с конкретной действительностью.

Антропологизация вела к эклектизму и софистике.

Прежде всего это проявилось в том, что Маркса упрекали в переоценке роли экономического фактора и в вульгаризации факторов идеального порядка. Так, А.Кюнцли, типичный представитель антропологизированной философии, писал: "Вопрос об истинности и применимости теории Маркса сводится в конечном счете к вопросу о его антропологии. История — это история человека, и каждая теория истории в той мере истинна или ложна, в какой истинен или ложен предлагаемый ею образ человека... Маркс трактовал человека как "homo oeconomicus", чья судьба в решающей степени определяется общественно-экономическими отношениями. Большой исторической заслугой Маркса было то, что он указал на значение социально-экономического фактора для свободы, зрелости и достоинства человека, но метафизическая абсолютизация этого фактора оказалась роковой" (54, с.10). Далее А.Кюнцли упрекает Маркса в том, что тот проглядел среди факторов развития "волю к власти", "метафизический страх", "звериный инстинкт самосохранения", "безудержную эротику" и т.д. Итак, упрек Маркса в метафизике поконится на том, что он якобы произвольно абсолютизировал одну сторону человека — экономическую.

Антропологизация марксизма-ленинизма открывала дорогу для обвинения Марксова учения не только в метафизичности, но и в эсхатологичности. Тот же К.Косик писал: "Будущее декретируется, в нем провозглашается победа добра над злом... Думается, что чем меньше данная эпоха способна реально решить свои проблемы и противоречия, тем усиленнее передоверяет она их решение будущему. Эта метафизическая вера в будущее обесценивает настоящее, лишает его смысла как единственную реальность эмпирического индивида, низводит его на уровень временно-го состояния либо простой функции того, чего еще нет" (53, с.3-4).

К.Косик клеймит "фетишистскую концепцию истории", за которую, по его словам, ответственна "современная метафизика" (так Косик называет исторический материализм). Таким образом, его борьба против эсхатологической концепции истории является борьбой против объективной общественной диалектики. "Диалектико-материалистическое понимание исторического процесса, — замечают авторы, — не определяет будущее иллюзорно, эсхатологически, а выводит его из познания закономерностей общественного развития. Оно не имеет ничего общего с мнимым будущим, отделенным от настоящего, ибо считает будущее составной частью настоящего" (с.751).

Обрушиваясь на марксизм-ленинизм как на революционное учение о преобразовании мира и приспособлении его к потребностям человека, сторонники антропологической ревизии окрестили марксистско-ленинскую философию "метафизикой субъективности". Это обвинение, отмечают авторы, смыкается с антикоммунистической клеветой.

Сосредоточенность антропологической философии на "горизонтах настоящего" имела целью дать теоретическое обоснование "радикально критической" функции философии по отношению к реальному социализму. В этом направлении особенно активно поработала Франкфуртская школа с ее теорией негативной диалектики. Хоркхеймер, Адорно, Маркузе, Хабермас и другие представители этой школы стали для чехословацких ревизионистов вдохновителями "великого отрицания" социализма. Хотя Франкфуртская школа, отмечают Грзал и Нетопилик, занимает на первый взгляд неконформистские позиции по отношению к капитализму, на самом деле ее негативная диалектика является его апологетикой. "Критическая теория" Франкфуртской школы — это идеология так называемого "третьего пути", отличного от марксизма-ленинизма и противостоящего ему. Иногда ее именуют "западным марксизмом".

Творчество представителей Франкфуртской школы и некоторых так называемых "независимых" марксистов ревизионисты провозгласили вершиной современной марксистской мысли. "Творческими" марксистами они называют тех, кто не имеет ничего общего с рабочим движением и его революционной партией. Так, Л.Сохор считает, что реальное видение мира должно соотносываться с тем фактом, что есть ученые и философы, принявшие основные тезисы марксистского мировоззрения и даже организационно вступившие в ряды основанного на марксистской программе политического движения, а с другой стороны, в мировом коммунистическом движении немало людей и течений, которые очень далеки от марксистского видения мира и от научных методов марксистского мышления.

Л.Сохор написал ряд пропагандистских статей, в которых пытался доказать, что с 30-х годов марксистско-ленинская философия находилась в состоянии стагнации, и лишь независимые интеллигенты типа Хоркхеймера, Адорно, Фромма, Маркузе подняли марксизм на новый теоретический уровень. Наиболее выразительным глашатаем творческого марксизма Сохор считает Г.Маркузе.

Методика борьбы буржуазной идеологии против марксизма, пишут авторы, испытала многочисленные метаморфозы. В период, когда буржуазия была сильной, а рабочее движение слабым, борьба с марксизмом-ленинизмом велась открыто, в агрессивных формах. Сегодня же, когда рабочее движение достигло гигантских успехов, буржуазные идеологи пытаются бороться против марксизма-ленинизма завуалированно, чаще всего выражая "заботу" о либерализации, "улучшении", "совершенствовании" марксистского учения.

Существует и другая метода (особенно характерная для ревизионизма и тех направлений в идеологии, которые

стремятся интегрировать рабочее движение с капиталистической системой). В основе этой методы - фальсификация мировоззренческих основ марксизма-ленинизма и ослабление его функций как мировоззрения рабочего класса.

Широко распространены попытки "фрейдизации" Маркса, для чего используется его работа "Экономическо-философские рукописи 1844 г." (10). Так, по мнению Р.Каливоды, К.Маркс полностью растворил "естественного" человека в человеке "общественном". В Чехословакии попытки "фрейдизации" Маркса относятся еще к 30-м годам (В.Рейх, З.Каландра). Высоко оценивая эти попытки, Каливода пишет: "Во всей марксистской теории прошлого века, включая труды Маркса и Энгельса, естественный компонент человека был настолько отодвинут в тень, а общественно-историческое и классовое измерение человеческого существования настолько экспонировано, что соединение "биологизма" Фрейда с "историзмом" Маркса, предпринятое в начале 30-х годов нашего века сюрреалистами и "франкфуртскими" философами, не могло не показаться в обыденном и исторически фиксированном марксистском подсознании той поры глубоко ошибочным и заслуживающим порицания" (48).

Соединение Маркса и Фрейда, подчеркивают авторы, имело целью не только "реабилитировать" "естественного" человека, но и нанести удар по объективным законам общественного развития. Фрейдизация Марксова учения была прямой ревизией марксистского понятия человека как "совокупности общественных отношений". Сторонники фрейдизации стремились подчеркнуть острое противоречие между так называемой эгоцентрической активностью человека и существующей социальной действительностью.

Следствиями лозунга "назад к Марксу" и усилий по восстановлению "аутентичности" Маркса, пишут авторы,

были абстрактное и внеисторическое понимание отчуждения, экзистенциально-антропологическая и субъективно-идеалистическая интерпретация исторического процесса, "беспощадная" критика реального социализма с точки зрения абстрактного идеала, морализаторство и, наконец, фрейдизация, иррационализация Марксовой теории.

В политической области антропологическая философия поставляла аргументы для борьбы против ведущей роли коммунистической партии, соединения социализма с научно-технической революцией, против гегемонии рабочего класса в строительстве социализма, вообще против всех фундаментальных политических принципов марксизма.

В 60-х годах абстрактный антропологизм проник в Чехословакии не только в философию, но и в другие общественные науки. "Одномерный", "манипулируемый", "организованный" человек, с одной стороны, "аппарат", "институты", "бюрократия" - с другой, стали некими всеобщими шаблонами при "анализе" социализма. Не только некоторые недостатки в социалистическом строительстве (особенно бюрократические дефекты), но и такие необходимые элементы, как организация, управление, планирование, критиковались как ограничение свободы и тормоз индивидуальному развитию. В этой "критике" проявилось, помимо буржуазного индивидуализма, глубокое непонимание всей сложности современного общества, как социалистического, так и буржуазного.

Абстрактный антропологизм создавал и расширял романтические и идеалистические представления о таком обществе, в котором не существовало бы ни материальной власти, ни общественных сил, выражающих интересы различных классов. На первый взгляд речь шла о наивно-романтических иллюзиях, однако как выяснилось в 1968-1969 гг. в них скрывался разрушительный заряд.

В философской форме подобные воззрения отразились в работе И.Гермаха "Реализация современного человека", (с.39), в которой автор пытался доказать, что современная промышленность и техника – одно из основных препятствий самореализации человека. Гермах пишет: "Живой... человек распадается во времени и пространстве своего производительного труда. Его разделенные и неизвестные друг другу части блуждают между... двумя областями – областью труда и областью интимной, областью общественной и областью индивидуальной. И человек ничего не знает о себе самом. Не знает даже, действительно ли он голоден, действительно ему хочется спать, любить, дышать, жить... Заменяемость и частичность человека усугубляют погружение в анонимность" (39,с.55-56).

Вслед за Э.Фишером И.Гермах взывает к "тотальному", "полному" человеку, который преодолел бы все ограничения, налагаемые крупным машинным производством. Работа И.Гермаха, считают Грзал и Нетопилик, вульгаризует основные идеи современной культурной антропологии. С одной стороны, Гермах стремится доказать, что машинная техника – главная отчуждающая сила современности, с другой – он обвиняет коммунистическую партию в том, что она бессильна создать целиком автоматизированное производство как основу "полного" развития человека.

Концепция И.Гермаха, заключают авторы, насквозь эклектична и является смесью романтической критики современной цивилизации с тезисами технократизма.

В.И.Максименко

ГРЗАЛ Л., НЕТОПИЛИК И.
МАРКСИЗМ И "ПРОТЕСТУЮЩЕЕ
ХРИСТИАНСТВО"

HRZAL L., NETOPILIK J.

Marxismus a protestující hřestářství. -
"Filos. čas.", Pr., 1974, roč.22, č.5, s.750-760.

Статья Л.Грзала и И.Нетопилика посвящена критическому разбору попыток ревизии марксизма-ленинизма, осуществляемых на базе идейного союза с христианским вероучением.

Курс II Ватиканского собора на модернизацию церкви, отмечают авторы, в идеологической области сопровождался возникновением внутри католицизма различных "модернистских" течений, ориентированных на современную буржуазную философию (прежде всего феноменологию, экзистенциализм, персонализм). Католические модернизаторы использовали в какой-то мере и идеи Маркса, а некоторые католические теологи и философы проявили открытый интерес к диалогу с коммунизмом.

Политически эта тенденция церковных идеологов была инициирована стремлением коммунистических партий в странах с сильным влиянием католицизма (Франция, Италия и др.) создать самый широкий антимонаполистический и антиимпериалистический фронт.

Однако в качестве превращенного побочного результата диалога между отдельными интеллигентами—католиками и интеллигентами—коммунистами, под его прикрытием возникла своеобразная форма сотрудничества ревизионизма и теологии. Такое превращение диалога представлено прежде всего во взглядах Р.Гароди, которые нашли в свое время отклик и в Чехословакии. Как бы подчеркивая ясную для всякого марксиста недопустимость механического распространения принципа относительных коалиций в сфере политики на область идеологии, где нет и не может быть компромиссов, в том числе и на такую специфическую область, как взаимоотношение научного мировоззрения и религии, Грзал и Нетопилик называют Гароди "основателем теологического ревизионизма" (с.727).

Пытаясь обосновать свою примиренческую идеологическую позицию по отношению к религии, Гароди ссылается на Маркса. Во введении "К критике гегелевской философии права" (I) у Маркса действительно содержится мысль, что нищета религии является, с одной стороны, выражением действительной нищеты, а с другой — протестом против нее. Если человек создает религию, рассуждает Гароди, то, стало быть, он в мистифицированной форме вносит в нее свои надежды, чаяния, представления, идеи; этот рациональный элемент религии необходимо проанализировать и освоить. Авторы приводят следующие высказывания Гароди: "Религия — это человеческий проект, хотя и мистифицированный. Человеческий проект в том смысле, что за рамками реальности она дает ответ на вопросы, которые ставит человек" (35, с.37).

При такой концепции диалога, подчеркивают Грзал и Нетопилик, классовый подход к религии затухал либо вообще исчезал. Соответственно превозносились абстрактно-гуманистические ценности, содержащиеся в хрис-

тианстве, особенно в его "неконформистских" направлениях. "Протестующее христианство" провозглашено позитивной ценностью культуры, близкой к идеалам коммунистического движения. В признании того факта, что христианство сыграло и еще может сыграть положительную и прогрессирующую роль как при создании справедливых человеческих отношений, так и своим вкладом в сферу культуры, Гароди видит единственно возможную теоретическую основу диалога, развивающегося на путях взаимного обогащения обоих партнеров, из которых каждый может у другого чему-то научиться. Основными ценностями, поднятыми на щит христианством, Гароди считает идеи субъективности и трансцендентальности. Это приобретает особый смысл в связи с тем, что Гароди неустанно обвиняет марксизм-ленинизм последнего двадцатипятилетия в "интеллектуальном склерозе", в сциентизме и позитивизме, нанесших ущерб субъективно-творческому началу в человеке.

В работах Гароди критика догматизма вылилась постепенно в субъективизацию диалектики и отрицание марксизма, в отказ от признания объективной закономерности, которая в лучшем случае проявляется как закономерность "свободного творчества". Говоря о стремлении "очистить" марксизм от "сталинского сциентизма" и позитивизма, Гароди пришел к трактовке марксизма как философии деятельности, понимаемой субъективистски. Из научной теории революционного рабочего движения, основанной на анализе объективных условий, марксизм был превращен Гароди в "методологию исторической инициативы", сближающуюся с индетерминистским и внеклассовым пониманием субъективного фактора. Вот почему Гароди охотно цитирует слова Тейяра де Шардена: "Синтез (христианского) бога неба и (марксистского) бога будущего — это единый бог, которого впредь мы можем превозносить мысленно и в реальности" (35, с.22-23).

По мнению Гароди, христианство и марксизм содержат ряд аналогичных проблем, на основе которых между ними может сложиться идеологическое сотрудничество. Перед обеими идеологиями, утверждает Гароди, стоит, например, проблема веры (в одном случае - религиозной, в другом - в торжество коммунизма). Общими для христианства и марксизма являются также проблемы свободы и ответственности, проблема отчуждения, "эсхатологическая" проблема и т.д. У Гароди и его последователей, пишут Грвал и Нетопилик, сопоставление марксистской теории с прошлым и настоящим общественно-культурным развитием вело не к углублению марксистской позиции, а к ее затемнению и распаду. Гароди полагал, что, приписав марксизму абстрактно-гуманистические цели, можно приобрести сторонников среди многих прогрессивно настроенных буржуазных интеллигентов, однако подобный подход отомстил за себя тем, что сам Гароди оказался на платформе своих идеологических противников и перешел в конечном счете в лагерь ренегатов.

Так, в книге "Крутой поворот социализма" Гароди пишет: "Если партия хочет быть не сектой доктринеров, а движущей силой всех, кто стремится к построению социализма во Франции, она не должна иметь никакой "официальной философии", в принципе не должна быть ни идеалистической, ни материалистической, ни религиозной, ни атеистической" (32, с.284). Гароди, по словам авторов, "лицемерно утверждает, что отделение философии от политики не означает отречения от материализма" (с.729). Он фактически требует от коммунистической партии мировоззренческого нейтралитета и свободы распространения религиозных взглядов, что "ведет к усилению классового сознания рабочего класса, и, в конечном счете, к измене его интересам" (с.729).

Для того, чтобы обосновать необходимость идейного сосуществования и сотрудничества христиан и коммунистов, Гароди проводит различие между "цезаристской" традицией христианства, защищавшей привилегии господствующих классов, и неконформистской традицией, которая-де жива в современных прогрессивных течениях христианской церкви. Значение "прогрессивной" христианской мысли, замечают авторы, нельзя недооценивать, но за ее переоценкой скрывается идеализация роли христианства, которая приводит в итоге к принятию его идей. Гароди и его сторонники выступили за такой атеизм, который был бы не голым отрицанием, а диалектическим "преодолением" религиозных взглядов, т.е. "диалектическим" освоением их и включением в марксистский "атеизм". За этим тезисом, пишут Грзал и Нетопилик, кроется стремление затуманить реакционную сущность религии и доказать, что "улучшенная" религия соединима с социализмом.

По мнению Гароди, будущее не определяется закономерностями общественного развития, а является полем возможностей, детерминированных инициативой субъекта. Тем самым Гароди переходит от науки к утопии — недаром он не скрывает восхищения перед "теологией надежды", "теологией революции" и тому подобными ненаучными, эсхатологическими теориями. Гароди пишет: "... марксистская устремленность в будущее бессознательно заключает вопрос, который задает человеку Бог и на который дает ответ христианство. Марксизм в соответствии с этим тезисом не может избежать христианской проблематики, ибо в лоне гуманизма, стремящегося быть интегральным, из вопроса о человеческой будущности рождается вопрос о будущности божественной" (35, с.27-28).

Все попытки ассимиляции марксизмом христианских ценностей, резюмируют Грзал и Нетопилик устремления

Гароди, неизбежно ведут к фальсификации марксизма и объективно служат антикоммунизму и реакции. Конечно, замечают авторы, марксистско-ленинское учение призвано освоить всю предшествующую культуру, "однако остается вопросом, нужно ли ему впитывать в себя такую реакционную идеологию, как христианство" (с.730).

В 50-х годах, пишут Грзал и Нетопилик, в Чехословакии допускались ошибки в методах атеистической пропаганды: борьба против религии велась часто с позиций просвещенческого рационализма, к верующим нередко применяли административные меры и т.п. Но исправить эти ошибки и улучшить атеистическую пропаганду нельзя средствами идейного плюрализма. А именно это предлагает такой влиятельный проповедник интеграции марксизма и христианства, каким был в Чехословакии М.Маховец, который писал: "Мы провозглашаем себя сторонниками марксизма в той его части, которая нерасторжимо и органически связана с тысячелетней историей гуманизма... Я отвергаю сектантско-догматическое понимание марксизма как чего-то исключительного, что делает незначительным, либо полностью аннулирует значение тысячелетнего антропологического поиска: марксизм представляется мне исторически обусловленным и локальным ответом на огромной важности вопросы всей истории человечества и человеческого самопознания; без этих вопросов сам ответ целиком бессмыслен" (54, с.81).

С точки зрения Маховца, атеизм имеет смысл будто бы только тогда, когда он выдвигает позитивные гуманистические и этические ценности и тем самым честно соревнуется с религией. "Религиозное решение нашей проблематики, - утверждал он, - может быть для нас живым и ценным примером до тех пор, покуда это решение способно постичь человеческую жизнь как полное смысла служе-

ние высшему, т.е. не просто как мозаичную сумму единичных дней, а как органическое целое" (59, с.82).

Предпринимавшиеся в Чехословакии попытки дополнить марксизм-ленинизм христианством, отмечают авторы, имели фоном деятельность западноевропейских теологов и христианских мыслителей, особенно из так называемого "Общества святого Павла". Это общество организовало ряд "дискуссионных встреч" между марксистами и христианами, в том числе одну из них в Чехословакии, в Марианских Лазнях (апрель 1967 г.). Как признавали сами ревизионисты, для них речь шла вовсе не о развитии марксистско-ленинской философии, а о ее ревизии. "Дополнение" марксизма христианством - это свидетельство глубочайшего идейного краха некоторых "марксистов", стремившихся соединить несоединимое - марксистско-ленинскую теорию и религию, материализм и идеализм.

Многие ревизионисты утверждали, что утрата трансцендентных религиозных ценностей отлучает человека от одной из существенных сторон его бытия, делает это бытие элементарным, непроблематичным. Однако эти "теоретики" забыли, пишут Грзал и Нетопилик, что реальное богатство человека не в лживых мифах, а в многосторонности связей человека с обществом в условиях создания новой социальной действительности. "Объективно любая религиозная вера - и религиозная вера без Бога - мешает борьбе за освобождение человека, является чуждой и враждебной нашей борьбе за коммунизм" (с.732). Вот почему Пленум ЦК КПЧ в октябре 1972 г. вновь подчеркнул необходимость борьбы с религией, основанной "на слепой вере и страхе", связывающей силы человека, ограничивающей возможности его всестороннего развития и духовно угнетающей его нравственными принципами, не имеющими ничего общего с человеческим счастьем" (с.732).

Переоценка развития чехословацкого общества в 60-х годах, пишут Грзал и Нетопилик об источниках ревизионизма в области отношения к религии, привела к одностороннему акцентированию негативных моментов прошлого, что при отсутствии ясной программы породило "пораженческие настроения в значительной части общества" (с.733). Одной из центральных проблем марксистской философии всегда было отношение к практике. Если в 50-х годах понимание связи философии с практикой деградировало до уровня оперативного обслуживания политических акций, то в начале 60-х годов "в связи с преувеличением наших недостатков" (с.733) проявилась другая крайность - восстание теории против практики, фетишизации роли теоретических представлений. Вместо исследования конкретных путей развития чехословацкого общества начался поиск "новых" идей (которые, как правило, давно уже не были новыми в буржуазном мире).

В последние десятилетия, отмечают авторы, в высоко развитых капиталистических странах наметилась "ревалюация общественных наук" (с.733) - социологии, политической экономики и т.д. Попытки преодолеть противоречия перехода буржуазного общества от монополистического капитализма к государственно-монополистическому вызвали потребность в более реалистическом исследовании социальной проблематики. Эта потребность усиливается в связи с борьбой двух мировых систем, которая требует от буржуазии выработки "новых" идей и концепций. Иногда эти концепции могут иметь внешнее подобие марксистского анализа, но подлинное объяснение причин ревалюации общественных наук на Западе кроется в стремлении приспособить капиталистическую систему к меняющимся историческим условиям. Буржуазные концепции, даже когда они содержат критические в отношении капиталистического строя

элементы, в сущности всегда апологетичны и вырастают из задач борьбы против марксистско-ленинской программы преобразования мира.

Не секрет, замечают авторы, что некоторые направления буржуазного и мелкобуржуазного мышления оказались для чехословацких философов особенно привлекательными вследствие негативизма (абстрактная критика институционализации общества, его бюрократизации, научно-технической революции в духе экзистенциального антропоцентризма). С другой стороны, стремление сделать более научным управление чехословацким обществом вызвало не критический интерес к всевозможным буржуазным теориям управления. Под предлогом поиска новых путей развития социализма происходил постепенный отход от марксизма-ленинизма; прежде всего был отброшен ленинизм как якобы типично русское явление, плохо прививаемое на западно-европейской почве. Опыт строительства социализма в СССР был охарактеризован как опыт страны, закладывавшей лишь основы индустриализации, и потому непригодный для развитого общества.

Отклонение "нетворческого", "консервативного" марксизма советских философов в области общественных наук фактически означало тягу к "творческому западному марксизму" в лице Р.Гароди, Э.Фишера, Г.Маркузе и др. Этот сдвиг отчетливо проявился в работе "Диалектика конкретного" К.Косика (52). Со своей стороны теоретики государства и права попытались реабилитировать буржуазный парламентаризм, беспринципно перенимая при этом как западные теории, так и идеи масаркизма.

Одновременно из буржуазных теорий были заимствованы всевозможные "точные" методы — заговорили о структурализме, кибернетическом управлении обществом. Фетишизация "новых" идей, считают Грзал и Нетопялик, в

противовес исследованию конкретики своего общества вела к "утопическому романтизму" (с.734). Различные эллиты брали верх над общественно-экономическим анализом явлений. И даже те экстремистские взгляды, которые критиковались (например, взгляды Ивана Свитака), не рассматривались как мелкобуржуазный ревизионизм - их были склонны считать неизбежными и закономерными ошибками в ходе "творческого развития" марксизма. Дескать, кто не допускает ошибок в развитии науки? Так освобождался путь для открытого ревизионизма.

Фетишизация "новых" идей и концепций привела к теоретической оппозиции "интеллектуальной элиты" и "масс". В Чехословакии возникали различные "мозговые тресты" (например, вокруг Петра Махонина или вокруг Ота Шика), которые выдвигали всевозможные "модели" социализма и навязывали их общественности. Эти "мозговые тресты" стали разновидностью групп давления, объединяющих широкие слои интеллигенции и некоторых политиков.

В этой связи интересно обратить внимание на оценку буржуазными интерпретаторами "чехословацкой весны". Так, Петер Людц, размышляя над причинами краха "новой модели" социализма, пишет: "Первой из этих причин был абсолютный и в принципе утопически-идеалистический характер ревизионистских взглядов на человека. Человек трактовался философски... Тяжеловесная философская и метафорическая терминология, которую использовали многие ревизионисты, просто выходила за рамки понимания многих партийных функционеров... философия Косика - лучший тому пример... Другим фактором политической неэффективности гуманистическо-социалистической идеологии была ошибочная концепция роли интеллигенции... в революционном процессе. Прежде всего нереалистично было ожидать, что чехословацкая интеллигенция станет в широком масштабе

не только активным сторонником, но и политическим исполнителем революционной роли масс" (57, с.39-40). Утопичность ревизионистов, добавляют авторы, сказывалась и в том, что социализм рисовался им как совокупность абсолютных, идеальных ценностей, такой моделью, которая не имеет ничего общего с реальным социализмом.

Как считает С.К.Нойман, многие интеллигенты изучают марксизм, но не способны понять его в связи с реальным рабочим движением. По его мнению, левизна – не только детская болезнь коммунизма, но и перманентная интеллигентская болезнь. "Либеральный социализм, – делает вывод Грзал и Нетопилик, – провозглашенный у нас под именем "демократического" социализма, был в той или иной мере продуктом деятельности тех интеллигентов, которые отошли от рабочего класса, от коммунистической партии" (с.734).

В.И.Максименко

НУРИЕВА З.
"ИСЛАМСКИЙ СОЦИАЛИЗМ" И РОЖЕ ГАРОДИ

НУРИЕВА З.
"Ислямският социализъм и Роже Гароди."
"Филос.мисъл", С., 1972, г.28, кн.7
с.100-109

Изложению своих философско-социологических взглядов на ислам и "исламский социализм" Р.Гароди посвящена книга "Социализм и мусульманство" (31). Подвергая эту книгу критическому анализу, автор особо выделяет несоответственность методологии Р.Гароди в интерпретации генезиса и сущности исламской религии, социальных принципов и идеалов, составляющих доктрину "исламского социализма"¹⁾. По-своему разрабатывая проблемы "исламского социализма", Р.Гароди и здесь продолжает линию ревизии принципов марксизма.

То положительное, что давала религиозно-политичес-

1) Проблема "исламского социализма" получила отражение в организованных журналом "Проблемы мира и социализма" международных научных конференциях в Праге (1964), Каире (1966), Баку (1969), Алма-Ате и Ташкенте (1970); на У1 сессии руководителей государств и высшего духовенства стран, население которых исповедует ислам; на конференциях по исламу, в которых участвовали институты исследований ислама в Каире, Сан-Франциско, Мюнхене и Париже.

кая программа раннего ислама, сводится, по мнению автора, к следующему: 1) ислам играл роль идеологической базы, на которой происходило объединение арабов в единое государство; 2) ислам стимулировал ряд радикальных реформ, которые ликвидировали пережитки старого общественного строя и дали толчок развитию производительных сил; 3) на почве ислама сформировался институт права, упорядочивший общественные отношения.

Однако не эти позитивные стороны ислама, отмечает автор, определяли его быстрое распространение среди народов Азии, Африки и Европы; исторически недостоверным является утверждение Гароди о "мирном" и безболезненном внедрении исламской религии. Так называемые "священные войны" (джихад) против "неверных" были крайне жестокими, и эта жестокость непосредственно вытекала из духа и буквы Корана. Маркс, отмечая нетерпимость ислама к иноверцам, указывал, что он является источником непрекращающейся вражды между мусульманами и "неверными". В трудах видных советских востоковедов и исламоведов (А.Мюллер, В.Бартольд, Н.Смирнов, Л.Климович и др.) приводится много исторических данных, свидетельствующих о том, что насаждение ислама сопровождалось насилием даже по отношению к большинству арабских племен.

Исследования болгарского историка религии Н.Мизова относительно путей проникновения ислама в Болгарию показывают типичные средства и методы, с помощью которых ислам утверждался в качестве религии, а именно: установление власти Арабского халифата путем завоеваний, колонизация покоренных стран мусульманским населением и миссионерская деятельность, обеспечение в колониях временного экономического расцвета с целью добровольного обращения в ислам их населения и др. Определенное

значение имела пропаганда равенства и братства всех, кто исповедует религию Пророка. Согласно Гароди, исламская религия является субъективным фактором возникновения и развития арабской науки и культуры. Однако такой подход не объясняет, почему арабские народы попали впоследствии в колониальную и национальную зависимость, почему мусульманский мир стал в истории человечества синонимом отсталости и невежества. По существу Гароди солидаризуется в данном вопросе с приверженцами восточного централизма, утверждающими, что только ислам (или, точнее, Коран) способен обеспечить реальный и постоянный прогресс народов.

Разумеется, идеология ислама как специфическое отражение объективной реальности выполняла определенную роль в функционировании идеологической системы общества, являясь не только средством, но и одним из условий организации экономики, политики, культуры и быта в мусульманских странах. Однако, отдавая должное бесспорному вкладу восточных народов в европейскую цивилизацию и мировую культуру, необходимо помнить, что действительной причиной прогресса в различных областях знаний были потребности развития материального производства, а не исламская религия.

Роже Гароди утверждает, будто исламская религия по самой своей сущности является социалистической программой, и если научный социализм подразумевает учет конкретной национальной специфики, то судьба социализма на Востоке тесно связана с этой программой. Подобный взгляд на ислам характерен для многих политических лидеров и религиозных деятелей развивавшихся мусульманских стран. Идеология "исламского социализма", пишет автор, способствует в определенной мере вовлечению широких народных масс в крупные социально-политические преобразования.

Однако, с другой стороны, исламские идеологи ряда арабских стран активно и целенаправленно внедряют в сознание масс антикоммунистические идеи, поддерживают у них религиозный фанатизм. "Коммунизм, — утверждает один из таких идеологов Туная, — имеет одну отрицательную черту: он стремится ликвидировать религиозное и национальное сознание. Именно поэтому в борьбе против коммунизма религия является важнейшим и мощным источником. Благодаря религии коммунизм будет уничтожен. Ислам является врагом коммунизма, отрицающего свободу, право, семью и общественную жизнь" (с.105).

Не выступая прямо против научного социализма и коммунизма, Гароди косвенно повторяет доводы Туная, утверждая, что ислам создает, подобно (читай: вместо) социализму, возможности для установления братского единства, о котором говорил сам Пророк.

Идеология "сближения" ислама с социализмом трансформирует отношение трудящихся мусульман к проблемам и задачам политики, экономики и социальной борьбы в том отношении, что смазывает противоречия между капиталом и трудом, затушевывает классовый антагонизм капиталистического общества, искажает методы и способы борьбы за научный социализм и пролетарский интернационализм. Несовместимость между научным социализмом и исламом рельефно выступает при сопоставлении философско-методологических основ двух этих идеологий: диалектико-исторического материализма, с одной стороны, и объективного идеализма — с другой.

Одним из главных аргументов Р.Гароди в пользу конвергенции исламской религии с социализмом является его идея гомогенности социальных идеалов двух систем — ислама и социализма. Формулы типа "социализм, построенный на основе ислама", "народ, идущий к социализму с Кораном в

одной руке и с книгой Маркса в другой", характеризуются Р.Гароди как "исключительно ценные", позволяющие избрать "путь, направление сообразно со своим прошлым". Согласно Гароди, социализм имеет своим источником "исламские формы", действующие универсально и независимо от уровня развития производительных сил, типа социального прогресса и вытекающих отсюда производственных отношений.

Налоговая система ислама, которой Гароди придает большое значение в деле построения "исламского социализма", означает по существу материальное закрепление религиозных институтов. Опираясь на Коран, идеологи ислама признают государственную и церковную (т.е. частную) формы собственности как необходимое условие существования и развития мусульманской социальной структуры. Очевидно, резюмирует автор, и в вопросе о собственности на средства производства между исламом и социализмом существуют принципиальные различия, о которых умалчивает Гароди.

Анализируя тексты Корана, касающиеся роли труда в жизни общества, автор указывает на мистический характер интерпретации в Коране трудовой деятельности: материальные блага в свете Корана даются верующим свыше, по милости Аллаха. Автор демонстрирует реакционность подобных тезисов ислама, которые формируют специфические черты социальной психики трудящихся мусульман: смирение, терпение и пассивное отношение к переустройству общества. В этом смысле Марксово определение религии как опиума для народа целиком применимо к исламу.

В заключение автор отмечает, что тезис Гароди о возможности построения социализма в "сфере ислама" отвлекает трудящихся от действительной борьбы за социализм. Р.Гароди подменяет научный социализм доктриной, которая не может ни объяснить реальные проблемы социальной жизни,

ни наметить пути их разрешения. По существу Гароди выступает апологетом таких форм "исламского социализма", от которых отказались прогрессивные демократические круги в странах Востока.

В.С.Гаевой

АНАНИЕВА Н.

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

АНАНИЕВА Н.

“Съвременната социал-демократия.

С., Партиздат, 1975. 130 с.

(Международ. политика 2).

Автор данной книги болгарский ученый Н. Ананиева предприняла попытку дать критическую оценку как исторического пути социал-демократии, так и актуальных теоретических и политических вопросов, связанных с ее деятельностью на современном этапе общественного развития.

Истоки современного социал-реформизма, считает автор, необходимо искать в оппортунистических искажениях марксизма, предпринятых под видом “актуализации” революционного учения еще на рубеже нашего века. Ревизия марксизма Э. Бернштейном и его соратниками осуществлялась как в отношении философских и экономических основ теории научного социализма, так и политических принципов Марксова учения. Особым нападкам подвергались вопросы о классовой борьбе, социалистической революции и диктатуре пролетариата. По существу, подчеркивает Ананиева, выхолащивалась сущность марксизма, его революционная душа. Оппортунистами сеялись иллюзии о всемогуществе избирательного бюллетеня, что фактически яв-

лялось отражением мелкобуржуазного страха перед революцией. Все это логически приводило социал-реформистов в лагерь либеральной буржуазии.

Борьбу против ревизионистских тенденций в международном рабочем движении возглавили большевики-ленинцы. В ряде работ В.И. Ленин последовательно раскрыл вредность реформистских иллюзий в революционном движении. Он определил оппортунизм как форму борьбы буржуазной идеологии против марксизма. Диалектически подходя к этому негативному для революционных перспектив рабочего класса явлению, вождь мирового пролетариата отмечал, что реформизм имел объективную основу именно в тех конкретных социально-экономических и политических условиях, когда буржуазия совершенствовала методы социального маневрирования, шла на определенные уступки в политической области. Все это давало возможность тем деятелям рабочего движения, которые не являлись последовательными сторонниками марксистской теории, сеять иллюзии о возможности улучшения положения трудящихся в рамках легальной парламентской борьбы. Оценивая конфронтации различных течений рабочего движения, автор делает вывод, что в первом десятилетии XX века "борьба между последовательными марксистами и бернштейнцами была не просто спором о методах, а борьбой двух противоположных мировоззрений" (с.24).

Практическим опровержением тезиса реформистов об исключительно мирном пути к социализму стала Великая Октябрьская социалистическая революция. На "русском опыте" было наглядно продемонстрировано, как рабочий класс должен бороться за свои коренные интересы. Именно Октябрь, отношение к "русскому опыту" стали тем водоразделом, который привел к размежеванию в рабочем движении на коммунистов - сторонников революционного пути к социализму и социал-реформистов - уповавших на мирную эволюцию без активной классовой борьбы.

Перед пролетариатом встала задача преодоления раскола в рабочем движении, достижения единства на революционной основе. Решение этой задачи стало тем более необходимым, что уже в конце 20-х - начале 30-х годов буржуазия переходит к методам террора в отношении организаций трудящихся.

Наиболее остро проблема единства действий встала в Веймарской республике (Германия). Там германский фашизм ускоренными темпами превращался из потенциальной угрозы рабочему движению в реальную. Однако вследствие прежде всего оппортунизма социал-демократических лидеров, их нежелания объединить с коммунистами усилия для предотвращения фашистской опасности пролетариату Германии был нанесен тяжелый удар. В концентрационных лагерях гитлеровского "третьего рейха" многим социал-демократам, попавшим туда наряду с коммунистами и другими патриотами, стала очевидна необходимость совместной борьбы за демократические и социалистические идеалы рабочего класса.

В 30-е годы наряду с негативным опытом относительно проблемы единства действий имели место примеры ее позитивного решения, в первую очередь во Франции и Испании. Правительства Народного фронта в этих странах доказали возможность и необходимость совместных усилий для отражения наступления крайне правых. Гражданская война в Испании, кроме того, показала, как коммунисты и социал-демократы всей Европы, объединенные в Интернациональные бригады, могут вести вооруженную борьбу с фашизмом.

Автор подчеркивает, что в 30-е годы стало еще более очевидным, что именно коммунисты являются ведущей силой в борьбе с реакцией. Успехи социалистического строительства в СССР, создание мощной материально-технической базы - все это предопределило победу советского народа над

гитлеровской Германией. Гибкий курс Коммунистического Интернационала, исторические решения его УП Конгресса, нацеливавшие рабочее движение Западной Европы на совместную борьбу всех прогрессивных сил против фашизма, показали, что марксисты-ленинцы находились на уровне задач, диктовавшихся ходом общественно-политического развития.

Новые возможности для развития рабочего движения как единого целого в борьбе за пролетарские идеалы открылись в 1945 году, когда "с победой Советского Союза и всех демократических прогрессивных сил над фашизмом, с возникновением мировой социалистической системы был нанесен удар по господству капитализма" (с.38). В первые годы после окончания войны буржуазия была вынуждена пойти на серьезные уступки не только в социально-экономической, но и в политической областях. Последнее обстоятельство проявилось главным образом в том, что коммунисты, как и их соратники по антифашистской борьбе в рядах движения Сопротивления - социал-демократы, заняли важное место в правительствах Франции, Италии и других стран. Единство действий коммунистов и социал-демократов сыграло свою особую роль в перерастании демократической революции в социалистическую в странах Восточной Европы. Однако в условиях, когда налицо был пример позитивного решения проблемы единства действий в странах Восточной Европы, когда на Западе Европы также существовали важные предпосылки для наступления на позиции капитала, социал-реформисты вновь проявили нерешительность, колебания, страх перед революционным подъемом масс. А спровоцированная силами империалистической реакции "холодная война" окончательно поставила социал-демократические партии Запады в ряды антисоциалистических сил. Ведя атаки на рабочее движение, монополистическая буржуазия умело

использовала уже несколько десятилетий назад проявившуюся склонность социал-демократических лидеров к компромиссам.

В период "холодной войны" начинает формироваться доктрина современной социал-демократии — "демократический социализм". Его составными частями стали антимарксизм в теории, антикоммунизм как отрицание практического курса марксистско-ленинских партий, реформизм как метод решения внутривластных проблем на основе классового сотрудничества труда и капитала. Этой идеологии в равной мере соответствовала и практика послевоенных лидеров социал-демократического движения, которые рассматривали свое приобщение к власти в буржуазных государствах достаточной "отступной" со стороны капиталистических кругов. Как следствие этого, подчеркивает И.Анаплева, "развился закономерный процесс интеграции правой социал-демократии в капиталистическую систему, в результате чего интересы рабочего класса оказались подчиненными интересам монополистического капитала" (с.41).

В следующей главе автор рассматривает основные направления идеологии современного социал-реформизма. Отмечается, что принятые на рубеже 50 — 60-х годов первые послевоенные программы партии, входивших в Социалистический Интернационал, провозгласили в качестве определяющего принцип "мировоззренческого нейтралитета". Суть его в отказе от марксистских материалистических концепций, в признании равноправности для социал-реформизма и христианской этики, для буржуазно-либеральных теорий и утопического социализма.

В конце 50-х и середине 70-х годов несколько модифицировалось отношение социал-реформизма к марксистскому идейному наследию. Если в программах 50 — 60-х годов марксизм клеймился как учение "устаревшее", якобы неприме-

нимое к коренным образом изменившимся социально-экономическим и общественно-политическим условиям бытия трудящихся, то ныне делается попытка "заигрывать" с учением классиков. Некоторые идеологи социал-демократии, признавая ценность марксистских идей в прошлом, утверждают об их "ограниченности" в настоящем. Так, идеолог СДПГ С.Вебер пишет, что хотя германская социал-демократия получила свои первоначальные теоретические импульсы от К.Маркса и Ф.Энгельса, однако демократический социализм вырабатывает свои цели без впадения в утопизм.

Учитывая популярность идей марксизма в широких социал-демократических массах, лидеры Социнтерна взяли курс на словесное признание некоторых положений теории научного социализма, на отделение ряда постулатов от диалектически единого учения. Такие идеологи, как, например, австрийский социалист Н.Лезер, берут на себя задачу "очистить" учение К.Маркса от революционности, исторического детерминизма, диалектического подхода к общественному развитию, от признания необходимости свержения капиталистического господства посредством пролетарской революции. Н.Лезер утверждает, что Великая Октябрьская социалистическая революция якобы была извращением марксизма. Между тем, подчеркивает Ананиева, "без марксизма не может быть социалистической теории, без Марксовой системы не может быть осуществлен социалистический идеал... Марксизм как монолитная, проверенная жизнью теоретическая система и руководство к действию вступает в непреодолимое противоречие с сущностью социал-реформизма" (с. 47).

"Новый" подход к марксизму стал одной из сторон нававшегося в конце 60-х - начале 70-х годов процесса так называемой "реидеологизации", т.е. активизации теоретической разработки и пропаганды социал-реформизма.

Цель "реидеологизации", отмечает Ананьева, заключается в модернизации доктрины "демократического социализма" применительно к новым условиям обострения общего кризиса капитализма, социально-политической активности масс, соревнования двух систем в период разрядки напряженности. Тем самым предпринимается попытка не допустить подлинно марксистских оценок существующих капиталистических отношений - тенденция, которая стала вполне очевидной в последнее время в среде левых социалистов.

В период "реидеологизации" участились дискуссии в рядах крупнейших партий Социалистического Интернационала. В качестве примера автор приводит дискуссии в Социалистической партии Австрии накануне съезда в Филлахе (1972 г.). В 1972-1975 гг. оживленная дискуссия развернулась в Социал-демократической партии Германии, где обсуждалась долгосрочная программа СДПГ на 70 - 80-е годы. Эти дискуссии свидетельствовали об усилении дифференциации в данных партиях, растущем интересе молодых членов СПА и СДПГ к марксизму.

"Реидеологизацию" характеризует также издание ряда теоретических работ видных деятелей СДПГ и СПА, в которых рассматриваются основные проблемы "демократического социализма". Кроме того, в СДПГ активизировался так называемый фонд Ф.Эберта, в рамках которого организованы систематические курсы не только для членов собственной партии, но и для представителей стран Азии, Африки, Латинской Америки. Характерно, что основной упор в период "реидеологизации", как и прежде, делается на пропаганду антикоммунистических идей. Идеологи Социинтерна продолжают навязывать членам своих партий, функционерам из стран "третьего мира" взгляды, согласно которым коммунизм есть якобы "злоупотребление именем и словом социализма", а "единственным последовательным борцом за

новый мир" являются "демократические социалисты, руководствующиеся гуманистической этикой".

Однако, говоря о построении нового общества, социал-реформисты по существу расписываются в своем идейном банкротстве, ибо "социализм" по их собственным словам есть не конечная цель, а лишь "постоянная задача" рабочего движения. При таком подходе к вопросу о социалистическом идеале невольно напрашивается мысль, что речь идет не о построении нового общества, а о реформировании и модернизации капитализма, ибо "социализм" реформистского образца исключает коренное переустройство общества.

Наиболее наглядно несостоятельность социал-демократизма видна в вопросе о реформах при капитализме, в отношении к проблеме революционных преобразований. "В социал-демократическом варианте, — подчеркивает Ананиева, — противоположность между реформой и революцией абсолютизирована до такой степени, что реформа превращается в средство против революции, направленное на предотвращение революции. В этом смысле страх социал-реформистов перед революцией ничуть не отличается от страха господствующего буржуазного класса перед революционным подъемом масс" (с.56-57).

В то же время обсуждение вопроса о реформах при капитализме вскрыло значительные расхождения среди теоретиков различных направлений. Если апологетически настроенные к буржуазному строю идеологи повторяют старую идею о "трансформации" посредством реформ капитализма в социализм, то левые социалисты обосновывают необходимость перехода от реформ, корректирующих существующую систему, к реформам системоизменяющим, выдвигая тем самым перспективу построения социалистического общества. Но их взгляды подчас утопичны, не свободны от актикомму-

нистических реформистских предрассудков, без преодоления которых невозможно подлинно марксистское понимание роли тех реформ, которые могут создать предпосылки для перехода к построению социалистического общества.

В современных дискуссиях по идеологическим вопросам значительное место уделялось проблеме сущности демократии в ее социал-реформистской трактовке: речь шла и об "экономической", политической и социальной демократии. Идеологи "демократического социализма" подразумевали под этим понятием и государственную форму правления, и метод руководства обществом. Но все сентенции объединяло игнорирование классовой сущности данного понятия. Автор делает вывод, что в самой общей форме социал-реформистское определение демократии тождественно даже тому, что говорили древнегреческие мыслители.

Переходя к конкретной проблеме политической демократии социал-реформистского образца, Ачаньева замечает, что лишь в первые послевоенные годы лидеры социал-демократии высказывали согласие с марксистским тезисом о завоевании пролетариатом политической власти в обществе. Прозрение длилось недолго, и уже в первых декларациях Социинтерна вновь на щит был поднят лозунг защиты государства "всеобщего благоденствия". Данное государство в интерпретации социал-реформистов выглядело как надпартийный, надклассовый арбитр, действующий в интересах "всех граждан" свободного мира. Соответственно капитализм превращался в "современное индустриальное общество", а посему марксистское положение о классовом характере капиталистического государства категорически отвергалось.

Критикуя эти теории, автор подчеркивает, что хотя со времен создания теории научного социализма классиками марксизма капитализм претерпел существенные изме-

нения, которые нельзя сбрасывать со счетов, тем не менее "общая тенденция к политической реакции, ограничению демократии, хотя и выражается нередко в скрытой форме, является по-прежнему характерной чертой политической власти буржуазного государства" (с.75). Политическая демократия при капитализме никак не может соответствовать социалистическим представлениям о народной власти.

Анализируя политическую практику ведущих социал-демократических партий Западной Европы, Ананиева указывает, что именно в этом вопросе реформизм доказывает несостоятельность так называемого "третьего пути" социализма. Многие из провозглашенных в теории положений так и остаются на бумаге или проводятся в жизнь в весьма ограниченном виде, другие реформы в первую очередь направлены на совершенствование системы государственно-монополистического капитализма и учитывают интересы широких слоев населения лишь постольку, поскольку это не противоречит потребностям буржуазных кругов.

В качестве характерного примера подобного рода вариаций социал-реформизма автор приводит проблему обобществления и ее реализации в условиях современной Великобритании. Лейбористы во многих документах послевоенного периода декларировали свое стремление к национализации целых отраслей промышленности и банков. Однако их пребывание у власти способствовало лишь частичной национализации, хотя само по себе — это явление, вполне вписывающееся в рамки современного государственно-монополистического капитализма. Излагая марксистскую оценку огосударствления при капитализме, автор пишет, что "по существу в этой области политика лейбористов почти не отличалась от политики консерваторов, ибо современный капитализм считает огосударствление части экономики важ-

ным средством стабилизации системы, так как государство представляет и частные интересы монополистического капитала" (с.63).

Тем не менее многие в лейбористской партии, особенно представители ее левого крыла, справедливо считают, что демократическая национализация т.е. огосударствление при контроле рабочего класса над производственным процессом, может дать и качественный сдвиг в процессе преодоления капиталистических структур.

В другой партии Социнтерна - СДПГ - левые требуют от своего руководства осуществления такого важного принципа, декларируемого в официальных документах западногерманских социал-демократов, как повсеместное введение участия трудящихся в управлении производством. Однако практика показывает, что даже находящиеся в последние годы у власти лидеры СДПГ не смогли провести в жизнь законов, утверждавших это право. Принятые в последние годы в ФРГ законодательные акты, касающиеся участия в управлении, не предусматривают принципа паритета т.е. равноправного решения производственных проблем как администрацией и владельцами предприятий, так и занятыми на них рабочими и служащими. Право решающего голоса оставлено за представителем предпринимателей в наблюдательных советах акционерного общества.

Наиболее характерным примером немощности социал-реформистов в построении пропагандируемого ими общества "демократического социализма" является деятельность шведских социал-демократов. Находясь у власти более 40 лет, эта партия не смогла преобразовать существующие капиталистические структуры, 96% промышленности находится в частных руках; сами шведские капиталисты называют эту страну раем для частного предпринимательства. Все реформы социал-демократов, которые пошли на

пользу рабочему классу, были согласованы, прямо или косвенно, с представителями буржуазных кругов и вполне вписывались в систему национального ГМК.

Автор высказывает мнение, что при невысоком уровне классового сознания в индустриально развитых странах именно эти частичные уступки способствуют сохранению и упрочению влияния реформизма в массе трудового населения. Недооценивать проведенные социал-демократами социальные мероприятия, позволившие улучшить материальное положение рабочего класса, было бы ошибкой. Однако все они есть результат давления низов, давления, которое испытывают на себе в первую очередь лидеры социал-демократических партий.

Обобщая вопрос о реформах в социально-экономической области, автор делает вывод, что "именно практическая деятельность социал-демократии может показать степень отличия их политики от аналогичного курса буржуазных правительств... Но именно в политике наиболее ярко проявляется основное противоречие современной социал-демократии - стремление примирить интересы трудящихся с интересами капитала, идти на решение текущих проблем без наступления на экономические позиции буржуазных слоев" (с.90-91).

Данное положение весьма четко проецируется на политику социал-демократов в период нынешнего всеобъемлющего кризиса капиталистического хозяйства. С одной стороны, кризисные явления в экономике и политике ГМК, усилившие поляризацию классовых сил, вынудили руководство ряда социал-демократических партий более ясно сформулировать свои позиции, наметить некоторые перспективы по преодолению кризиса, что и привлекло к ним много избирателей (с.84). С другой стороны, социал-демократические лидеры продолжают умалчивать о том, что виновником

этого кризиса является капиталистическая система в целом; они не желают призвать к ответу монополии, виновные в энергетических, экологических, валютно-финансовых и других затруднениях современного капиталистического общества.

Говоря о внешнеполитических концепциях и практическом курсе в международных делах западноевропейской социал-демократии, автор отмечает усиление реалистических тенденций. Этот реализм является отражением насущных потребностей рабочего класса, роста влияния сил мира, демократии и социализма. "Восточная политика" Бонна стала ярким отражением более позитивного отношения СДПГ к своим соседям. Отмечается также и поддержка социал-демократами созыва и проведения общеевропейского совещания, причем особого одобрения заслуживает ряд деклараций Социнтерна по этому вопросу. Одновременно в период разрядки усилились негативные оценки рядом деятелей социал-демократии таких блоков, как НАТО и ЕЭС. Это относится в первую очередь к скандинавской социал-демократии, занимающей по внешнеполитическим вопросам наиболее левые позиции среди партий Социнтерна.

В то же время ряд факторов современного развития говорит о том, что в международных вопросах некоторые деятели продолжают питать склонность к проведению линии на классовое сотрудничество с капиталом. В связи с этим Ананиева рассматривает так называемую "Программу для социалистической Европы", которая намечает стратегию и тактику социал-демократии стран ЕЭС в вопросах империалистической интеграции. По существу здесь идет речь не о действенных мерах рабочего класса против монополий в наднациональном масштабе, а о приспособлении социал-реформизма к дальнейшему развитию интеграционных процессов в Западной Европе.

В заключение Н.Ананьева указывает на необходимость решения проблем, связанных с единством действий коммунистов и социал-демократов. Новое соотношение сил на мировой арене, успехи стран реального социализма создают благоприятные условия для достижения сотрудничества партий рабочего класса. При этом коммунисты, выступающие инициаторами такого сотрудничества, отнюдь не закрывают глаза на имеющиеся идеологические расхождения. Наоборот, политика единства действий предполагает активную борьбу за преодоление в массах социал-демократов реформистских иллюзий и антикоммунистических предубеждений.

Между тем последние еще оказывают влияние на развитие сотрудничества коммунистов и социал-демократов. Достаточно упомянуть ряд антикоммунистических по духу резолюций Социнтерна, соответствующие документы СДП и СПА, где членам данных партий в категорической форме запрещалось участие в любых совместных с коммунистами акциях. Вместе с тем безусловно благоприятным и обнадеживающим является пример Франции, где обе партии ФКП и ФСП выработали в 1972 году совместную правительственную программу, в которой нашли отражение сблизившиеся позиции обеих партий по ряду актуальных проблем.

Тезис "Коммунистического манифеста" - "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" за 125 лет не только не утратил своей актуальности, а наоборот, напоминает пролетариату, что только сплоченный рабочий класс может ограничить всевластие капитала, достичь социалистических целей. Единство действий "это не теоретическая формула, а проверенная и доказанная опытом истина международного пролетариата" (с.112). За отказ от единства действий рабочий класс заплатил кровавыми жертвами. Ныне, несмотря на оппортунизм правых социал-демократических лидеров,

все же увеличиваются объективные предпосылки сотрудничества коммунистов и социал-демократов. Этот процесс стимулируется кризисными явлениями современного капитализма, что ведет к крушению иллюзий о возможности классового сотрудничества с буржуазией.

В.Я.Швейцер

ШУЛЬЦЕ Г.
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЗМ
МЕЖДУ ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИЕЙ И РЕИДЕОЛОГИЗАЦИЕЙ
SCHULZE H.

Sozialdemokratismus zwischen Entideologisierung
und Reideologisierung. В., Akad.-Verl., 1973. 118 S.
(Zur Kritik der bürgerlichen Ideologie. 28).

Идеологическая борьба – закономерность в истории
классового общества

Вопреки тому что сегодня утверждают буржуазные "критики идеологии", К.Маркс не отрицал прогресса познания в процессе образования идеологии различных классов. Маркс и Энгельс, утверждает автор, никогда не высказывали приписываемых им взглядов, будто любая идеология – "ложное сознание" и не имеет познавательной ценности. Современная буржуазия стремится фальсифицировать марксизм-ленинизм и помешать его распространению. При этом обнаруживается идеологический характер любых, даже кажущихся чисто академическими, теоретических рассуждений буржуазных ученых и философов.

Методы "теоретического" спора с марксизмом меняются, становятся все более рафинированными, но всегда служат одной и той же цели: поддержанию идеологического господ-

ства буржуазии как обязательной предпосылки для сохранения ее экономического и политического господства.

Неокантианство и социология
знания — теоретические источники
современного антикоммунизма

Среди методов "опровержения" марксизма-ленинизма, использовавшихся в прошлом буржуазными идеологами, важную роль продолжают играть два метода, по мнению автора, образующих "теоретический фундамент" многообразных концепций современного антикоммунизма.

Первый состоит в отрицании существования законов общественного развития. Такую точку зрения в прошлом столетии защищали прежде всего буржуазные немецкие историки. В конце XIX в. ей пытались дать теоретическое обоснование неокантианские философы Г.Риккерт и В.Виндельбанд. В принципе они не пошли дальше бездоказательных утверждений об абсолютной неповторимости хода общественного развития. В интересах сохранения неокантианских теоретических конструкций буржуазные философы (в том числе крупнейший социолог М.Вебер), вопреки очевидным фактам, отрицали закономерный характер развития капитализма. Точно так же сейчас они отрицают закономерность перехода от капитализма к социализму. Главным аргументом, используемым практически всеми противниками научной идеологии, является ложное, клеветническое утверждение, будто бы в основе марксизма лежит не наука, а ничем не обоснованная вера, что его содержание составляет "секуляризированное учение о спасении" и т.п.

Другой метод "опровержения" марксизма представляет собой развитая в 20-х годах нашего столетия социология знания, обязанная своим возникновением прежде всего работам буржуазного социолога К.Маннгейма. Эта концепция

призвана содействовать восстановлению сильно пошатнувшейся "социальной стабильности" капиталистического общества. Исходя из ложных, идеалистических представлений о том, что причиной социальных конфликтов, классовой борьбы являются не материальные антагонистические противоречия капитализма, а их идеальная рефлексия, противоречия идей, "стилей мышления", мировоззрений и т.п., Маннгейм стремился проложить путь к окончательно восстановлению "социального мира", "классового умиротворения" через преодоление этих противоречий посредством синтеза (в действительности невозможного) противоположных классовых идеологий. Несостоятельность подобных претензий, их утопизм и иллюзорность особенно ярко обнаружили в период господства фашистской диктатуры.

50-е годы - поворотный пункт в идеологической стратегии империализма

Антикоммунистическая политика и идеология потерпели в 50-е годы тяжелое поражение, что выразилось в фиаско "политики с позиции силы" и "холодной войны". Буржуазные политики и идеологи осознали тот факт, что социализм нельзя уничтожить военным путем. Одновременно они увидели, что идеи социализма укореняются во всех уголках земного шара, а многомиллионные массы избавляются от антикоммунистических предрассудков. Не оставляя, конечно, своих усилий, направленных на достижение военного перевеса, империалисты постепенно перенесли центр тяжести "холодной войны" в область идеологии. В марксизме-ленинизме они начинают видеть главного врага. Эти политические факторы и привели наших империалистических противников к поискам "новой" идеологии.

Империалистическая буржуазия, особенно американская, стремится к "единому мировоззрению", "единой мировой фи-

лософии" как идеологическому обоснованию мирового господства американского империализма. После того как первая грандиозная попытка создания такого "единого мировоззрения", предпринятая, как считает автор, английским историком Тойнби, потерпела крах, ее возобновила, на других основаниях, группа идеологов, развивших теории "единого индустриального общества", "постиндустриального общества", "стадий роста", "конвергенции", "деидеологизации" и др. Среди них "теория деидеологизации" играет особую роль, так как, с одной стороны, она составляет существенную часть прочих теорий (например, "индустриальное общество" является якобы обществом "деидеологизированным"), а с другой стороны, она находит аргументы в пользу "возможности" и "необходимости деидеологизации" остальных теорий.

За теорию деидеологизации реакционная буржуазия тотчас же ухватилась как за якорь спасения, стремясь развить содержащиеся в ней идеи. В этих идеях правые социал-демократы нашли средство для оправдания своей измены социализму, рабочему классу и для обоснования открытого перехода на позиции государственно-монополистического капитализма.

"Деидеологизация" СДП?

Реакционные американские "идеологи", прокламировавшие в 50-60-х годах "конец идеологии", утверждали в этой связи, что рабочий класс не нуждается якобы больше в своей идеологии. Выводы, которые ведущие правые социал-демократы в ФРГ (а также и в других капиталистических странах) сделали из этих утверждений, состояли в официальном требовании "деидеологизации" их партии. Это заключение является логически противоречивым, даже если принять, что антагонистические классовые противоречия

между рабочим классом и буржуазией полностью разрешены в современном "индустриальном обществе" и что сами эти классы исчезли. В таком случае СДПГ была бы партией, которая не руководствуется в своих политических акциях никакой идеологией, т.е. была бы неполитической и "непартийной партией".

Тем не менее ведущие правые социал-демократы называют свою партию "неидеологической", представляя ее как "современную" в противоположность Германской коммунистической партии и Социалистической единой партии Германии, которые являются якобы безнадежно устаревшими, так как исходят из давно преодоленных представлений о действительности.

"Деидеологизация" означает более чем просто отход от марксистско-ленинского понимания социальной действительности и сущности капитализма. В принципе понятия "деидеологизация" и "конец идеологии" имеют целью "конец социалистической идеологии".

Наиболее четким выражением так называемого процесса деидеологизации СДПГ, отказа от "основной марксистской концепции XIX в." автор считает Бад-Годесбергскую программу. Однако официальный отход международной социал-демократии (а тем самым также и СДПГ) от марксистско-ленинской теории обнаружился гораздо раньше - сразу после победы Октябрьской революции, которая окончательно выявила буржуазную сущность основных тенденций в социал-демократическом движении.

Правые социал-демократические "теоретики" пытались обосновать превращение СДПГ в "народную партию" тем, что в ФРГ будто бы уже больше нет классовых противоречий и что здесь цели социализма уже "достигнуты". Все эти утверждения, пишет автор, опровергаются конкретными фактами и цифрами, свидетельствующими об усилении кон-

центрации капитала и власти монополий, об обострении классовой борьбы.

Является ли легенда о господстве технократов достаточным основанием для "деидеологизации" СДПГ?

Тезис о том, что любая идеология как выражение интересов определенных классов стала излишней с середины 50-х годов, обосновывается тем аргументом, что право распоряжаться средствами производства перешло теперь якобы в руки "менеджеров", "технократов" и что первоначальный владелец капитала не играет уже никакой роли в обществе.

Правые социал-демократические теоретики ФРГ используют "теорию менеджеров" в своих собственных целях, в частности для того, чтобы снять как несущественный основной вопрос — какова собственность на средства производства — частная или общественная, отрицая тем самым необходимость создания социалистического государства. Этому "аргументу" придавалось определенное значение в рамках кампании "деидеологизации", проводимой всеми немарксистскими западногерманскими партиями. Он нашел свое отражение в Годесбергской программе. Автор подчеркивает, что тезис о переходе права распоряжения средствами производства в руки "менеджеров" — не более чем легенда.

Что в действительности означают утверждения о "революции менеджеров" показала борьба западногерманского рабочего класса за повышение заработной платы в 1970 и 1971 гг. В этих условиях лидер профсоюзов Отто Бреннер не мог не отгородиться от тезисов данной теории и признать ее общественную реальность. Он подтвердил, что право распоряжаться средствами производства по-прежнему

принадлежит их частным собственникам, а менеджеры действуют исключительно в их интересах.

Ориентация на совершенно необоснованные и постоянно опровергаемые общественной практикой тезисы и аргументы является выражением глубокого идеологического кризиса, в котором очутились правые социал-демократические политики СДПГ вследствие безоговорочного и некритического заимствования буржуазных теорий типа "теории деидеологизации".

"Свободная от идеологии" политика - в интересах монополий

Правые социал-демократические политики и идеологи заверяют, что они будто бы проводят политику, "свободную от идеологии", стоящую выше "идеологических подозрений", служащую интересам всех классов, нуждам всего народа (отсюда, в частности, и новый термин - "народная партия").

О том, что при этом интересы монополистов, состоящие в достижении максимальной прибыли за счет эксплуатации рабочего класса, не исключаются из интересов "отдельных граждан", недвусмысленно заявил К.Шиллер. Согласно его утверждениям, социал-демократы не имеют предубеждения против "крупного хозяйства" и поэтому не может быть и речи о том, чтобы в их хозяйственной политике "крупное хозяйство" являлось бы "козлом отпущения". Это действительно так, учитывая, что "крупное хозяйство" - "деидеологизированный" синоним понятия "государственно-монополистический капитализм" и господствующей в этой системе монополистической буржуазии.

Против "идеологических упреков" со стороны оппозиции (ХДС/ХСС) выступил правый социал-демократ К.Винанд. Стремясь доказать, что СДПГ классово нейтральна, политически индифферентна и не стоит на позициях рабочего класса, он

приводит многочисленные свидетельства того, что различные политические акции СДПГ (в частности, налоговая реформа) приносят реальную пользу "работодателям" в ущерб трудящимся.

Такого рода признания представителей немецкой социал-демократии показывают, что между защитой интересов монополий и интересов трудящихся масс не может быть "третьего пути", что это противоположные интересы. Поэтому "неидеологическая" политика практически невозможна, а все обещания и заверения на этот счет иллюзорны и демагогичны.

Ни СДПГ, ни другие партии, защищающие интересы монополистического капитала, своими половинчатыми реформами не в состоянии устранить антагонистические социальные конфликты и вывести страну из политического и экономического кризиса. Единственная партия, способная на необходимые для этого радикальные реформы, — это Германская Коммунистическая партия (ГКП), открыто служащая интересам трудящегося народа.

Антикоммунизм несовместим
с "мировоззренческой нейтральностью"

В Годесбергской программе СДПГ говорится, что "демократический социализм" не намеревается провозглашать "последние истины" из уважения к праву человека самому выбирать свою веру.

Такого рода заявления являются софистическим трюком, поскольку они отождествляют любое мировоззрение с неким набором принятых на веру "последних истин". Марксизм-ленинизм, вопреки утверждениям правых социал-демократов, не провозглашает догматически "последних истин", но и в то же время является единственно научным мировоззрением.

Поскольку каждое мировоззрение включает определенные представления об особенностях объективной реальности, о смысле жизни и истории, из которых постоянно выводятся определенные следствия в отношении поведения людей, т.е. ставятся цели и предлагаются определенные методы для их достижения, то отказ от признания мировоззрения сводится к отказу открыто признать определенные политические цели и общественные идеалы. Между политическими и мировоззренческими дискуссиями нашего времени имеется жесткая связь — первые обосновываются и оправдываются вторыми.

Фактически правые вожди СДПГ отнюдь не признают все мировоззренческие установки внутри и вне партии как зависящие лишь от свободного и безразличного для партии выбора веры. Это особенно видно по отношению к представителям марксистского мировоззрения и членам коммунистической партии. Насколько мало "мировоззренческая нейтральность" принимается всерьез правыми лидерами СДПГ, отчетливо обнаруживается в их безнадежных попытках дискредитировать марксистско-ленинское мировоззрение как "эсхатологию", "утопию", "иллюзию" и т.п.

Дискредитация марксизма-ленинизма —
выражение буржуазной партийности

Ганс Альберт, который пытался философски оправдать "политику реформ" правых социал-демократических лидеров, рассматривает марксизм как разновидность религиозной веры. В этом учении, по его мнению, речь идет прежде всего о "вскрытии смысла истории", что является наследием "теологического сверхнатурализма".

Идентичность воззрений Альберта с ходячим вариантом антикоммунистической дискредитации марксизма становится полностью отчетливой, когда он пытается приписать марк-

сизму идею конечного идеального состояния общества, в котором все без исключения проблемы решены раз и навсегда. Он пишет совершенно справедливо, что ни в науке, ни в социально-политической жизни не может быть получено никаких совершенных, абсолютно неизменных и окончательных решений проблем. Но марксизм никогда не утверждал, что в социалистическом обществе противоречие перестает быть движущей силой развития и что в будущем не будет никаких проблем. Вместе с тем, как подтверждает практика социалистического строительства, современные проблемы человечества могут успешно решаться лишь на социалистическом пути.

С особенной энергией Альберт настаивает на утверждении, что положения философии истории, которые претендуют на открытие "смысла истории", несовместимы с наукой. Это действительно справедливо, о чем наглядно свидетельствует философия Тойнби. Но к марксизму такая критика не имеет отношения. Именно эксплуататорские классы и их идеологи отрицают возможность вскрытия закономерностей исторического процесса, так как они остаются глухими ко всем истинам, которые противоречат их классовым интересам. Рабочий класс, напротив, заинтересован в познании социальной действительности. Без этого познания он не может успешно вести борьбу за свое освобождение, и марксизм-ленинизм никогда не стремится к завершению этого познания.

Несостоятельность отождествления марксизма с религиозным учением о спасении или спекулятивной философией "смысла истории" видна из того факта, что рабочий класс при выдвижении своих требований об упразднении капиталистического общества не ссылается ни на план спасения, ни на "цели природы". Он обосновывает необходимость экономического, политического и культурного переворота не-

разрешимостью противоречий в рамках капиталистической системы, разрушительное действие которой становится все ощутимее. Далее, марксизм рассматривает до сих пор имевшие место исторические события не как средство к достижению заданной цели, конечного состояния, но объясняет каждое историческое событие из вполне конкретных причин, которые действуют в данное время. И, наконец, марксизм видит решающее средство преобразования действительности не в божественной милости или слепом историческом автоматизме, а в классовой борьбе, в творящих историю действиях народных масс. Строительство социализма во многих странах окончательно опровергает утверждения об утопическом характере марксизма, и этим доказывает, напротив, утопический, иллюзорный характер социал-демократических представлений.

**"Реидеологизация" –
новый вариант социал-демократической
идеологии?**

Процесс научно-технической революции обострил противоречия капиталистического общества. Борьба западно-германского рабочего класса в защиту своих прав в 1970–1971 гг. опровергала распространявшийся буржуазными, социал-демократическими и ультралевыми идеологами тезис, будто рабочий класс полностью интегрирован в буржуазное общество и перестал быть решающей общественной силой. Внутри СДПГ усилились призывы к "реидеологизации", под которой понимается возврат к социалистической, а точнее говоря псевдосоциалистической идеологии. Назначение "реидеологизации" состоит в том, по мнению автора, чтобы разрешить идеологический кризис, который переживает социал-демократия, приняв буржуазную теорию индустриального общества. Наличие кризиса признают сами социал-де-

мократы. Так, генеральный секретарь Социалистического Интернационала Г.Яничек вынужден был заявить, что "отход от марксизма не привел к новым воспламеняющим" идеям. Вместо них развился род "защитной идеологии", которая более подчеркивает то, чем не является социал-демократия, чем то, что она есть.

Выход из этого идеологического тупика видется правым социал-демократам в возрождении идей социализма, которые, однако, ни в коем случае не должны быть идентичны идеям научного социализма.

Эта третья "возможность" получила название "демократического социализма". Правые социал-демократы неоднократно старались определить это понятие. На внеочередном съезде СДПГ в ноябре 1971 г. разъяснилось, что "демократический социализм" является якобы не конечной целью, не грезами о такой цели, а тем, что практикуется социал-демократами в общинах, землях и союзах. При такой дефиниции сознательно игнорируется марксистское положение, гласящее, что различные общественно-экономические формации (в том числе социализм и капитализм) в первую очередь различаются по характеру отношений собственности.

Если "демократический социализм" означает такой социализм, который может осуществить демократию, то остается непонятным, что же, в конце концов, понимать под самим социализмом. Дело в том, что социализм нельзя определять через понятие демократии, так как, хотя социализм и невозможен без определенной формы демократии (без социалистической демократии), его нельзя полностью к ней сводить.

Решающая предпосылка каждого социалистического общественного порядка - социалистические производственные отношения - при определении понятия "демократичес-

кий социализм" либо замалчивается, либо отрицается, как это имело место на съезде Социалистической партии Австрии в Виллахе. На этом съезде также было предложено определение понятия "социализм" (заимствование из Венской программы этой партии). Согласно этому определению, социализм является неограниченной политической, хозяйственной и социальной демократией. При этом не объясняется, в чем должен выражаться социалистический характер этой демократии и как вообще она может быть реализована, если не лишить экономической и политической власти те силы, которые препятствуют самоопределению большинства населения с помощью идеологических манипуляций, скрытых обманных маневров, экономического давления, коррупции и т.п.

Обращение к социализму (к извращенному, полностью искаженному понятию социализма) на словах, упорная поддержка системы государственно-монополистического капитализма на деле, в практической политике — вот итог требуемой и частично уже практикуемой "реидеологизации".

Несмотря на словесное признание социализма, на отдельные антикапиталистические выпады, на мнимо острую критику существующих общественных порядков — эксплуатации рабочего класса, "неравного" разделения богатств и т.п., герольды "демократического социализма" в действительности не намереваются свергнуть капиталистический общественный порядок и заменять его социалистическим. По сути дела они являются воинствующими антикоммунистами, вынужденными в данных исторических обстоятельствах скрывать свой антикоммунизм под маской приверженцев "демократического социализма". Эту отнюдь не новую тактику разоблачал еще Ленин в 1913 г.

Воинствующий антикоммунизм защитников "демократического социализма" доказывается прежде всего тем, что

острие своей идеологической борьбы они направляют не против государственно-монополистического капитализма, а против разработанных Марксом и Энгельсом общих принципов социализма и против социалистических стран, в которых эти принципы реализуются.

Антисоциалистический, антикоммунистический характер "демократического социализма" со всей отчетливостью проявился в конце 60-х годов в ЧССР, где контрреволюционные силы пытались воплотить соответствующие идеи в действительность. Главный удар правых сил был направлен против авторитета социалистического государства и ведущей роли партии, что должно было вести в конечном счете к уничтожению всей существующей политической системы и реставрации капитализма.

Идеи "демократического социализма" призваны, таким образом, не только успокоить левую оппозицию внутри социал-демократии и ввести в заблуждение избирателей относительно истинных политических позиций правых социал-демократов. В первую очередь они используются для идеологических диверсий в социалистических странах, т.е. имеют ясно выраженную антикоммунистическую функцию. Это неоднократно открыто признавали правые социал-демократы. Так, к примеру, сразу после прихода к власти СДП в теоретическом органе этой партии была выражена надежда, что при современных политических условиях вопрос о "третьем пути" в ГДР получит новый импульс.

Идеи "демократического социализма" имеют своей главной целью разрушение социалистического строя. Монополистическая буржуазия не без основания возлагает в этой связи особые надежды на правых социал-демократов. Но идеологические защитники государственно-монополистического капитализма находятся в трудном положении. Победное шествие марксистско-ленинских идей, их даль-

нейшее распространение среди рабочего класса, интеллигенции и особенно среди молодежи обнажает псевдосоциалистический характер "новой" демагогической фразеологии.

Возможности мифа о "конце идеологического века", по-видимому, исчерпаны до конца буржуазными и социал-демократическими идеологами. Попытки новых средств поддержания господства монополий над широкими массами продолжаются. Однако гибель капиталистической системы невозможно задержать даже самым искусным идеологическим маневрированием.

Н.И.Степанов

КЛЕЙН Х.

АВСТРОМАРКСИЗМ И СОЦИАЛ-РЕФОРМИЗМ

KLEIN H.

Austromarxismus und Sozialreformismus. -

"Deutsche Z. für Philosophie",

B., 1975, Jg.23, N 11, S.1440-1455.

В статье преподавателя кафедры марксистско-ленинской философии Института общественных наук при ЦК СЕПГ в Берлине Х.Клейна анализируется факт оживления в ФРГ и Австрии интереса к взглядам так называемых "австромарксистов".

С конца 60-х годов в социал-демократических партиях ФРГ и Австрии ведется теоретическая дискуссия, имеющая целью придать научное обоснование социал-реформистской концепции "демократического социализма", одним из теоретических источников которой якобы является "марксизм". С одной стороны, член руководства СДПГ П.фон Эрцен жалуется, что "левые", особенно "молодые социалисты", стараются восстановить традиционную цель социализма в первоначальном Марксовом смысле. С другой стороны, правые лидеры СДПГ, в том числе В.Брандт, Б.Фридрих, пытаются отвергнуть "узурпацию" Маркса коммунистами и объявить его (разумеется, в обработке Бернштейна, а не в интерпретации Ленина!) одним из родоначальников социал-демократии. В этой связи и в духе провозглашенного XII

конгрессом Социнтерна в 1972 г. "идеологического наступления" на коммунизм, идеологи "демократического социализма" охотно ссылаются на идеи австромарксизма.

Хотя понятие "австромарксизм" появилось в политической литературе в 1907 г., австрийская разновидность оппортунизма выступает уже с конца XIX в. Его теоретики и вожди - В.Адлер, К.Реннер, Ф.Адлер, М.Адлер и особенно О.Бауэр - много занимались, в частности, национальным вопросом. В 1907 г. О.Бауэр высказал мнение, что социалистическая идеология должна "обвенчаться" в каждой стране с ее особой "культурной традицией". Он считал, что духовное своеобразие нации определяет своеобразие социализма каждой нации. Позднее он выразил мнение, что подобно тому, как католическая церковь не может уберечь свою систему догматов от национальной дифференциации, так же не может этого сделать и марксизм. Реннер тоже отрицал международный характер марксизма, выдвинув тезис, что должно быть столько социализмов, сколько есть на земле государств и стран. М.Адлер пошел по пути очищения марксизма от "материалистических недоразумений" и дополнения его "критико-познавательными" идеями в духе неокантианства. Ф.Адлер пытался сочетать марксизм с махизмом.

В среде австромарксистов, считавших науку и мировоззрение диаметрально противоположными, старавшимися их разъединить, имелись и разногласия, например, в вопросах отношения к буржуазному государству. Тогда как в годы первой мировой войны В.Адлер и К.Реннер перешли на позиции социал-шовинизма, Ф. и М.Адлеры стояли на "левых" позициях, считались сторонниками революционной борьбы. Однако идеи марксистской альтернативы реформизму все же не получили у них практической реализации, прежде всего, как считает автор, из-за их враждебности ленинизму.

Современных социал-реформистов особенно привлекают взгляды Реннера и Бауэра о "национальной дифференциации" марксизма, вытекающей будто бы из различий общественного "бытия", социальной психологии и культурного развития людей. Эти антимарксистские идеи используются ныне для теоретического обоснования мифа о "плюралистском марксизме", о якобы "поливариантном" его характере, для опровержения общезначимости марксизма-ленинизма. Кроме того, интерес вызывается еще двумя важными причинами. Во-первых, относительная целостность австромарксизма как антиленинской теории, вместе с тем мнимо отграниченного от ревизионизма и претендующего на роль "истинного марксизма", позволяет использовать его в качестве псевдосоциалистического теоретического обоснования оппортунистической политики. Во-вторых, "левый социализм" австромарксистов всегда привлекал к себе левые элементы в социал-демократии. Поэтому, чтобы парализовать ныне обращение левых к истинному марксизму, правосоциалистические идеологи выдают австромарксизм за единственное творческое развитие марксизма в Западной Европе. Они называют его вообще "западным марксизмом", тем самым стараясь обесценить ленинизм, как будто бы "специфически русскую" теорию. Так трактует австромарксизм теоретик США Норберт Лезер. Это позволяет, в частности, прочнее интегрировать нынешних "молодых социалистов" в партию. На эту удочку попался, например, австрийский социалист Гиндельс. Он утверждает, что "возрождение марксизма", выраженное во многих работах "новой левой", образует одновременно некий идейный мост к "старой левой", которая якобы никогда не переставала придерживаться учения Маркса.

Вместе с тем Н.Лезер уже много лет старается включить австромарксизм в арсенал антикоммунистических тео-

рий. Он при этом просто элиминирует идеи М.Адлера и О.Бауэра об "экономическом детерминизме", которые не позволяют свести их представления о социализме только к его этическому обоснованию, поскольку они признают "причинно-закономерную необходимость" социализма. Лезер предлагает вслед за отброшенным уже австромарксистами философским материализмом "очистить" марксизм также от "веры в историческую необходимость" и от "марксистского взгляда на государство". При этом целью такого очищения объявляется "облагораживание", более острое понимание и лучшее выявление социалистического содержания.

Критикуется также точка зрения М.Адлера на социальное развитие как "непрерывную прерывность", из которой вытекало обоснование социальной революции, определенного соотношения реформы и революции. Используя сейчас в антикоммунистической пропаганде теоретические нападки М.Адлера и О.Бауэра в начале 20-х годов на Советскую власть и диктатуру пролетариата, социал-реформисты в то же время сознательно умалчивают или искаженно толкуют более поздние признания О.Бауэра. Так, ошибочно утверждая, что руководство большевистской партии - это "диктатура над народом", О.Бауэр пришел все же к выводу, что победа социализма в мире зависит от утверждения и развития социализма в Советском Союзе.

Это положительное заключение О.Бауэра объявляется современными социал-реформистами либо проявлением "на-рочитого оптимизма", связанного с надеждами на неосуществленную "демократизацию" Советского Союза, либо даже именуется "актом отчаяния", объясняемым "чрезвычайными трудностями международного рабочего движения" накануне второй мировой войны и порожденными этими трудностями **иллюзиями**.

Субъективно-идеалистические основы австромарксизма,

его противоречивость, особенно его гибкий антикоммунизм, дает известные основания для подобных истолкований. Так, теоретик австрийской социал-демократии Ф.Кленнер рекомендует отбросить "революционную фразеологию" австромарксистов, связанную будто бы только с особенностями ситуации их времени, и просто пристегнуть их теорию к "этическому социализму". Вместе с тем тезис австромарксизма об "обобществленном человеке" действительно имеет много точек соприкосновения с современным социал-реформизмом.

Нынешние идеологи социал-демократии являются эпигонами тех своих предшественников, которые сделали "отдельного человека" исходным пунктом мнимо гуманистических концепций истории общества. В программах СДПГ и СПА используются для характеристики "демократического социализма" вырванные из контекста слова "Манифеста Коммунистической партии" об обществе, в котором свободное развитие каждого является условием свободного развития всех. М.Адлер (вслед за О.Контом, Дильтеем и Фрейдом) говорил о двойственности сознания, об отдельном человеке, который одновременно является и "обобществленным человеком". Он растворял объективную диалектику в самосознании или психике индивида; марксизм сплетался у него с неокантианством. Он писал, что социальное бытие — это ментально (мысленно) — необходимое обобществление индивидуального сознания.

Пользуясь формулой Адлера об "априорно-социальном" человеке, нынешние социал-демократы идут гораздо дальше, стараясь опровергнуть вообще историческую роль классов и классовой борьбы, чего не делали ни М.Адлер, ни О.Бауэр. Так, Кленнер призывает прежде всего "искать человека" и, исходя из индивидуума, исследовать его "включение в коллектив" в поисках индивидуально-этического

финдирования для преодоления конфликта между индивидуализмом и коллективизмом. Один из германских "молодых социалистов" Штрассер прямо заключает, что сутью общества является борьба не классов, а индивидов, которые стремятся к осуществлению своих планов и целей в процессе прогрессирующего освобождения людей от непонятных и неконтролируемых сил. Маркс и Энгельс, напоминает автор, не пользовались абстракцией "обобществленный человек", всегда говорили о реальном человеке в истории, о классах и классовой борьбе, ведущих к социализму через революцию и диктатуру пролетариата.

Социал-реформистские идеологи хотят внушить, будто буржуазное государство, буржуазная демократия служат не интересам буржуазии, а "индивидуальности человека". Это продолжает развитую Каутским и австромарксистами (Реннер, Бауэр) идею "общечеловеческой" демократии, включающей защиту меньшинства и понимающей выражение воли большинства исключительно в виде голосования избирателей. И в этом вопросе можно установить непосредственную связь между австромарксистами и концепцией "социальной демократии". Мнения, высказанные в ходе дискуссии в СДПГ о долгосрочной программе Штрассером, Эртценом, Брандтом, восходят к концепции Бауэра об "экономической демократии". Они повторяют, что "государство и правила демократии" должны служить "защите меньшинства", что "богатство демократически-социалистического общества" состоит именно в том, что такая защита обеспечивает раскрытие индивидуальных жизненных интересов. При этом различие эксплуататоров и эксплуатируемых из аргументации исчезает. Понятия "чистой", "социальной", "совершенной", "плюралистической демократии" не только маскируют классовый характер буржуазной демократии, но и призваны создать идеологичес-

кую компенсацию обостряющегося социального неравенства людей. Так, по мнению Штрассера, можно противодействовать обезличению (отрицать которое невозможно), если признать, что свобода и развитие личности индивида могут быть осуществлены только в общественно опосредованном обмене с другими. Подобные идеи должны стабилизировать миф об "отдельном человеке" как "мере всех отношений" в капиталистическом обществе, о мнимой классовой индифферентности "социальной демократии".

Примеры связи австромарксизма с нынешним социал-реформизмом могут быть продолжены. Так, обоснованная Бауэром неокантианскими доводами теория "культурной нации" как "общности характера, выросшей из общности судьбы", используется идеологами СДПГ для подкрепления националистического тезиса о так называемой "единой германской нации". Идея Реннера и Бауэра о противоречивом движении "политической и "социальной" революции используется, например, Эртценом для утверждения, что социальные изменения могут быть достигнуты только в процессе эволюции — полосы мирных легальных реформ, и потому "словесная альтернатива" революции и реформы становится "излишней".

В заключение автор подчеркивает, что борьба с социал-реформистским философствованием должна включать в себя раскрытие и критику давно обанкротившихся, но в наши дни вновь мобилизуемых философских и социально-теоретических источников. Среди них австромарксистская философия занимает значительное место.

Я.С.Драбкин

**"ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ" -
ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ**

**"Demokratischer Sozialismus" -
Schein und Wirklichkeit.**

(Autorenkollektiv: W.Eckler, G.Hein,
D.Hillebrenner e.a. Leitung u. Red.: V.Plener, H.Veith).
B., Dietz, 1975.

180 S. (Inst. für Gesellschaftswiss. beim ZK der SED).

Авторы данной книги - научные сотрудники Института общественных наук при ЦК СЕПГ Вернер Экклер, Герхард Хайн, Диттер Хиллебреннер, Герхильд Крамер, Улла Пленер и Улаф Стойе - продолжают международную серию произведений, озаглавленную "К критике буржуазной идеологии и ревизионизма" и посвященную различным аспектам идеологической борьбы на современном этапе.

Изменение в соотношении сил в пользу социализма, успехи стран социалистического содружества заставляют многих идеологов и политиков, связанных с монополистическими кругами Запада, изменить свою тактику. Деятели подобного рода пытаются ныне представить капитализм как общественный строй, не имеющий ничего общего с капитализмом конца XIX - первой половины XX в. Ради этого капитализм облачают в "демократические" или даже "социалистические" одежды. Наиболее яркими представителями модернизаторов современного капитализма являют-

ся правые лидеры западноевропейской социал-демократии.

Монополистический капитал заинтересован в социал-демократии вследствие целого ряда субъективных и объективных обстоятельств. В первую очередь учитывается то, что за социал-демократией идут миллионы трудящихся стран развитого капитализма. Поэтому в период острых кризисов всей системы империализма ее объективная роль связующего звена между эксплуататорами и эксплуатируемыми приобретает особое значение. Правые лидеры социал-демократии стремятся не только привязать идеологически и политически большинство рабочего класса к системе государственно-монополистического капитализма, но и пытаются ослабить давление на эту систему стран реального социализма, стремясь внести в сознание трудящихся этих стран буржуазно-реформистские концепции. Аналогичным образом социал-реформизм стремится ослабить конфронтации между империалистическими государствами и "третьим миром".

Все это, подчеркивают авторы, лишний раз доказывает, что мирное сосуществование отнюдь не означает идеологического примирения. Это относится также и к конфронтации марксизма-ленинизма с теорией социал-демократизма — так называемым демократическим социализмом. Борьба с этой чуждой подлинному социализму концепцией необходима также и потому, что в результате определенного реализма во внешнеполитической области, проявленного некоторыми лидерами социал-демократии, может возникнуть иллюзия о каких-то принципиальных переменах в реформистской идеологии.

Авторы подчеркивают, что своей работой они не претендуют на детальное исследование идеологии и политики всех или большинства партий Социнтерна. Их задача — дать критический анализ той концепции "демократического соци-

ализма", которая апологетизируется сегодня правыми лидерами Социал-демократической партии Германии (СДПГ).

Противореча учению, разработанному К.Марксом и Ф.Энгельсом, лидеры СДПГ прокламируют "социализм" без коренного изменения существующих общественных отношений. В их интерпретации речь не идет ни о ликвидации крупной частной собственности, ни об искоренении принципов капиталистической конкуренции, ни о завоевании рабочим классом политической власти. Авторы подчеркивают, что трактуемое как "социалистическое" такое общество будущего "по существу не может быть ни чем иным, как только "демократизированным", "гуманизированным" и "социальным" капитализмом" (с.12). Защита правой социал-демократией основ капитализма и, напротив, нападки на коммунистов и реальный социализм доказывают буржуазную сущность "демократического социализма".

В книге прослеживается историческая взаимосвязь и различие между трактовкой социализма разными поколениями германской социал-демократии с конца XIX в. до наших дней. Впервые извратить марксистское определение социализма попытался Э.Бернштейн, утверждавший, что главное не в решении коренной задачи пролетариата - построении социалистического общества, а в борьбе за реформы в рамках капитализма. Он и его сторонники в кайзеровской Германии стремились подменить глубоко научные обоснования исторической миссии рабочего класса, миссии ниспровергателя капитализма и строителя нового общества некими внеклассовыми морально-этическими мотивами, требующими лишь улучшения положения пролетариата при капитализме. Эта капитулянтская линия на свертывание борьбы за социализм получала наиболее яркое практическое подтверждение в период первой мировой войны, когда лидеры германской социал-демократии, как и другие социал-шовинисты, стали на сторону "своей" буржуазии.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции лидеры социал-демократии сделали все, чтобы не допустить перерастания буржуазно-демократической Ноябрьской (1918 г.) революции в Германии в революцию истинно пролетарскую. Свое пребывание у власти они выдавали за власть рабочего класса, а завоеванные упорной борьбой буржуазные демократические свободы — за единственно возможный вариант демократии. Тем самым была извращена классовая сущность власти в Германии, власти, которая и в новых исторических условиях оставалась по существу в руках буржуазии. Однако, являясь фактически опорой капиталистической власти, лидеры социал-демократии должны были в теоретических документах отдавать все же дань марксистскому идейному наследию. Социализм провозглашался целью движения, и, как говорилось в Гейдельбергской программе 1925 г., необходим был также ряд важных изменений в социально-экономической области. Но уже тогда подчеркивалось, что все эти изменения должны отличаться от того, что предпринималось для строительства социализма в СССР.

После 1945 г., в период "холодной войны" происходит формирование концепции "демократического социализма". Встав на сторону империализма во внешней политике, лидеры западногерманской социал-демократии присоединились и к буржуазным идеологическим воззрениям. Правда, этот процесс развивался не сразу, ибо еще в конце 40-х годов в социал-демократии официально провозглашалась верность традиционному реформизму. Однако налицо была и эволюция от реформистских к неолиберальным, пробуржуазным концепциям. Качественный скачок к неолиберализму был совершен в 1959 г., когда в Бад-Годесберге была принята новая программа Социал-демократической партии Германии.

Наиболее существенным отступлением от реформизма

межвоенного образца было то, что социализм определялся не как конкретно сформулированная политическая цель, а лишь как "постоянная задача". Единственной возможностью построения общества "демократического социализма" считался путь парламентской демократии. В области экономики делался упор на приверженность праву частной собственности на средства производства. Корни подобной негативной эволюции социал-демократической идеологии авторы книги относят прежде всего к иллюзорным воззрениям СДПГ относительно экономических возможностей капитализма, когда так называемое экономическое чудо было воспринято как постоянный фактор западногерманской хозяйственной жизни. В течение последующего десятилетия (60-е годы) термин "социализм" практически не употребляется в среде ведущих теоретиков и политиков СДПГ. Все чаще как в буржуазных, так и в социал-демократических кругах подчеркивалось стремление партии к деидеологизации, т.е. к полному отказу от какой-либо отличной от буржуазной идеологии. Все чаще говорилось также о необходимости модернизации и рационализации капитализма ради совершенствования "индустриального общества".

Однако уже в конце 60-х годов ряд факторов экономического и общественного развития заставляет многих деятелей СДПГ вновь вернуться к проблематике "демократического социализма".

Необходимость теоретического обновления становится насущной потребностью СДПГ как партии, объявившей о своей претензии на ведущее положение в политической жизни страны и обязанной более отчетливо продемонстрировать свой идеологический облик. Уже в период подготовки Нюрнбергского съезда (1968 г.) стало ясно, что наступил период активных теоретических дискуссий. Как подчеркивают авторы, эти дискуссии, продолжающиеся в

СДПГ и по сей день, "явились отражением прогрессирующего процесса дифференциации в социал-демократическом движении" (с.25). Оппозиционные силы в партии, часть организации "Молодые социалисты", деятели, близкие к руководству Объединения немецких профсоюзов, потребовали интенсивного анализа экономической и общественно-политической ситуации в ФРГ и поставили вопрос о целях социал-демократической политики. Все это отражало возрастающий интерес партийной общественности к социализму, успешно развивающемуся на востоке Германии и в других соседних государствах социалистического содружества.

Во главу угла дискуссий в СДПГ встал вопрос о том, чем же все-таки является социализм - целью или "постоянной задачей". Правые лидеры партии продолжали придерживаться точки зрения, высказанной по этому кардинальному вопросу в Годесбергской программе 1959 г. Тем самым руководство партии лишним раз показало свое нежелание переосмыслить те положения, которые нацеливали рабочий класс на конформистское отношение к государственно-монополистическому капитализму. Следующим тезисом Годесбергской программы, получившим в устах лидеров СДПГ дальнейшее развитие, было утверждение, что фундаментом социалистического общества якобы является так называемая "социальная демократия". "Социальная демократия" в устах лидеров СДПГ означала лишь расширение тех политических и социальных свобод, которые уже имеются при капитализме. Речь шла о подновлении и некоторой модернизации той самой буржуазной демократии, которая, согласно марксистско-ленинскому учению, является одной из форм диктатуры буржуазии.

Однако дискуссии в СДПГ показали наличие не только достаточно отчетливо выраженной линии на сохранение и укрепление капитализма, но также и линии на преодоление

существующего эксплуататорского строя. Особенно активно выступили "Молодые социалисты", которые, несмотря на определенные расхождения во взглядах внутри своей организации, активно конфронтировали именно с правым руководством СДПГ. В отличие от лидеров партии, больше говоривших о правовых и морально-этических предпосылках социализма, "Молодые социалисты" подчеркивали, что важнейшим условием построения социалистического общества является ликвидация частной собственности в основных отраслях промышленного производства. Позиция, занятая "Молодыми социалистами", а также рядом деятелей партии и профсоюзов, показала их стремление переосмыслить прежние концепции с точки зрения их приближения к социалистическим (в реформистском понимании) перспективам.

В книге подчеркивается, что одной из коренных причин антимарксистского курса правых лидеров СДПГ является их отказ признать ведущую роль рабочего класса в борьбе за демократию и социализм. Правые социалисты, стремясь принизить остроту классовых противоречий, отказались от традиционных терминов "пролетарий" и "капиталист", заменив их соответственно "работополучатель" и "работодатель". Таким образом, антагонистические классы представляются как социальные партнеры, причем эксплуататор здесь выглядит как благодетель, дающий рабочим возможность трудиться.

Утверждается, что ныне пролетариат — де вовсе исчез или превратился в небольшую группу лиц, занятых исключительно физическим трудом, что научно-техническая революция привела к нивелировке социальных групп, к превращению пролетариата в некий средний класс. Из всего этого оппортунисты делают вывод о ненужности на современном этапе классовой борьбы, о замене ее всеобъемлющей системой классового сотрудничества.

Опровергая эти тезисы, авторы книги указывают на всеобъемлющий характер марксистского определения классов, согласно которому за основу берется отношение работника к средствам производства, т.е. вопрос о собственности на средства производства. Коль скоро в современном мире рабочие, несмотря на некоторую модернизацию их функций в производственном процессе, отчуждены от владения средствами производства, то они остаются в зависимости от владельцев этих средств производства, т.е. капиталистов. Таким образом, речь никоим образом не может идти об исчезновении пролетариата. Наоборот, "... капиталистическое общество все больше и больше разделяется на две основные социальные группы - буржуазию и пролетариат" (с.42). В книге приводятся статистические данные, согласно которым все возрастающие слои населения ФРГ принадлежат к категории современного рабочего класса.

Факты убедительно показывают несостоятельность утверждения социал-реформистов о затухании классовой борьбы, о том, что острые конфронтации различных социальных групп являются реликтом XIX в. Авторы подчеркивают, что именно благодаря активной борьбе за свои права рабочие смогли добиться определенного повышения своего жизненного уровня. Статистика стачечного движения в современной ФРГ доказывает, что забастовки являются неотъемлемой составной частью политической жизни страны; постоянно растет число забастовщиков, все новые категории современного пролетариата, а также непролетарские слои принимают активное участие в борьбе за свои жизненные права.

Отрицая историческую миссию рабочего класса, правые социалисты рекламируют свою партию как "общенародную". Тем самым затушевывается тот факт, что большин-

ство членов СДПГ – рабочие и исторически эта партия возникла как партия пролетариата. Такая фальсификация вполне естественна для лидеров западногерманской социал-демократии, подменяющих борьбу за коренные интересы трудящихся "социальным партнерством" с крупным капиталом.

Важное место в антимарксистских концепциях идеологов и политиков СДПГ занимает вопрос о роли и сущности современного буржуазного государства. В Годесбергской программе подчеркивается "ответственность социал-демократии за государство", причем в качестве образца "справедливого правового" государства называется ФРГ. Государственный строй Западной Германии должен остаться неизменным. Одновременно в работах известных идеологов СДПГ категорически отклоняется необходимость построения государства по образцу стран реального социализма, где якобы установлен режим "тоталитарной диктатуры". Вопрос о государстве "демократического социализма" занял видное место и в последних внутрипартийных дискуссиях. Причем характерно, что в левых кругах СДПГ, особенно в среде "Молодых социалистов", настойчиво высказывается мысль о том, что современное западногерманское государство – отнюдь не классово нейтрально и фактически является инструментом монополистического капитала. Характерно, что эти оценки, созвучные марксистско-ленинским, были восприняты в штыки правым руководством. Причем деятелям, высказывавшим подобные крамольные мысли, было указано на несовместимость данной точки зрения с членством в СДПГ.

Социал-реформизм, подчеркивается в книге, считает высшей формой государственной власти буржуазный парламент, в котором представлены якобы пропорционально все слои западногерманского общества. Однако ни о каком

пропорциональном представительстве не может быть и речи. В бундестаге нынешнего созыва нет ни одного рабочего, зато монополистическая буржуазия и другие капиталистические группы, составляющие менее 1% населения страны, представлены в бундестаге по меньшей мере семьдесятю депутатами (с.66).

Но характерно и другое. Монополии подчас предпочитают оказывать давление на государственную власть и без услуг своей креатуры в парламенте. Часто практикуются вершущечные соглашения непосредственно между правительством и концернами. Вследствие этого парламент становится чисто формальным институтом, функции которого ограничены исключительно потребностями крупного капитала. Таким образом, для современной ФРГ характерно не развитие демократических форм правления, а наоборот, авторитарный метод господства верхов, тесное переплетение монополистической и государственной власти.

О том, что западногерманское государство не является классово нейтральным, свидетельствуют многочисленные факты использования государственных органов против интересов трудящихся. В связи с этим авторы обращают внимание на участие полиции в подавлении стачек металлистов осенью 1973 г. Другим примером могут служить законы, запрещающие работу в государственных учреждениях так называемым радикальным элементам. По существу в обоих случаях государство встало на защиту экономических и политических интересов монополий. Ведь закон о "радикальных элементах" направлен прежде всего против тех демократов, которые выражают свое несогласие с существующими общественными порядками, выступают против всевластия крупного капитала. Факты убедительно свидетельствуют о том, что политика находящихся у власти правых лидеров СДПГ служит удовлетворению коренных интересов крупного

капитала, а отнюдь не обузданию монополистов, как иногда заявляют деятели, "близкие к партийным верхам". В первой половине 70-х годов ускоренными темпами продолжалась концентрация промышленного и банковского капитала. При прямом участии государства монополии повышали свои прибыли, чистый доход ста крупнейших компаний в период с 1966 по 1973 г. увеличился на 17,3% (с.82). Доходы же трудящихся росли значительно медленнее, в упорной классовой борьбе с буржуазией, на стороне которой постоянно находится руководимая СДПГ западногерманская государственная машина. Государство, столь усердно помогающее крупному капиталу, в то же время не содействовало улучшению положения малоимущих слоев населения. Почти миллион семей в ФРГ живет в квартирах, непригодных для жилья. Бюджетные расходы на социальные нужды не увеличились, зато возросли расходы на вооружение бундесвера. Такова практика государственной деятельности социал-демократов, заботящихся якобы об интересах всех слоев общества.

Специальный раздел книги посвящен отношению правых лидеров СДПГ к вопросам собственности на средства производства. В устах этих деятелей постоянно проводится мысль о том, что данная проблематика будто бы утратила свою актуальность в сегодняшнем "коренным образом" изменившемся мире. В доказательство приводятся рассуждения о контроле над предпринимателями, о менеджерах, якобы не являющихся собственниками средств производства, о "распылении" собственности посредством акций и т.д. В то же время не сообщается никаких конкретных фактов, свидетельствующих о том, что власть капитала на предприятиях была каким-либо образом существенно ограничена.

Вокруг проблемы собственности в СДПГ постоянно

идет оживленная дискуссия. Причину этого авторы усматривают в той глубокой разнице между положением в управляемой "демократическими социалистами" Западной Германии и тем, что происходит в странах реального социализма. Последнее особенно важно, ибо "успешное развитие социалистического содружества наглядно демонстрирует правильность идеи классиков марксизма-ленинизма о том, что капиталистическая система эксплуатации не является чем-то данным от природы, а есть лишь порождение капиталистических производственных отношений" (с.93). Общественная собственность на средства производства дает возможность всем труженикам участвовать в ведении хозяйственных дел, постоянно повышать производительность труда, чувствовать ответственность за выполнение своих непосредственных обязанностей. Творческая инициатива, являющаяся характерной чертой социалистического способа производства, немыслима в мире, где все определяется исключительно с точки зрения капиталистической рентабельности, с точки зрения получения капиталистами максимальных прибылей.

Авторы подчеркивают, что общественная собственность на средства производства может служить интересам трудового населения страны только в том случае, если в руках рабочего класса будет находиться вся полнота законодательной и исполнительной власти. Между тем если часть социал-демократов выступает в принципе против обобществления, то другие признают необходимость национализации, не связывая это с вопросом о власти. Следовательно, здесь речь идет лишь о капиталистической национализации, которая "по своей сущности тесно связана с частнокапиталистической собственностью; и обе эти формы собственности органически взаимосвязаны в едином механизме капиталистической системы эксплуа-

тации" (с.102). Национализированный сектор в системе ГМК играет особую роль: сам факт обобществления при капитализме указывает на усиление регулирующих функций государства. Монополии вынуждены передать государству часть своих прерогатив в экономике, одновременно переложив на него ответственность за рентабельное функционирование национализированных предприятий. Очевидно, что это отнюдь не "самораспад" капитализма, как утверждают социал-демократические апологеты этой формы обобществления.

Резюмируя свое отношение к различным социал-реформистским концепциям собственности, авторы подчеркивают, что "позиция "демократического социализма" в вопросах собственности противоречит классовым интересам пролетариата" (с.105-106). Это доказывают также и различные вариации на тему об "образовании собственности в руках трудящихся". Мелкие акции, даже если они находятся у части рабочих и служащих, не меняют сути дела, ибо всегда прибыль достается тем, кто имеет больше акций, т.е. капиталистам. С другой стороны, распределение части акций в среде пролетариата позволяет предпринимателям переложить на трудящихся часть расходов, особенно в периоды кризиса, когда рентабельность предприятий резко падает.

Характерно, что в рядах СДПГ усиливаются голоса недовольных этой системой, фактически консервирующей существующие отношения собственности. На съезде партии в Ганновере (1973 г.) почти 40% делегатов проголосовали против предложенной партийным руководством концепции "образования собственности". Авторы также приводят выдержку из резолюции профсоюза металлистов ФРГ, высказывания видных представителей "Молодых социалистов", в которых подчеркивается иллюзорность проектов партийного

руководства о возможности усиления таким путем влияния трудящихся на характер производственных отношений. Здесь весьма зримо прослеживается совпадение позиций левых в СДПГ и западногерманских коммунистов, справедливо оценивавших социал-демократическую концепцию собственности как новый вариант "социального партнерства".

В книге детально анализируются также морально-этические принципы "демократического социализма". Авторы приводят выдержки из Годесбергской программы СДПГ, где говорится, что основными ценностями для "демократического социализма" являются такие понятия, как "свобода", "справедливость", "солидарность". В то же время этот документ умалчивает о том, кто должен быть свободен, при каких условиях осуществляется справедливость, с кем необходимо укреплять солидарность. Таким образом, речь идет лишь об абстрактной риторике, об использовании неких внеклассовых принципов, лишенных конкретного социально направленного содержания. И действительно, "свобода" может вполне распространяться и на капиталистов, ибо за ними сохраняется свобода эксплуатировать рабочий класс. Справедливым, с точки зрения правых лидеров СДПГ, тоже может быть право монополий извлекать из системы эксплуатации максимальные прибыли. Призыв к солидарности в связи с социально-политической практикой правых социал-демократов выглядит как единение оппортунистов рабочего движения с крупным капиталом в целях сохранения существующих общественных порядков.

Авторы подчеркивают, что приверженность лидеров СДПГ этим абстрактным категориям доказывает их безусловный конформизм в отношении существующей системы буржуазной власти. Между тем и свобода, и справедливость в классовом обществе имеют формальный характер. Эти принципы осуществляются постольку, поскольку это выгодно имущим классам, и приносятся в жертву в случае,

если того требуют интересы власть имущих. Достаточно упомянуть о многочисленных случаях запрета "законных" демонстраций трудящихся или стачек, которые могли бы нанести ущерб капиталистическому хозяйству.

Одним из наиболее характерных примеров формального подхода лидеров СДПГ к демократическим правам трудящихся является проблема участия трудящихся в управлении производством. Уже много лет Объединение немецких профсоюзов ставит вопрос о паритетном представительстве рабочих и служащих в наблюдательных советах крупных предприятий. Многие предложения профсоюзов носят печать реформистской иллюзии о возможности в рамках капиталистических производственных отношений некоего "равноправного" участия капиталистов и трудящихся в решении хозяйственных вопросов.

Марксистско-ленинская концепция по данному вопросу состоит в том, что целью участия в управлении является ограничение власти монополий, установление системы всеобъемлющего контроля трудящихся в экономической области. Дdiamетрально противоположный подход характерен для лидеров СДПГ, которые рассматривают участие в управлении как "элемент поддержания правопорядка на предприятии" (с.127). Они отождествляют участие в управлении с участием в ответственности за экономическую рентабельность предприятия. Концепция правых лидеров СДПГ предполагает не кардинальное изменение положения рабочих в производственном процессе, а лишь ограниченное усовершенствование их социального статуса. Поэтому предложения СДПГ, оформленные в соответствующем законопроекте, рекомендованном бундестагу, не нашли принципиальных возражений со стороны предпринимательских кругов. Характерно и то, что концепция СДПГ, в определенной степени отличающаяся от предложенной профсоюзами, не вызвала со стороны лидеров последних, несмотря на высказанное снизу недоволь-

ство, должного отпора. Таким образом, "демократизация производственного процесса" стала по существу методом успокоения масс, новым способом внушения рабочим мысли об извечности их нынешнего положения.

Ориентацию правых лидеров СДПГ на сохранение основ капитализма в Западной Германии подтверждает и их апология буржуазных националистических концепций. Авторы подчеркивают, что национализм буржуазии и правосоциалистических деятелей зиждется на общности их методологического подхода к данному вопросу. И те, и другие рассматривают нацию вне конкретных исторических и социальных отношений. Они отрицают роль классовой борьбы как фактора, в значительной мере определяющего формирование нации. И буржуазные, и социал-демократические ученые категорически отрицают исторически непреходящее определение нации, данное еще в середине прошлого века К.Марксом и Ф.Энгельсом.

В соответствии с марксистско-ленинской трактовкой проблемы наций в современном мире авторы подчеркивают, что сегодня имеется два типа наций: капиталистическая и социалистическая. Отличительной особенностью капиталистической нации является господство буржуазии, капиталистические производственные отношения, господство буржуазной культуры и идеологии. Именно эти факторы определяют классовое содержание капиталистической нации. Однако существование единой, гармоничной капиталистической нации исключено ввиду острых классовых антагонизмов между буржуазией и рабочим классом. Все попытки правосоциалистических идеологов говорить об "ориентированной на общие интересы" нации являются грубым искажением действительности и лишь подтверждают духовное родство буржуазного и социал-демократического реформизма (с.143). Родство обоих реформизмов в национальном вопросе не случайно. Оппортунистическая трактовка классов-

вой борьбы, миф о ее затухании фактически поддерживают буржуазную идею о единой нации.

В сегодняшней Западной Германии национализм — как буржуазного, так и социал-реформистского образца — направлен прежде всего против первого социалистического немецкого государства — ГДР. Требование "национального единства", постоянно выдвигаемое как лагерем ХДС/ХСС, так и представителями СДПГ, является по существу экспансионистской попыткой добиться ликвидации социалистических преобразований в ГДР. Между тем на востоке Германии сформировалась новая немецкая нация, в которой нет эксплуататоров и эксплуатируемых, где равенство не отождествляется с замазыванием классовых различий, а достигается на деле, путем установления подлинно дружеских отношений между всеми трудовыми слоями населения.

В заключение своей работы авторы делают некоторые выводы относительно апологетизируемой в СДПГ теории "демократического социализма". Во-первых, эта теория характеризуется как буржуазная концепция, которой, с некоторой модернизацией, придерживаются правые деятели и в других социал-демократических партиях. Ее про-буржуазный характер явствует и из отрицания исторической миссии рабочего класса, и из защиты права крупной частной собственности, из абсолютизации буржуазной демократии. Родство с буржуазными взглядами очевидно и в вопросах мировоззрения, ибо "демократический социализм" зиждется на идеалистических позициях. Основные ценности "демократического социализма" идентичны буржуазным абстрактным идеалам свободы, справедливости и солидарности. Правые социалисты, как и идеологи буржуазного лагеря, отрицают необходимость классовой борьбы как основного способа решения противоречий в капиталистическом обществе. Сходство буржуазных концепций и "демократического социализма" прослеживается также в

антисоветской, антикоммунистической направленности обеих доктрин. Между тем, противопоставляя себя реальному социализму, "демократический социализм" ничем не доказал своего права на существование. "Нигде в мире, ни в Швеции и других Скандинавских странах, где социал-демократы десятилетиями возглавляли правительства, ни в Великобритании и Австрии, где они участвовали в правительствах или также стояли во главе их, ни, как мы сегодня видим, в ФРГ им не удалось претворить свои идеи в жизнь" (с.162).

Авторы подчеркивают, что пропагандируемый правыми социал-демократами "демократический социализм" осложняет осознание рабочим классом основных проблем современного развития, а поэтому ослабляет антимонополистическую борьбу. Искажение ими положения дел в странах реального социализма, теории и практики марксизма-ленинизма дезориентирует западноевропейский пролетариат. Тем самым возводятся искусственные препятствия на пути интернационального единства всех трудящихся, целью которого является установление на Земле справедливого общественного строя. Всячески умаляется значение той непреложной истины, что успешное развитие мировой системы социализма является неперенным залогом успехов международного рабочего движения в борьбе за мир, демократию и социальный прогресс. Таким образом, становится очевидным, что борьба за общественный прогресс невозможна без усиления идеологических конфронтаций с "демократическим социализмом"; причем эта борьба будет служить также интересам дальнейшего расширения классовых битв с империализмом, интересам бесповоротного закрепления в отношениях между государствами принципов мирного сосуществования.

В.А.Швейцер

АНАНИЕВА Н.

ОДИССЕЯ АНТИМАРКСИЗМА ИЛИ "ОДИССЕЯ МАРКСИЗМА"
ГЛАЗАМИ ОДНОГО СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА

АНАНИЕВА Н.

Одиссеята на антимарксизма или "Одиссеята на марксизма" през очите на един социалдемократ.
- "Ново време", С., 1974, г. 50, кн. 3, с. 91-103.

На современном этапе идеологической борьбы, указывается в статье, теоретики социал-демократии постоянно обращаются к Марксу. Страх перед марксистскими понятиями уступил место попыткам использовать их для целей современного реформизма. Левые и молодые социал-демократы подходят к системе Маркса как к возможному источнику научного объяснения общественных явлений. Хотя и не лишенный односторонности и предубеждения, этот интерес объективно вносит вклад в укрепление единства действий левых сил. Другими являются мотивы интереса к Марксу у теоретиков правой социал-демократии. Демагогические соображения и теоретическая беспомощность идут здесь рука об руку с откровенным антикоммунизмом.

Правая социал-реформистская идеология служит источником антикоммунистической аргументации как для открыто буржуазной политической теории, так и для современ-

ного ревизионизма. Идеология реформизма является эклектической смесью течений, школ, учений, в которых можно обнаружить чуть ли не все основные тенденции антимарксизма. Эту задачу облегчают реформистские авторы, претендующие на охват марксизма в целом.

Именно такой характер имеет книга австрийского профессора политических наук, одного из наиболее молодых и активных теоретиков правой социал-демократии Норберта Лезера с претенциозным названием "Одиссея марксизма" (55). Сама мысль дать в рамках 400 страниц критический анализ марксизма абсурдна. А в данном случае претензия еще более велика — проанализировать марксистское общественное знание, отбросить все неверное, устаревшее в марксизме, извлечь "пригодное для использования", дополнить его и объединить с элементами других политических, философских и социологических школ, имея в виду создание новой системы общественного знания.

Н. Лезер пишет, что поскольку социализм является не закрытой системой, а результатом комплексного взаимодействия различных факторов, марксизм и социализм должны взаимно дополняться, чтобы содержащиеся в них предпосылки получили шанс превратиться в практическую реальность. Марксизм и социализм выступают как два обособленных понятия или (в лучшем случае) марксизм представляется одним из возможных вариантов социалистической теории.

Выдвигая тезис, что социализм является открытой системой, Лезер подразумевает, что марксизм также нуждается в доразвитии, так как это не целостная система. Представление о социалистической идеологии, элементами которой, согласно Лезеру, должен быть дополнен марксизм, дают заглавия отдельных глав его книги: "Маркс и Карл Каутский", "Маркс и Бакунин", "Маркс и Кейнс", "Маркс и Джилас" и др., т.е. Лезер привлекает в качестве союз-

ников таких представителей буржуазной общественной мысли, которые даже декларативно не признают социализм целью общественно-исторического развития.

Раскрытие "внутренних противоречий" марксизма начинается у Лезера характерным для современных антикоммунистов приемом — Маркс против Маркса, молодой Маркс против марксизма. Гуманизм Маркса сводится к либеральной идее автономии индивида. Согласно Лезеру, этот гуманизм отступил на задний план, когда Маркс пришел к выводу, что гармония между индивидом и обществом может быть достигнута только в условиях высокого технологического уровня производства и радикальных изменений общественной структуры — в бесклассовом обществе.

"Основное противоречие" марксизма, по Лезеру, — противоречие между "революционизмом и "детерминизмом". Утверждением, что в ходе пролетарской революции осуществляется не только революционная воля, но в еще большей степени историческая необходимость, марксизм якобы возвел свою веру в единственную, объективную, обязательную для всех истину в общественной сфере и тем самым вступил в противоречие с плюралистическим пониманием демократии.

Как принято во всех антикоммунистических писаниях, буржуазное государство получает у Лезера вывеску "демократия", а социалистическое — "тоталитаризм". Лезер пытается представить диктатуру пролетариата как террор, умалчивая, что исторически инициатором этого террора с самого начала был свергнутый класс. Убедительным доказательством тому служат сегодня события в Чили.

Что же автор "Одиссеи..." приемлет у марксизма? Он положительно оценивает исторический критицизм Маркса и Энгельса, хотя и отмечает в нем "элементы односторонности". Однако в положительных, на первый взгляд, оценках

метода и подхода Маркса содержится их явное отрицание. Главный дефект исторического критицизма, согласно Лезеру, состоит в том, что он является не только и даже не в первую очередь критикой существующего общества, а познанием и побуждением к действию того класса, который призван ликвидировать существующее общество и заменить его социалистическим.

Н.Лезер по существу одобряет марксизм только в ограниченных рамках — как учение о развитии материи, как "приложение диалектики к природе". Он сначала раскрывает "внутренние противоречия" в системе Маркса, затем опровергает "только" детерминизм и вывод о необходимости пролетарской революции, и, наконец, приходит к полному отрицанию марксизма как обществензнания.

Одним из обычных приемов современного антикоммунизма, говорится в статье, является противопоставление программы марксизма и реально построенного социализма. При этом используется метод сопоставления взглядов Маркса и Ленина, чтобы "уличить" Ленина в "ревизионизме" и "защитить" чистоту марксизма. Н.Лезер объявляет ленинизм творческой модификацией марксизма, исторически наиболее успешной, но имеющей наиболее тяжелые для развития марксизма последствия. Это объясняется тем обстоятельством, что революция победила в отсталой стране, где пролетариат представлял меньшинство населения. В данном случае Лезер привлекает в качестве совеника тот самый детерминизм, опровержению которого он посвятил почти целую главу своей книги. Полное созревание капиталистического способа производства у Лезера — аргумент против социалистической революции, а не за нее. Он дополняется тезисом о мирном переходе к власти, который в реформистской интерпретации полностью отрицает социальную революцию в форме насильственного захвата власти.

Автор показывает, как много усилий затрачивает Н.Лезер для "доказательства" несвоевременности, нецелесообразности и т.п. Октябрьской социалистической революции. При этом он строит абстрактно-логическую, но достаточно красноречивую антикоммунистическую схему: Ленин осуществил революцию, обреченную на изоляцию; она углубила раскол рабочего движения, вызванный отношением к первой мировой войне; если бы европейскому социализму не пришлось платить за русский эксперимент, он был бы в состоянии обуздать тенденции, ведущие к фашизму и войне.

Говоря о причинах возникновения фашизма, Лезер стремится играть роль беспристрастного судьи; он не снимает вины и с социал-демократии, но при этом исходит из постулата, что коммунизм виновен за упущенные шансы по крайней мере в той же мере, что и социал-реформизм. В дальнейшем эта признаваемая с болью в душе вина социал-реформизма вообще перекладывается на марксистскую теорию. Лезер уходит от ответа на такие вопросы, как: что было бы, если бы не измена вождей II Интернационала, если бы социал-реформизм не предал германскую революцию, кто был истинным виновником раскола международного рабочего и коммунистического движения перед лицом надвигающегося фашизма и др. Он умалчивает также о решающей роли монополистического капитала в возникновении фашизма и о губительных последствиях его господства.

Н.Лезер призывает попытаться "привести в порядок нарушенные пропорции международного социализма". Такой, хотя и безуспешной, попыткой была, по его мнению, "чешская весна".

Убеждение, что марксизм есть совершенная теория, способная интегрировать все элементы действительности, изъяло, согласно Лезеру, из марксизма именно "интегри-

рущий элемент". Автор "Одиссеи..." поставил перед собой задачу открыть этот элемент и дать человечеству "пригодный для использования" марксизм. Поиски начинаются с анархизма и взглядов Бакунина. В результате этих поисков в качестве содержащегося в анархизме и недостающего марксизму интегрирующего элемента, который бы обеспечил реализацию социалистического идеала, преподносится частная собственность. Открытием этого "интегрирующего" элемента, пишет Н.Ананьева, можно было бы прекратить поиски "истины", поскольку уже его достаточно для превращения системы Маркса в ее противоположность. Но Н.Лезер идет дальше. Марксизм, по его мнению, должен быть дополнен различными элементами национализма, психоаналитической теории, экзистенциализма и др.

В заключение Н.Лезер возвещает о конце социалистической (т.е. социал-демократической) теории. В этом признании, говорится в статье, кроется неосознанная самим автором истина: без марксизма нет социалистической теории, без системы Маркса не может осуществиться социалистический идеал. Каждый, кто декларирует (даже только декларирует!) верность социалистическим идеалам, вынужден вновь и вновь возвращаться к марксизму. Но марксизм как монолитная, научная, проверенная жизнью теоретическая система и руководство к действию вступает в непреодолимое противоречие с сущностью и целями социал-реформизма.

Попытка австрийского профессора проследить "одиссею марксизма", чтобы найти элементы, которые могут быть использованы для нужд современной социал-демократии, неизбежно превратилась в изложение одиссеи антимарксизма и антикоммунизма.

Ю.Ф.Зудин

IV. ПРЕВРАЩЕНИЯ МАРКСИЗМА В МЕЛКОБУРЖУАЗНОМ
ЛЕВОРАДИКАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

КЕПЕЦИ Б.

ИДЕОЛОГИЯ "НОВЫХ ЛЕВЫХ"

КӨРЭСЗИ В.

Az "úí baloldal" ideológiája.

Bp., Kossuth, 1974. 257 old.

Bibliogr.: old.245.

Автор реферируемой монографии - венгерский литературовед и историк Бела Кёпеци. Ему принадлежит ряд исследований, посвященных идеологической борьбе на современном этапе. Данная монография представляет собой анализ идеологической платформы и деятельности "новых левых" в странах Западной Европы и США, их места в современной идеологической борьбе, классовой роли.

В предисловии автор отмечает эклектизм идеологической платформы групп, называвших себя "новыми левыми". Некоторые исследователи утверждают, что для этого направления характерно отсутствие идеологии или даже враждебное к ней отношение. Тем не менее эта "путаная, противоречивая, проявляющаяся на уровне "самочувствования" "идеология" нуждается в анализе прежде всего потому, что это направление проявило себя как длительное политико-идеологическое явление определенной части западной интеллигенции, как один из видов "третьего пути" (с.7).

Автор считает правильным использовать термин "новые левые" для обозначения как различных левацких мелкобуржуазных группировок, так и движения интеллигенции, не принадлежащей к какой-либо партии или группе, поскольку граница между ними не может быть проведена ни с точки зрения теории, ни с точки зрения политической практики. Поэтому автор использует понятие "течение", стремясь выразить тем самым, что речь идет о движении, не организованном и не обоснованном теоретически.

Поскольку цель, поставленная автором, состоит в идеологическом анализе течения "новых левых", он прежде всего рассматривает его теоретические источники, идеологическую платформу различных групп, а их политическую деятельность затрагивает только тогда, когда она важна для освещения их идеологии. Это же относится и к организационным формам.

Поскольку, как указывает автор, речь идет о самых различных и постепенно расформировывающихся группах, он анализирует прежде всего те общие положения, которые характерны вообще для течения "новых левых".

Автор проводит сравнение теоретических тезисов "новых левых" с положениями марксистского учения. Это важно, как указывает он, во-первых, потому, что большая часть этих групп не только утверждает, что черпает свои аргументы из марксизма, но и провозглашает себя единственным правомочным представителем этого учения. Во-вторых, необходимость такого анализа диктуется антикоммунизмом "новых левых", ставшим причиной раскола внутри левых сил развитых капиталистических стран. Автор показывает основные направления дискуссий, которые ведут компартии этих стран с "новыми левыми", поскольку это дает представление о функции последних в рамках классовой борьбы.

В монографии подробно освещается критика "новыми левыми" капитализма, так как это наиболее позитивная сторона данного течения, хотя эта критика не всегда достаточно зрелая и теоретически обоснованная и ни в коем случае не может уравновесить антикоммунизм "новых левых".

Глава I.

Социальная база "новых левых"

Б.Кёпеци отмечает, что при анализе социальной базы "новых левых" не следует опираться на их собственные утверждения о том, что они представляют интересы эксплуатируемого большинства. В своего рода "культе пролетариата", характерном прежде всего для западноевропейских "новых левых", отражается стремление этого течения завоевывать рабочий класс.

Однако и идеологи "новых левых" не могут уйти от ответа на вопрос, кто же представляет так называемое "боевое меньшинство". По их словам, оно состоит прежде всего из интеллигенции, главным образом из студентов, а в США в него входит подвергаемое двойной эксплуатации цветное население, но влияние "боевого меньшинства" гораздо шире названных слоев.

Автор считает, что для ответа на вопрос о социальной базе "новой левой" прежде всего необходимо уточнить понятие "интеллигенция". Он принимает определение, данное венгерским социологом Т.Хусаром (44), которое прежде всего распространяется на творческую интеллигенцию, но включает и те группы интеллигенции, которые руководят государством и экономикой или заняты распространением культуры.

Автор приводит данные о структурных изменениях внутри экономических секторов капиталистических стран,

на основе которых может быть определено положение интеллигенции. Он отмечает значительное возрастание категорий населения, живущих за счет заработной платы (в развитых капиталистических странах 80% самодеятельного населения) и постоянный рост численности работников умственного труда. По мнению автора, неудовлетворенность проявляется в основном в так называемом слое "техников" (если принимать подразделение интеллигенции на "технократов" и "технигов"), которые занимают более низкие посты в экономике и государственном аппарате; этот слой также постоянно возрастает. Наиболее живо интересуются общественной жизнью представители гуманитарной интеллигенции, прежде всего экономисты и педагоги. Самые активные представители "новых левых" выходят из рядов студенчества (особенно того слоя, который вынужден совмещать учебу с работой).

На основании приведенных данных автор делает вывод о том, что представители "новых левых" и те более широкие слои, на которые оказывает влияние это течение, прежде всего принадлежат к определенным группам интеллигенции, занятым на не руководящих государственных и хозяйственных постах, в основном молодежи, особенно студенчеству. Эти группы относятся к так называемому "среднему слою", занимающему промежуточное положение между буржуазией и рабочим классом. Б.Кёпеци отмечает, что политическая оценка среднего слоя, данная в свое время Марксом в письме к Анненкову (9), сохраняет свою актуальность и по сей день, а то, что представители мелкобуржуазного слоя находятся ныне в еще более зависимом положении в силу значительного количественного возрастания этой группы населения, еще больше усиливает эту актуальность.

При оценке этого слоя следует также считаться с тем, что в настоящее время реально существует социализм.

Сегодня, подчеркивает Б.Кёпеци, "тот, кто не принимает идеологию и политику коммунистической партии, является гораздо более последовательным антикоммунистом, чем когда-либо до победы социализма" (с.25). "Новые левые" представляют ту часть мелкобуржуазной интеллигенции, которая выступает против капитализма, но одновременно является антикоммунистической, и провозглашает эту позицию подлинно революционной. Эта двойственность, как отмечает автор, не нова, с ее проявлениями не раз приходилось сталкиваться в ходе строительства социализма.

Таким образом, делает вывод автор, для того чтобы понять идеологию и деятельность "новых левых", их следует рассматривать в самой широкой общественной взаимосвязи.

Глава II.

Причины возникновения "новых левых"

Напомнив об утверждении Г.Маркузе, что появление течения "новых левых" определено прежде всего социально-психологическими причинами, автор отмечает, что на таком основании невозможно дать удовлетворительное объяснение этого явления. Необходимо проанализировать положение всего капиталистического общества, учитывая те основные общественно-экономические и культурные факторы, которые определяют сегодня развитие данной общественной формации.

Б.Кёпеци рассматривает основные экономические факторы, характерные для развитых капиталистических стран, которые показывают, что, несмотря на относительный рост жизненного уровня трудящихся в условиях капитализма, и сейчас продолжается эксплуатация, а прибыли растут значительно быстрее, чем заработная плата. Даже в наиболее развитых капиталистических странах имеются суще-

ственные различия в распределении заработной платы, существует бедность в абсолютном смысле. Таким образом, в этом обществе сохраняются общественные противоречия, которые поддерживаются не только бедностью, но и относительным благосостоянием.

Идеологи капитализма провозглашают, что только в обществе, основанном на частной собственности, может быть обеспечена подлинная демократия и равные права для всех. В США внимание к политическому, экономическому и социальному неравенству привлекла борьба негров за гражданские права. В Западной Европе в конце 60-х годов для многих стало ясно, что буржуазная демократия не в состоянии решить существенные общественные, политические и культурные проблемы, что социальное неравенство определено экономическими причинами. Потерпела поражение и попытка деидеологизации. Часть интеллигенции, особенно молодежь, выступила с протестом против образа жизни так называемого "потребительского общества". Открыто проявилось недовольство студенчества.

Причины недовольства властью и ее институтами со стороны широких слоев общества следует искать и в международном положении второй половины 60-х годов. Возникновение "новых левых" не может быть представлено в отрыве от коммунистического движения и социалистического лагеря. Тот факт, что наряду с капиталистическим обществом исторически существует другая альтернатива, пробудило в определенных мелкобуржуазных слоях веру в возможность изменения существующего общественного строя.

"Новые левые", - подчеркивает Б.Кёпеци, - это продукт противоречий, характерных для капиталистического общества в целом, и борьбы между двумя мировыми системами, международным рабочим движением и силами буржуазного консерватизма" (с.39). Автор также указывает, что

эти причины следует анализировать с учетом конкретного времени и условий, что в полной мере они характеризовали течение в основном до 1969 г., хотя и тогда существовала разница между американскими и западноевропейскими "новыми левыми". После 1969 г. начался новый период развития этого течения, который лишь отчасти определяется указанными противоречиями.

Глава III.

Движения и организации

В данной главе Б.Кёпеци освещает историю возникновения и особенности "новых левых" в США, Западном Берлине и ФРГ, Франции, Италии и Великобритании, приводит данные о возникновении движения, организациях и важнейших программных документах.

Он выделяет основные направления течения "новых левых": анархисты, троцкисты, маоисты, представители третьего пути, ультрарадикально настроенные, неорганизованные интеллигенты, близкие какому-либо из первых трех направлений; немарксистские группы протестующей молодежи, которые стоят близко к анархистам, но отвергают политическую деятельность.

В каждой стране эти направления проявляются по-разному. Особенно большие различия можно констатировать между США, с одной стороны, и Францией и Италией — с другой. Однако, указывает автор, эти национальные различия не означают того, что различные направления не пытаются наладить международное сотрудничество, придать своим действиям интернациональный характер.

Глава IV.

Идеологические предпосылки

При анализе идеологии "новых левых" автор не ограничивается работами представителей этого течения, а

рассматривает и теоретические источники, которые их питают. Источниками идеологической платформы "новых левых" являются либеральные буржуазные школы общественных наук, мелкобуржуазные трактовки марксизма и некоторые направления буржуазной литературы и искусства.

Анализируя экономические источники идеологии "новых левых", автор указывает, что само течение не выдвинуло из своих рядов экономистов, если не относить к таковым Э.Манделя с его "Марксистским экономическим трактатом" (1962 г.) (61). Хотя Мандель, следуя П.Барану, говорит о том, что капитализму пришел конец, он не дает экономического анализа того, каким же образом произойдет исчезновение этой формации, и прибегает к известным троцкистским формулам. "Вообще удивительно, — пишет Б.Кёпеци, — что выдавшие себя за марксистов "левые" экономисты, которые так часто бросают упрек исследователям социалистических стран, что те не анализируют новые процессы, сами могут сказать так мало нового об экономике того общества, в котором они живут" (с.62).

Касаясь социологических предпосылок теорий "новых левых", Б.Кёпеци отмечает, что их прежде всего занимает проблема власти, разъяснение которой они ищут у М.Вебера. Он указывает далее, что самое большое влияние на "новых левых" оказала буржуазная либерально-критическая школа, прежде всего Ч.Райт Миллс, который сформулировал для "новых левых" политическую программу, отводящую центральную роль молодой интеллигенции. Во Франции непосредственным предшественником "новых левых" в области социологии был А.Горц. У него они восприняли не только свою трактовку современного капитализма, но и программу. "Новые левые" многое заимствовали из работ тех социологов, которые частично с социо-

логических позиций рассматривают отчуждение человека в капиталистическом обществе, а во Франции — социологов, исследующих проблемы сознания и образа жизни. Б.Кёпеци приводит основные положения указанных выше направлений буржуазной социологии.

Он отмечает, что из направлений современной буржуазной психологии наибольший отклик у "новых левых" нашла гештальтпсихология, а также психоанализ, которые по предмету исследования и методу рассмотрения особо привлекательны для молодежи. Неофрейдизм дал "новым левым" возможность связать психологизированное отчуждение, протест против буржуазной формы жизни с социальным недовольством.

Специальный раздел посвящен анализу влияния на идеологию "новых левых" Франкфуртской школы, проявившегося прежде всего через Г.Маркузе. У него, как указывает автор, "новые левые" восприняли страстную критику капиталистического общества, основанную на гегелевской философии, буржуазной социологии, политэкономии и психоанализе. Большое значение имела также и форма изложения, поскольку Маркузе умеет доходчиво говорить о самых отвлеченных проблемах.

Затем Б.Кёпеци рассматривает основные тенденции в послевоенной литературе и искусстве буржуазного общества. В них более дифференцированно, чем в общественных науках, проявилось недовольство мелкобуржуазной интеллигенции.

В заключительном разделе главы рассматриваются политико-идеологические течения, связанные с направлением "новых левых". Для этих течений характерно стремление доказать свою связь с рабочим движением, с социализмом. Особенно наглядно это проявляется в тех западноевропейских странах, где действуют сильные компартии. В таких

странах "новые левые" с самого начала считали важным уяснить свои отношения с пролетариатом.

Часть "новых левых" охотно ссылается на марксизм, который они, как отмечает автор, знают обычно в переложении "марксистов", выступающих против компартий, например троцкистов. Б.Кёпеци рассматривает отношение "новых левых" к Марксу и Ленину, которого они часто противопоставляют Марксу. Они солидаризируются с левыми коммунистами 20-х годов, которые были подвергнуты критике в "Детской болезни "левизны" в коммунизме" (21). Ближе всего им взгляды К.Корша, но они охотно ссылаются и на работы Д.Лукача, изданные в 20-е годы. Однако Лукач уже в конце 20-х годов критически пересмотрел свой труд "История и классовое сознание" (58) и в написанном в 1967 г. предисловии указал, что проявившееся в этой работе отрицание диалектики природы мешало ему понять общественные проблемы. "Новые левые" сознательно игнорируют как самокритику Лукача, так и его взгляды на Ленина, пытаются найти философские основы своей собственной волюнтаристско-субъективистской позиции.

Автор указывает, что "новые левые" принимают взгляды Р.Луксембург и Троцкого, не видя различия в деятельности последнего в период революции и в эмиграции.

"Новые левые" возродили также традиции анархизма, культ волюнтаризма, непосредственных действий, неорганизованности, почерпнув многое у таких мелкобуржуазных социалистов, как Прудон.

Особо Б.Кёпеци останавливается на ложных надеждах, которые "новые левые" возлагают на революционную роль "третьего мира". Он подчеркивает, что сведения различных левых групп о странах этого "мира" весьма недостаточны.

"Новых левых" привлекают в теориях некоторых представителей непролетарских слоев "третьего мира" их негативное отношение к современной западной цивилизации, от-

рицание руководящей роли рабочего класса, ставка на маргинальные слои общества как на наиболее действенную революционную силу. В бурных социально-политических процессах, развертывающихся в ряде развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, левые радикалы Запада усмотрели возможность реализации своих собственных иллюзорных проектов "третьего мира", создания "нового общества", "антиэтатистского" и "антибюрократического", отличного как от современного капитализма, так и от реального социализма: именно в этой связи Б.Кёпеци рассматривает положения идеологии политических движений развивающихся стран, воспринятые "новыми левыми".

Автор делает вывод, что отправную точку почти всех направлений "новых левых" представляет соединение того или иного искажения марксизма с теориями буржуазной философии, экономики, социологии, психологии.

Глава У.

Идейное развитие "новых левых"

В этой главе представлено идейное развитие течений "новых левых" в США, Западном Берлине и ФРГ, Франции, Италии, Великобритании.

Свой анализ Б.Кёпеци начинает с США. Он рассматривает основные теоретические документы "новых левых", анализирует их концепции. Автор подчеркивает, что в первых программных документах ставилась цель реформы капиталистического общества путем мобилизующей и формирующей сознание деятельности интеллигенции, прежде всего молодежи. Война во Вьетнаме и углубление внутренних противоречий способствовали радикализации движения. В частности, имели место выступления против антикоммунизма, хотя для американских "новых левых" в целом это не характерно. Однако со временем теоретические положения "новых левых" претерпели изменения.

В 1968 г., как пишет автор, наметился упадок движения и одновременно произошла радикализация различных групп "новых левых", которые по сути дела весьма приблизились к западноевропейским. Самый крайний фланг стали представлять так называемые "везермены", привлекая к себе внимание не только организацией актов террора, но и попытками теоретически обосновать свои цели. Однако предлагаемая ими теоретическая платформа необычайно бедна: это смешение тактики с идеологией латиноамериканских партизан. Идейное влияние "везерменов" автор оценивает как весьма незначительное.

В конце 60-х годов в США активизировались и троцкистские группы, позицию которых выражает Э.Мандель, проанализировавший экономические и социальные основы движения "новых левых" в США. Кёпеци квалифицирует положения Манделя как "оживление троцкизма" и советует борьбу вокруг его точки зрения в США.

Автор констатирует, что после 1968 г. массы "новых левых" все больше отворачиваются от политики, а буржуазные идеологи стремятся использовать этот процесс в своих целях. В этой связи он рассматривает положения книги Ч.А.Рейча "Молодая поросль Америки" (1970 г.) (77), в которой провозглашается необходимость революционизации сознания американского общества (Б.Кёпеци выражает несогласие с Ю.А.Замойкиным и Н.В.Мотрошиловой, относящими Рейча и Розака к представителям "новых левых") (18).

Автор обращает внимание на деморализующий характер новых программ, рассматривает новые лозунги молодежи США, свидетельствующие о сближении "новых левых" и движенья "хиппи". Он отмечает, что аполитизм, ставший характерным для американских "новых левых" после 1968 г., дал основание Г.Маркузе для весьма пессимистической оценки перспектив этого течения.

Наряду с этим автор отмечает, что многие представители американской молодежи начинают изучать марксизм и практику коммунистических партий. Возрастает влияние молодежной организации компартии США. Усилению влияния марксизма способствовала борьба А.Дэвис и ее судебный процесс.

В заключение раздела Б.Кёпеци отмечает бесспорную заслугу американских "новых левых", которые с 1965 по 1968 г. смогли мобилизовать широкие массы населения против войны во Вьетнаме, привлечь внимание к противоречиям американской политики и общества, способствовали пробуждению интереса к политике у определенной части интеллигенции и молодежи.

У представителей "новых левых" ФРГ и Западного Берлина Б.Кёпеци особо подчеркивает интерес к теории, отметив, что западноберлинский Свободный университет – теоретический центр "новых левых" – уже благодаря месту своего нахождения проявлял интерес к событиям в США и в социалистических странах (прежде всего в ГДР), а его традиции способствовали распространению взглядов Франкфуртской школы и Г.Маркузе.

Идеологические основы студенческих движений 60-х годов были сформулированы Р.Дучке. Автор подробно останавливается на его теоретической платформе, подчеркнув, что в ней легко выделить теоретические источники (наряду со ссылками на Маркса и Ленина используются концепции "левого" коммунизма 20-х годов, а также Франкфуртской школы и психоанализа).

Одной из заслуг западногерманских "новых левых", по мнению Б.Кёпеци, является их выступление против социал-демократов как прислужников капитализма. Однако, как показывает автор, это не мешает "новым левым" возлагать всю ответственность за "запоздание" революции на компартии и социалистические страны.

В этом же разделе Б.Кёпеци останавливается на лозунгах П.Шнейдера, обратив внимание на их близость лозунгам Пролеткульта, с той лишь разницей, что в ФРГ эти лозунги оказывают весьма незначительное влияние на общество.

С политической точки зрения заслуживает внимания, как указывает Б.Кёпеци, деятельность Г.М.Энценсбергера, который во многом не согласен с "новыми левыми", прежде всего с маркузианским тезисом об обуржуазивании рабочего класса. Интересны положения Энценсбергера об использовании средств массовой коммуникации в политических целях; но при этом, выступая против капиталистической манипуляции, он обвиняет в том же социалистические страны.

После 1968 г. "новые левые" в ФРГ продолжают придерживаться различных мелкобуржуазных революционаристских направлений. Б.Кёпеци отмечает, что теоретическая деятельность этих групп незначительна.

Особое внимание автор уделяет деятельности группы "Молодых социалистов". Ее радикальные взгляды определяют, по мнению Б.Кёпеци, новую и с точки зрения будущего интересную тенденцию.

Наступивший после 1968 г. спад убедил многих молодых участников движения "новых левых" в том, что необходимы революционная теория и организация. Многие обратились к ГКП к философам, сконцентрировавшимся вокруг марксистского студенческого союза "Спартак". Таким образом, как отмечает Б.Кёпеци, и в ФРГ вслед за Францией и Италией также "открывается возможность для освоения такого марксизма, который стремится привести в единство теорию и практику" (с.141).

Относительно французского движения "новых левых" Б.Кёпеци отметил, что их идейный путь более сложен, чем,

например, в США или ФРГ, но одновременно более четко обозначен, поскольку связан с политическими акциями. Прежде всего автор разбирает идеологическую подготовку событий 1968 г., основные положения "ситуационизма", движения "22 марта", студенческих организаций, концепции братьев Кон-Бендит и Ж.-П. Сартра. После событий мая-июня 1968 г. основные направления определялись леваками, но намечается поворот молодежи и интеллигенции к ФКП.

Возникновение "новых левых" в Италии также связано со студенческим движением. Анализ сформулированных в 1968 г. целей движения показывает, что итальянские "новые левые" ближе к рабочему классу и к коммунистической партии, чем в других западноевропейских странах и в США. Это объясняется не только тем, что итальянский пролетариат ведет постоянную борьбу за улучшение условий труда и жизни, не только высоким авторитетом компартии в стране, но и значительным влиянием ИКП и ее молодежной организации во многих университетах. "Итальянские коммунисты, — отмечает автор, — вовремя увидели проявляющиеся за ультрарадикальными взглядами реальные и иллюзорные элементы и дали на них соответствующий ответ" (с.165).

Далее Б.Кёпечи анализирует взгляды представителей анархосиндикализма и группы "Манифесто". Он рассматривает неоромантические теории, распространившиеся после политического поражения "новых левых".

Автор подчеркивает, что в Италии, где имеются серьезные экономические, социальные и культурные противоречия, "новые левые" не могут приобрести большого влияния, что показали, например, результаты выборов 1972 г., однако они играют некоторую роль в борьбе правых и левых сил внутри страны.

Свой анализ течения "новых левых" в Англии Б.Кёпеци начинает с возражения тем, кто не считает их "настоящими" на том основании, что это течение проявилось в рядах лейбористской партии Великобритании. Он анализирует документы этого движения и отмечает, что эти "новые левые" более радикальны, чем студенчество. С 1968 г. часть английских "новых левых" объединилась с мелкобуржуазно-революционаристскими группами. Современное положение английских "новых левых", по мнению Б.Кёпеци, убедительно показывает умение английской буржуазии использовать "уставших мятежников", а также констатирует, что в Англии поражение 1968 г. пробудило среди молодежи интерес к коммунистической идеологии и компартии.

Глава VI.

О политических позициях,
общих для всех "новых левых"

Какова бы ни была разница между отдельными направлениями "новых левых", отмечает автор, они в конечном счете усваивают теории "индустриального общества", а теория конвергенции придает ложное направление их политической программе.

"Новые левые" оспаривают прежде всего теорию кризисов Маркса, приписывая их возникновение влиянию субъективных факторов (отчуждение), в связи с чем считают достаточной для свержения капитала одну одновременную акцию.

Подчеркивая значение субъективных факторов в общественных процессах и выделяя роль сознания, "новые левые" часто ссылаются на тех "левых" коммунистов, которых В.И. Ленин подверг критике в 20-е годы. В связи с этим автор напоминает об оценке В.И. Лениным роли и

идеологической функции интеллигенции и указывает, что Ленин предостерегал против любого интеллигентского авангардизма.

Относительно подхода "новых левых" к революции и ее предпосылкам Б.Кёпеци пишет, что, хотя в их фразеологии слово "революция" используется постоянно, они понимают ее как "внезапный удар", т.е. дают ей мелкобуржуазное толкование. Исходя из отдельных проявлений общего кризиса капитализма и преувеличивая значение сознания, "новые левые" сознательно упрощают условия взятия власти. Это имело место, например, в 1968 г. во Франции. В.Роше, анализируя уроки 1968 г., показал, что "новые левые" оказались тогда перед выбором между научным социализмом и анархической утопией.

Упадок движения "новых левых" автор объясняет в первую очередь их толкованием кризиса и революции, не выдержавшими испытания.

Большинство представителей "новых левых" до 1968 г. отвергало необходимость революционной теории и партии. Эту "антиорганизационную" направленность Б.Кёпеци связывает с провозглашением идеологического плюрализма. Однако уроки поражения 1968 г. убедили участников движения в необходимости общей платформы и организации, хотя, за небольшим исключением, они стали признавать лишь необходимость организации небольших групп.

Характеризуя взгляды "новых левых" на средства и методы революционной борьбы, Б.Кёпеци подчеркивает, что положения В.И.Ленина об организации и партии как авангарде рабочего класса в современном капиталистическом мире, гораздо более организованном, чем это было в России 1917 г., приобретают еще более важное значение.

Затем Б.Кёпеци анализирует антикоммунизм "новых левых". Без этого, подчеркивает он, не могут быть по-

няты их противоречия. Антикоммунистические аргументы "новые левые" черпают из истории и современной действительности коммунистического движения и социалистических стран. Так, различные группы "новых левых" не считают ликвидацию частной собственности социалистическим преобразованием и утверждают, что в СССР и странах Восточной Европы господствует "государственный капитализм". При этом они ссылаются на соответствующие положения Ленина, но искажают их, так как В.И.Ленин противопоставлял государственный капитализм как более развитую экономическую категорию мелкобуржуазному капитализму.

Они отвергают также положения марксизма о труде и его роли в современных условиях. Приведа положения Ф.Энгельса (критика Прудона), К.Маркса ("Критика Готской программы"), (8) В.И.Ленина, Б.Кёпеци подчеркивает, что новая организация труда и производства — одно из обязательных условий строительства социалистического общества. Улучшение условий труда во многом зависит от того, каким образом сможет новое общество ликвидировать отсталость и использовать достижения научно-технической революции.

"Новые левые" обвиняют социалистические страны в сохранении товарного производства и рынка. В этом, указывает Б.Кёпеци, проявляется их непонимание экономической проблематики переходного периода. "Новые левые" ссылаются на слова Маркса о том, что уже на нижней ступени коммунистического общества будут ликвидированы деньги, но опускают ту часть его высказывания, где он говорит о сохранении обмена стоимостей в переходный период.

При оценке социалистического государства "новые левые" исходят не из необходимости диктатуры пролетариата, а из тезиса об отмирании государства, т.е. опять

смешивают разные этапы развития социалистического общества.

Далее Б.Кёпеци указывает, что "новые левые" оспаривают наличие демократии в социалистическом обществе, ссылаясь не только на ошибочную практику периода культа личности, но и искажая основные положения марксизма, в частности противопоставляя ленинскому определению демократии большинства в переходный период, в основе которой лежит принцип демократического централизма, "непосредственную демократию". Часть из них выдвигает лозунг самоуправления, а некоторые — политико-идеологического плюрализма.

Основная претензия "новых левых" состоит в том, что социалистическое общество не изменило образ жизни людей и якобы не ликвидировало буржуазную культуру. Б.Кёпеци подчеркивает, что во всех социалистических странах осуществлена культурная революция в ленинском смысле и это в большой степени способствовало повышению культурного уровня масс, формированию новой интеллигенции, развитию науки и искусства, научного мировоззрения. Однако становление и развитие новой социалистической "формы жизни" — длительный процесс, и он далеко не завершен.

"Критика социализма "новыми левыми", — говорит автор, — чаще всего характеризуется субъективной оценкой исторических процессов, их утопическим рассмотрением в отрыве от конкретных условий, в результате чего дается искаженное представление о действительности, даже в том случае, если в критике имеются некоторые справедливые моменты... Нам следует самым решительным образом указать на то, что "новые левые" формируют свое мнение, не зная положения в социалистических странах, большей частью находясь под влиянием буржуазной пропаганды и

доктринерски оценивают развитие, его противоречия и проблемы" (с.220).

Глава УП.

"Новые левые" и контркультура

Выделение этой темы в специальную главу автор объясняет тем, что данное явление является комплексным и характеризует не только политически активную часть "новых левых".

Проанализировав истоки движения за контркультуру, сходства и отличия хиппи и "новых левых", у которых контркультура является частью политико-идеологических взглядов, рассмотрев точку зрения тех и других на различные области культуры и искусства и их культурные программы, автор констатирует, что культурная программа "новых левых", рассматривающих литературу и искусство как непосредственные средства борьбы, напоминает ту, с которой выступали в 20-х годах Пролеткульт и ЛЕФ.

В заключительном разделе автор подытоживает содержание своей книги.

1. Течение "новых левых" состоит из различных групп и направлений; их организационные формы и политические взгляды меняются в зависимости от социально-экономического положения в развитых капиталистических странах. Однако это не преходящее явление, поскольку в нем выражается протест средних слоев, прежде всего интеллигенции, особенно молодой интеллигенции. Поэтому течение "новых левых" следует анализировать как общественное явление, учитывая также возрастание зависимого положения интеллигенции в капиталистических странах.

2. С политико-идеологической точки зрения, "новые левые" — явление "третьего пути", поскольку они отвергают и капитализм и реальный социализм. Это определяет их двойственность, что проявляется как в теории, так и

в практике. Новое в этом течении по сравнению с прежними направлениями "третьего пути" — то, что оно выступает с лозунгами общества, отличного от существующих формаций, в период усиления мировой социалистической системы и коммунистического движения.

3. Критика "новыми левыми" капитализма имеет в первую очередь субъективистский характер, строится на факторах сознания, поскольку они протестуют главным образом против буржуазной формы жизни. Они не сумели найти соответствующие теоретические и организационные формы политической борьбы. С 1968 г. для большинства "новых левых" характерен нонконформизм, неоромантизм.

4. Большинство "новых левых" последовательно выступает против единой идеологии и партии, будучи сторонниками спонтанных действий небольших групп. "Новые левые" считают, что революционизацию масс должно вызвать "боевое меньшинство". После 1968 г. некоторые группы убедились в преимуществах организации, но часть их придерживается при этом тактики индивидуального террора. Однако для большинства характерен так называемый "фольклоризм", а также стихийные выступления, возвращение к движению "хиппи".

5. "Новым левым" удалось вынудить правительства заняться реформой школьной системы, которую, однако, буржуазия стремится всячески ограничить. Это ведет к перманентному возобновлению студенческих движений. Капиталистическое общество стремится к подавлению политических и неполитических форм протеста; "новых левых" подстерегает опасность интеграции.

6. Наиболее вредное влияние оказывает антикоммунизм "новых левых", который, как и их поиски "третьего пути", отдаляет сочувствующую им интеллигенцию от коммунистических партий, вызывает замешательство в рядах представителей левых сил.

После 1968 г. некоторая часть "новых левых" пришла к марксизму и к сотрудничеству с коммунистическими партиями. Положительную роль течения "новых левых" автор видит в том, что они привлекли внимание широких слоев не только к противостоящим марксизму старым и новым анархистским, мелкобуржуазным социалистическим направлениям, но и к марксизму, чем способствовали его распространению.

Т.И.Ленгшель

МУССИ Ф.

ТРИ ТЕОРИИ: ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ АДОРНО

MUSSI F.

Tre teorie: aspetti filosofici di Adorno. -
"Critica marxista",
Roma, 1972, a. 10, N 5, p. 47-77.

"Франкфуртской школой, - замечает автор, - стоит заниматься, ибо в дискуссиях по идеологическим вопросам, которые имели место в минувшее десятилетие (среди интеллигенции), ей принадлежит особое место; в также и потому, что она еще и сегодня возбуждает различные идеологические и культурологические интерпретации" (с. 47).

Правда, если теперь, после смерти Хоркхеймера и Адорно и интеллектуального заката Маркузе, задаться вопросом в духе Кроче: "Что живо и что умерло?", - то придется ответить, что умерло почти все. Авторы, писавшие несколько лет назад о "стремительном, но эфемерном" возрождении Франкфуртской школы, были в известном смысле правы, замечает Мусси.

Франкфуртская школа столь богата культурным содержанием, что, разумеется, оно не могло быть охвачено капризом скоропреходящей моды. Однако тот знак не критического восприятия, под которым она проникла на политико-философский горизонт Италии, существенно подорвал

возможности ее влияния. Наконец, возможности критики до известной степени были сняты развитием на базе этой идеологии реального исторического движения, глубоко изменившего политико-социальную картину мира.

Вся деятельность группы интеллигентов, вокруг которых сложилась Франкфуртская школа, отмечает Мусси, находилась под влиянием определенных моделей свободы, которые, сколь бы замдеологизированными и замистифицированными они ни были, вынуждают к дискуссии и серьезному их рассмотрению, ибо насыщены стимулирующим содержанием. Точно так же и биографии каждого из представителей этой школы — антифашистов, жертв нацистских преследований, изгнанников — создают привлекательные образы борцов за демократию, сложившихся не в тиши академий, а в идейных битвах.

После небольшого экскурса в историю возникновения и развития Франкфуртской школы автор начинает анализ ее теорий с рассмотрения взглядов Хоркхеймера. Основные идеи, на которых в дальнейшем сосредоточивается внимание всех представителей Франкфуртской школы, вкратце сводятся к следующему:

I. Естественные науки, организованные согласно физико-математическим критериям, стали господствующим типом интеллектуальной деятельности. Это получает выражение и в выравнивании, униформизации теоретических уровней, более того, в тенденции превратить само это выравнивание в теорию. Ученые составляют бурно развивающийся социальный слой, который становится носителем этой идеологии. Они убеждены в своей автономной независимости от социальных процессов и недетерминированности своих логико-методологических установок... Здесь звучит мотив Лукача — утрата прозрачности научной деятельности, внутри которой социальное осредование становится нераспознаваемым (с.49).

2. "Экспериментальность есть форма, в которую хотят втиснуть практику и подчиненное ей знание" (с.49). Между тем так называемая "чистота самоочевидности фактов, экспериментальной верификации" теснейшим образом через технику связана с материальным производством. Эти иллюзии обусловлены также характерной для развитых цивилизаций неуловимостью социальной трансформации актов сознания, даже на низшем, почти чувственном уровне.

3. "Критическая мысль должна развивать "критическую теорию общества", что следует делать с точки зрения тотальности, целостности" (с.50).

4. Интеллигент, становящийся носителем этой теории, не может больше в реальной действительности соотносить себя с одним классом — пролетариатом, точка зрения которого являлась бы гарантом истины. "Пролетариат, который "в себе" остается субъектом освобождения, больше не является таковым "для себя": ... систематизация сознания пролетариата не могла бы дать никакой верной картины его бытия и его интересов"(с.50). Это, однако, не означает, что интеллигент должен быть "независимым" или что он должен искать прибежища в утопии. Напротив, "идея будущего общества как сообщества свободных людей" от утопии тем и отличается, что "критически мыслящий интеллигент" должен доказать его возможность, исходя из нынешнего состояния производительных сил.

5. "Система, в которой работает "критик", глубоко изменилась по сравнению с эпохой либерализма" (с.51). Конец эпохи свободной конкуренции и развитие классового сознания пролетариата привели к уничтожению "капиталистов" как класса "в себе". На смену им пришли могущественные менеджеры, управляющие целыми отраслями промышленности, но юридически владеющие лишь частью того, чем они управляют. Эти экономические изменения

влекут за собой изменения в сфере функционирования юридического и политического аппарата, равно как и в сфере идеологии.

6. "Эта мутация всего социального облика и сознания классов ведет, в конечном счете, к радикальной мутации сущности и роли культуры" (с.51). Ныне будущее человечества зависит от "критической деятельности", способной свободно оперировать элементами теории и культуры, ибо в ситуации монополистического капитализма исчезает "даже относительная независимость индивида", мысли которого "уже не принадлежат ему" (с.51).

Хоркхеймер подчеркивает, что основное внимание он сосредоточил на выяснении разницы между двумя типами сознания: "Тем, которое основано на "Рассуждении о методе", и тем, которое опирается на Марксову критику политической экономии" (с.51). В действительности, отмечает Мусси, имела место взаимная контаминация самых различных теоретических и культурных элементов, в особенности же "идеалистическое перечитывание Маркса" (с.51).

Дж.Рускони, как полагает автор, справедливо связывает попытку такого перечтения с развившимися между двумя войнами в "срединной Европе" настроениями разочарования, что было связано с поражением пролетарской революции на Западе. Проблематика "перехода к коммунизму" ставится в форме исключительно идеологической; однако в отличие от постановки вопроса большинством представителей Франкфуртской школы после второй мировой войны Хоркхеймер решительно отказывается от одеяний "философской утопии".

Интересно отметить, что в конце 30 - начале 40-х годов эмигрировавшие интеллигенты были убеждены, что из межвоенного опыта им удалось извлечь два урока: "а) что западные демократии основаны на той же социально-экономической системе, в которой преуспел нацизм; б) что

существование социалистической системы при такой альтернативе есть чистейшая иллюзия и что мир движется к гигантской планетарной интеграции, которая упразднит всякие различия и приведет к установлению царства нерасчлняемой "тотальности". Все работы 30-40-х годов, отмечает Мусси, пронизаны глубокой печалью по поводу этой перспективы. Мало-помалу оформляется целостная "философия" истории и мира "с точки зрения буржуазной экзистенции" (с.52). Наконец, как полагает автор, и тон, и содержание всех работ этих лет объясняются непрерывными сравнениями между эпохой либерализма и империалистической стадией капитализма при обостренном внимании ко всем формам трансмутации идеологии.

Совсем не случайно "вопросы искусства и культуры" оказались в центре внимания этих мыслителей, критически исследующих состояние "коллективного сознания" (с.52). Такой подход плодотворен, но не безопасен, в особенности когда имеют место притязания считать его единственно верным. Быть может, один лишь Маркузе почувствовал это, что побудило его с головой погрузиться "в экономику", следствием чего оказалось написание "Советского марксизма" (65). Однако главные идеологические устремления остались сосредоточенными вокруг анализа "того, что люди думают о самих себе", а суждение по поводу "того, что они есть на самом деле", не сделалось очень ясным, в особенности если учесть, что представителям Франкфуртской школы свойственно было говорить о всемогущем воздействии капитализма.

Если попытаться из сочинений Адорно, которому, собственно, и посвящена данная статья, извлечь некую целостную теорию, то, продолжает автор, придется, во-первых, собирать там и сям рассеянные ее обрывки, а во-вторых, признать, что крупные политические преобра-

зования современного мира имели на Адорно большее воздействие, нежели он склонен признавать.

Вся теоретическая мысль Адорно, на взгляд Мусси, вращается вокруг трех основных тем: "Теории истории, теории общества, теории разума" (с.53).

I. Теория истории. Теория исторического развития, от истоков до современности, содержится главным образом в "Диалектике просветительства" (4I), однако фрагменты и отзвуки ее можно обнаружить во всей интеллектуальной деятельности Адорно.

Статистические и социологические исследования относительно американского капитализма вместе с фактом установления в Германии нацизма побудили представителей Франкфуртской школы обратиться к изучению "истоков" цивилизации, дабы найти звено, связующее природу и историю. Это в значительной степени объясняет развившийся в этом русле вдохновенный интерес к антропологии, к переходу в процессе эволюции человечества от стадии "мифической" к стадии "исторической".

Этот переход, по мнению автора, приобретает катастрофическое звучание первородного греха: сохраняются "иудео-христианский пафос и тревожное беспокойство по поводу того, "что было вначале" (с.54).

"И вначале был Разум" (с.54). "Знание" означает разворачивание рациональных способностей за счет разрыва тесных связей с "природой-матерью", "приятном счастье" (с.54). "С переходом мифа в знание, а природы в чистую объективность, — пишет Адорно, — люди платят за возрастание своего могущества отчуждением от того, над чем они это могущество осуществляют" (4I, с.54).

Проблема истоков истории для Адорно и Хоркхаймера (но то же самое можно сказать и относительно Маркузе) тесно переплетена "с проблемой первоначальных форм

сознания и связанной с ним социальной практики" (с.55).

Мы уже видели, что в 1938 г. Хоркхеймер забил тревогу по поводу интенсивного расширения класса "специалистов" и сферы осуществляемой ими научной деятельности. В этой концепции "инструментализма" находит также выражение уязвленная гордость интеллектуалов, связанных с традиционными сферами культуры; их воображаемая автономия вынуждает их стать в радикальную оппозицию любой отрасли научного знания, даже наименее подчиненного интересам непосредственной социальной целесообразности. По их мнению, развитие "организованной" мысли ведет в конечном счете к порабощению ее гетерономными целями. "Утрата "значения" есть своего рода дань критериям полезности" (с.55).

Начало цивилизации связано, таким образом, с инструментальным использованием разума, при котором культивируется его "формальный аспект" (с.55). "... В начале был "логос"; для Адорно и Хоркхеймера история есть драма его воплощения... т.е. отчуждения, ибо возрастание рациональности субъекта есть в то же время убывание его первоначальной автономии" (с.55). Это позволяет квалифицировать "прогресс как падение" (с.55). Наличие этой идеи "падения", постоянного и в глубине своей истинного стремления цивилизации к утраченному состоянию - "варварству", понимание исторического движения как круговорота роднит данную концепцию с некоторыми положениями Ницше и Шопенгауэра и обуславливает своего рода "реакционные кризисы" у представителей школы. Звучание ее глубоко двойственно, что зачастую и ведет к непримиримым столкновениям интерпретаторов.

Постулировалось также, что "просвещение" явилось главным агентом этой борьбы против мифа. Основы такой диалектики нетрудно обнаружить у Гегеля в "Феноменологии

духа" и "Науке логики" (I6, I7). Разница заключается лишь в том, что у Гегеля за ней стоят реальные события французской революции и классовой борьбы, тогда как у Адорно и Хоркхаймера переосмыслиется их чисто логическая форма, происходит энергичный процесс "деисторизирования" (с.56).

Перенос фазы этой диалектики на историю в целом, замечает Мусси, франкфуртские философы замыкаются в порочном кругу. Определяя просвещение как "постоянно прогрессирующую мысль" и "вместе с тем реальное движение буржуазного общества как целого", они, по словам Мусси, вынуждают буржуазную мысль искать свою собственную тень. Там, где есть хотя бы проблеск мысли, не может быть "прогресса"; поэтому не могут быть прогрессивными просвещение и буржуазия. Для избавления от этого проклятия можно лишь указать на земной рай "предмифического прошлого", — указать, однако, с отчаянием, ибо известно, что он недостижим. "И тогда надежда, зная, что нельзя вернуться назад, вся устремляется вперед, к ожидаемому спасению, к утопии" (с.56-57).

Можно сказать, что операция, проведенная Адорно, подобна той, которую Маркс вменял в вину представителям буржуазной политической экономики: распространение логических форм, присущих буржуазно-капиталистической экономике, на все стадии истории. Подобное распространение позволяет говорить о гомеровском Одиссее как "первом буржуа", лишая его образ всякой специфичности. Правы авторы, упрекающие Адорно в том, что для него понятие "буржуа", с одной стороны, становится просто синонимом западного человека, а с другой — ограничивается его чисто философским содержанием. Тематика "истоков" привлекает Адорно в значительной степени потому, что позволяет не доискиваться частных категорий, позже развивавшихся в абстрактно-всеобщие формы. Неотвратимое раз-

витие тотальности довлеет над диалектикой возможного. Все увенчивается идеей судьбы. Марксова периодизация истории более или менее соблюдается, однако происходит явный крен в сторону гегелевской "диалектики становящегося разума": за чередованием антагонистических форм скрывается "однонаправленное развитие" идентичного имманентно-перманентного принципа, феноменологией которого и является история" (с.57). Можно было бы сказать, продолжает Мусси, что в Адорно уживаются две души: диалектическая, там, где вопрос ставится в плане синхронного развития (каждая модель заряжена внутренним напряжением и антагонизмами), и "эволюционистская" в плане диахронном: "История не делает скачков" (с.58). "Исторические противоположности все, следовательно, движутся в плане видимости, как формальные мутации одного и того же содержания: инструментального разума на службе у желания господства" (с.58).

Это "господство" осуществляется через возрастание "организации", что сопровождается ущемлением все более разнообразных сфер жизни. Ключевой концепцией по этому вопросу оказывается концепция "социализации". Адорно пишет, что исходной точкой является прогрессирующая тенденция общества к "социализации", т.е. к планомерному захвату частей целостности, к интеграции ее в тождественные формы, будь они экономические или политические.

Социальная организация "как таковая" является орудием на службе у стремления к господству, способствует расширению сферы этого господства. Нетрудно понять, замечает Мусси, сколь далек смысл, вкладываемый в это понятие Адорно, от того, что подразумевал под социализацией Маркс. "По сути дела, у Адорно она является следствием комбинации тезиса Вебера о максимальной тенденции системы к "бюрократизации" с тезисом Лукача о тен-

денции к максимальному "отчуждению" (с.58). Идея "варварства" как единственного выхода из тупика, в который зашла цивилизация, рождается, с одной стороны, из затемненного понимания противоречий внутри так называемой "тотальности", а с другой - из превратного толкования отражающего эту тотальность общественного сознания, которое мыслится целиком интегрированным ею.

"Разделение труда", являющееся другой стороной этого же процесса, стало предметом ожесточенной критики со стороны Адорно и других представителей Франкфуртской школы (с.59). Несомненно, эта критика зачастую справедлива и обоснованна, однако в конечном счете она оказывается направленной на мнимые цели, обращаясь против развития производительных сил вообще. Тем самым занимается характерная для интеллигенции традиционного типа антитехницистская точка зрения.

С учетом всех этих замечаний автор считает возможным перейти к анализу теории общества, изложенной в сочинениях Адорно.

П. "Теория общества". Попперу принадлежит мысль о том, что в предшествующий второй мировой войне период социология превратилась в "антропологию высокоиндустриализированных социальных форм Западной Европы" и что социолог может быть определен как "наблюдатель и описатель тотемов и табу белых туземцев Западной Европы и Америки" (с.59).

Если кто и заслужил подобного определения, замечает Мусси, то это именно социологи Франкфуртской школы, склонные отождествлять весь мир с регионами высоко развитого капитализма. Характерно также отождествление обитающих здесь "туземцев" с обитателями всего земного шара, откуда рождается убеждение, что история вовлекла человечество в порочный круг, где "статика" от-

ныне довлеет над "динамикой". Маркузе, продолжает автор, пожалуй, единственный из трех крупнейших представителей Франкфуртской школы, который способен видеть всю планету в целом, однако и он полагает, что "разрешающей" силой обладает лишь "внешнее" по отношению к капиталистической системе противоречие, олицетворяемое "третьим миром". Нельзя, конечно, отрицать законности частного подхода к проблемам освобождения человечества; но вызывает возражения претензии представителей Франкфуртской школы с первого же взгляда обнаруживать в любой частности "тотальность", что толкает их к "дурной" всеобщности.

Адорно и Хоркхеймер всегда притязали быть продолжателями теории общества, развитой К.Марксом в "Капитале" (7). Однако замена термина "марксизм" понятием "критическая теория общества" свидетельствовала об известных затруднениях.

Возьмем основную категорию, продолжает автор, - категорию "буржуазно-капиталистического общества". Ни один из трех признанных руководителей школы никогда не отрекался от нее, но они наполнили ее содержанием, весьма далеким от первоначального смысла и сделавшим ее конвергентной понятиям "индустриальное общество", "технологическое общество", "развитое общество", "массовое общество" и т.д.

Основное заключается в том, что, по мнению представителей Франкфуртской школы, социальная организация как таковая несет на себе "каинovu печать бесстыдства, насилия и угнетения" (с.61). Она действует заодно с техникой господства, и вместе они подготавливают финальную катастрофу - "смерть индивидуальности" (с.61).

Эта угроза субъективности убеждает Адорно в необходимости вернуться к гуманизму молодого Маркса и, кро-

ме того, к французскому утопизму, особенно его фюреристской разновидности. Картина, составляемая из этих обрывков, кажется ему обнадеживающей с точки зрения возможного сопротивления власти всеобщности. В этом, замечает Мусси, он сближается со всей консервативной мыслью, с характерными для нее ликованиями по поводу "заката Запада". Однако не только это удаляет Адорно от Маркса. Наиболее существенные разногласия обнаруживаются скорее по вопросу о реальных опосредованиях, характерных для капиталистических производственных отношений. Здесь автор считает уместным провести сравнение "избранных отрывков" из Адорно и той частью "Введения" (Из экономических рукописей 1857-1858 гг.) (6), которая посвящена целостным отношениям производства с распределением, обменом и потреблением.

Адорно исходит из убеждения о "замораживании" жизненного порыва социального развития и окостенении органических процессов обмена" (с.61). Как он пишет, "сфера потребления" есть "простое отражение" производства и карикатура на истинную жизнь, т.е. отражение его в сознании и подсознании отдельных индивидов" (с.61).

Как известно, во "Введении" (Из экономических рукописей 1857-1858 гг.) (6) Маркс воссоздает целостность соотношения трех сфер, помещая в центр анализа тему "доминантности", так что "тотальность" описывается в соотношении с различными моментами опосредования и неопосредования.

Вся мысль Адорно, отмечает автор, свидетельствует о том, что он невероятно обеднил эту модель Маркса. Он оставил без внимания проделанный им анализ опосредования и свел то, что описывалось Марксом как сложные отношения опосредования, к простым отношениям силы. "Можно было бы сказать, что он осуществил варварский

регресс от "доминантности" к "господству" (с.62).

По сути дела четыре члена отношения, описанные Марксом, сводятся у Адорно к двум – "производству" и "потреблению". Первое выступает как "невыразимая тотальность", второе – как ее "простое отражение".

Однако наибольшие противоречия с положениями Маркса обнаруживаются там, где речь идет об обмене и обращении. Обращение, согласно Марксу, есть определенный момент обмена или обмен, "рассматриваемый в своей целостности". Обмен же есть лишь опосредующий момент между производством и распределением, с одной стороны, и потреблением – с другой.

Согласно Адорно, в буржуазном обществе "господствует эквивалент". Более того, "буржуазная рациональность" тождественна "принципу обмена", является лишь инструментом осуществления неизменно эквивалентного обмена. Страх утраты вещами своего "качественного" измерения рождается из убеждения, что "распространение принципа (обмена) делает весь мир равнозначным, превращает его в тотальность". Этот процесс начался прежде всего в познании: переход от "мимезиса" к "идентификации" был первым шагом на пути к вседвлеющему "инструментализму". Принцип обмена выступает, таким образом, как антропологический, как закон сведения "качества" к "количеству", моделью которого является "число". Функциональные связи общества, следовательно, основываются на универсальном господстве принципа обмена.

"Обмен" тем самым из опосредования реальности превращается в "идеальный принцип" (с.63), регулирующий все социальное бытие и сознание. "Речь идет в данном случае, – пишет Мусси, – об идеалистическом сведении способов конкретного функционирования к имманентным логическим принципам" (с.64). Основная методологическая ошибка Адорно

заклучается, как это уже отмечал Рускони, в отождествлении "сферы обращения" и "сферы автономии", под которой подразумевается традиционная автономия торговца и интеллектуала.

Напротив, с точки зрения Адорно, в условиях сверхконцентрированной индустрии исчезают последние "аутсайдеры" – призрачно независимые профессии, еще существовавшие в условиях либерального капитализма.

Следствием этого оказывается прогрессирующий упадок опосредующих социальных связей, так что отношения индивидов друг с другом строятся как отношения "монад" (с.65). Наиболее характерным проявлением этого процесса является прогрессирующее разложение семьи. В 1936 г. "франкфуртцы" выпустили коллективный труд по этой теме, в который вошли исследования Адорно по проблемам "авторитарного характера" (с.65).

Семья, писал Адорно, является инструментом авторитарного подавления, но вместе с тем воспитания и формирования личности; ее кризис поэтому преломляет в себе целостный кризис гуманизма. В силу этого кризиса отношения между поколениями, которые раньше, в рамках семьи, развивались в направлении плодотворного обмена, хотя и с сопутствующим напряжением, теперь свелись к прямой конфронтации – "чистому и откровенному насилию" (с.65).

Центральное значение психоанализа в идеологии Адорно, как и других социологов Франкфуртской школы, является следствием именно его понимания роли семьи в процессе формирования психической структуры личности. С другой стороны, немалую роль сыграло развитое Фрейдом положение о том, что нарастание культуры (относительно которой он, в отличие от "франкфуртцев", полагает, что она все же служит "Эросу") сопровождается нарастанием коллективного супер-эго и стереотипа, подменяющих отца

и вытесняющих его. Все общество "заболевает", и самое поразительное заключается в том, что эта патология воспринимается как нормальность.

Это "больное" общество опрокидывает "феноменологию" духа, заставляя его вернуться к стадии предсознания. И несоразмерно возрастающая роль "подсознания", как в жизни индивидов, так и в жизни групп и целых коллективов, открывает дорогу господству "вытесненного" (с.66). За эту подмену общество платит нарастанием комплексов; "паранойя санкционирует законность агрессивного поведения как правила общественного общежития" (с.66).

Интегральная социализация периода позднего капитализма означает по существу деспотическое господство производства. "Таким образом", — пишет Адорно, — формы процесса производства всеохватывающе повторяются в частной жизни и в формах деятельности, не охваченных этим процессом" (с.66).

Основное для марксизма противоречие труда и капитала подменяется противоречием "принципа господства и принципа творчества", что ведет к невозможности определения коллективных субъектов социального антагонизма. В целом Марксова критика политической экономии подменяется критикой веберовского типа, а поздняя фаза буржуазно-капиталистического общества украшается аксессуарами "заката цивилизации" (с.67). Обнаруживается также много общего с проблематикой немецкого историцизма второй половины XIX в.

По сути дела Адорно исходит из сравнения двух эпох: той, в которую производство еще не было "тотальностью" и когда его господство осуществлялось доступным сознанию опосредованием (эпоха либерализма и свободной конкуренции), и той, когда производство, поработавшая все другие сферы, действует как автоматическое и

бессознательное отражение, в конечном счете "акт насилия". Уже изложенная философия истории придала этому "падению" трагические черты неизбежности. "Таким образом, рассуждение замыкается в следующем кругу: массовое общество уничтожает вместе со всеми формами буржуазного прошлого свободу и автономию индивида, связанные, однако, с самого начала с привилегиями, рациональным развитием которых является само массовое общество" (с.68). Речь идет, следовательно, о неизбежной "судьбе" социальной организации.

Воцаряется своего рода "интегральный гезельшафт", основными характеристиками которого являются: "1) конец расширенного производства; 2) конец диалектики раба - господина" (с.68). Сохраняются связанные с разделением труда социальные роли, но исчезают классы. Пролетариат теряет способность выполнить свою историческую функцию освобождения. В отличие от Маркузе Адорно не видит подобных Марксовому пролетариату "субъектов истории" и за пределами индустриального общества.

С его точки зрения, единственный выход создает "всеобщая критика", "негативная утопия" (с.68). Носителями этой радикальной теории становятся "непримиримые интеллигенты".

Таким образом, "франкфуртские социологи разделяют иллюзию Кейнса, что все недуги капиталистического общества исцеляются приемами экономики, убеждение Пошпера, что революция изжила себя и что ее заменяют социально-инженерные методы" (с.69).

Тема интеллигентов для всех троих крупнейших представителей Франкфуртской школы всегда являлась центральной. Уже в 1937 г. Хоркхеймер писал о затухании в современном сознании критического размышления. Все первые работы Адорно оказываются так или иначе посвященными

теме отрицания традиционной функции интеллигенции.

Немаловажную роль в таком восприятии проблемы теоретиками Франкфуртской школы сыграли, с одной стороны, "культурный терроризм" (с.77) нацизма и фашизма, с другой – воздействие технологической революции на облик интеллигенции. Не удивительно поэтому, что усиление этих сдвигов привело к массовым протестам интеллигенции в 60-е годы. Критическая теория философов Франкфуртской школы была предчувствием этого радикального и антиавторитарного движения.

К.Т.Мяло

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- I. Маркс К., Энгельс Ф.
К критике гегелевской философии права. - Соч.
Изд. 2-е, т.1.
2. Маркс К., Энгельс Ф.
Святое семейство, или критика критической кри-
тики - К.Маркс и Ф.Энгельс - Соч. Изд. 2-е, т.2.
3. Маркс К., Энгельс Ф.
Немецкая идеология. - Соч. Изд.2-е, т.3.
4. Маркс К.
К критике политической экономии. - Соч.
Изд.2-е, т.13.
5. Маркс К., Энгельс Ф.
Манифест Коммунистической партии. - Соч.
Изд.2-е, т.4.
6. Маркс К.
Введение (Из экономических рукописей 1857-
1858 гг.) Соч., Изд.2-е, т.12.
7. Маркс К.
Капитал (т.2). - Соч. Изд.2-е, т.19.
8. Маркс К.
Критика Готской программы. - Соч., Изд.2-е,
т.19.
9. Маркс К.
Письмо к П.В.Анненкову. - Соч. Изд.2-е,
т.27.
10. Маркс К.
Экономическо-философские рукописи 1844 г.-
К.Маркс и Ф.Энгельс. Из ранних произведе-
ний. М., 1956.
- II. Ленин В.И.
Великий почин. - Полн.собр.соч. Изд.5-е,
т.39.
12. Ленин В.И.
Детская болезнь "левизны" в коммунизме. -
Полн. собр.соч. Изд.5-е, т.41
13. Ленин В.И.
Империализм, как высшая стадия капитализма.-
Полн.собр.соч. Изд-5-е, т.27.
14. Ленин В.И.
Материализм и эмпириокритицизм. - Полн.собр.
соч. Изд. 5-е. т.18.

15. Белкина Г.Д.
Философия марксизма и буржуазная "марксология".
Критика западногерманских марксологических
концепций генезиса марксистской философии.
М., "Мысль", 1972.
16. Гегель Г.В.Ф.
Наука логики. 2-е изд. Ч. I-2, М., "Мосполи-
граф", 1929, 269 с.
17. Гегель Г.В.Ф.
Феноменология духа. - СПб, 1913, XXXV, 376 с.
(Труды С-Петербургского философского общества.
Вып. 8).
18. Замошкин Ю.А., Мотрошилова И.В.
Новые левые - их мысли и настроения - "Вопр.
философии", М., 1974, № 4.
19. Adorno Th.W. Zur metakritik der Erkenntnistheorie.
Studien über Husserl und die phänomenologischen
Antinomien. Stuttgart, Kohlhammer, 1956. 251 S.
20. Adorno Th.W. Negative Dialektik. Frankfurt a.M..
1966. 410 S.
21. Adorno Th.W. Minima moralia. Reflexionen aus dem
beschädigten Leben. Frankfurt a.M., Suhrkamp,
1962. 339 S.
22. Beneš E. Nesnáze demokracie. Řeč. pronesená v
cyklu přednásek. "O demokracii"... Pr., 1924.
49 s.
23. Beneš E. Demokracie dnes a zítra. Pr., ČIN, 1946.
349 s.
24. Critical interruptions. New left perspectives
on Herbert Marcuse. Ed. by P.Breines. N.Y.,
Herder, 1970. XIII, 188 p.
25. Eichler W. Weltanschauung und Politik. Reden u.
Aufsätze. Hrsrg. u. eingel. von G.Weisser. Frank-
furt a.M., 1967. 442 S.
26. Fetscher I. Karl Marx und der Marxismus. Von der
Philosophie des Proletariats zur proletarischen
Weltanschauung. München. Piper, 1967. 349 S.
27. Fischer E. Kunst und Koexistenz. Beitr. Zu einer
modernen marxistischen Ästhetik. Reinbek bei
Hamburg, 1966. 238 S.
28. Fischer E. Was Marx wirklich sagte? 2. Aufl. Un-
ter mitarb. von F.Marek. Wien e.a., Molden,
1968. 188 S.

29. Fischer E.
Intelektuál a moc. - "Literární noviny", Pr.,
1966, r.15, N 25.
30. Fromm E.
The art of loving. N.Y., Bantam books, 1963.
118 p.
31. Garaudy R.
Sosyalizm ve Islāmiyet. Istambul, 1965.
32. Garaudy R.
Le grand tournant du socialism. P., Gallimard,
1969. 317 p.
33. Garaudy R.
Komunistí, humanismus a náboženství. - "Literární
noviny", Pr., 1966, r.15, N 24.
34. Garaudy R.
Die grosse Wende des Sozialismus. (Aus dem Franz.
ubertr. von R. von Mayenburg). - Wien e.a. Molden,
1970. 317 S.
35. Garaudy R.
De l'anathème au dialogue. Un marxiste s'adresse
au Concile. P., Plon, 1965. 127 p.
36. Garaudy R.
Marxisme du XXème siècle. Paris-Genève, "La Pala-
tine", 1966. 235 p.
37. Habermas J. Theorie und Praxis. Sozialphilos. Stu-
dien. 3.Aufl. Neuwied-Berlin, Luchterhand, 1969.
378 S.
38. Habermas J.
Theorie und Praxis. Sozialphilosophische Studien.
Neuwied a. Rhein-Berlin, Luchterhand, 1963. 378 S.
39. Hermach J. Uskutečnění současného člověka. Pr.,
1969. 103 s.
40. Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie.
4 Aufs. (Frankfurt a. M. - Hamburg, 1970). 231 S.
41. Horkheimer M., Adorno Th.W. Dialektik der Aufklä-
rung. Philosophische Fragmente. Frankfurt a.M.,
Fischer, 1969. I,275 S.
42. Hrzal L., Netopilík J. Intelektuálové a moc. -
"Filos. čas.", Pr., 1974, roč.21, N 3.
43. Hrzal L., Netopilík J.
Maloburgozní koncepce socialismu. - "Filos. čas.",
Pr., 1974, roč.21, N 2.

44. Huszar T.
Az éntelmisség szociológiai jellemzője és fogalma.-
"Valóság", Bp., 1972, 15 evf. 2 sz.
45. Jaspers K.
Die geistige situation der Zeit. 3. Aufl. Berlin-
Leipzig, De Gruyter, 1932. 191 S.
46. Jodl M.
Teorie elity a problem elity. Príspevek k dějinám
a problematice polit. sociologie. Pr., "Academia",
1968. 227 s.
47. Jodl M.
O iden československeho státu. - "Literární lis-
ty", Pr., 1968, r.1, c.9.
48. Kalivoda R.
Moderní duchovní skutečnost a marxismus. Pr., Čes-
kosloven. spisovatel, 1968. 180 s.
49. Kašík V.
Česká otázka a meze české politiky. - "Rev. dejin
socialismu", Pr., 1968, r.8, N 6.
50. Klokočka V.
Volby v pluralitních demraciich. Pr., 1968.
290 s.
51. Kosík K.
Nase nynější krise. - "Literární listy", Pr., 1968,
r.1, c.12.
52. Kosik K.
Dialektika konkrétního. Pr., Nakl. vř Českoslov.
akad. věd., 1963. 191 s.
53. Kosik K.
Antinomie morální. - "Plamen", Pr., 1964, r.20,
c.8.
54. Künzli A.
Über Marx hinaus. Beiträge zur Ideologiekritik.
Freiburg, Rombach, 1969. 206 S.
55. Leser N.
Die Odyssee des Marxismus. Auf dem Weg zum Sozia-
lismus. Wien e.a., Molden, 1971. 432 S.
56. Löbl E.
Civilizace na rozcestí. - "Kulturní život", Pr.,
1967, r.9, N 11.
57. Ludz P.
The "New socialism". Philosophy in search of
reality. - "Problems of communism", Wash., 1969,
vol.18, N 4-5.

58. Lukács G.
 Histoire et conscience de classe. Essais de dialectique marxiste. Trad. de l'allemand... P., Ed. de minuit, 1960. 382 p.
59. Machovec M.
 Der Sinn des menschlichen Lebens. - In: Disputation zwischen Christen und Marxisten. München, 1966.
60. Machovec M.
 Tomas G. Masaryk. Pr., "Svobodné slovo", 1968. 263 s.
61. Mandel E.
 Traité d'économie marxiste. T.1. P., Julliard, 1962. 516 p.
62. Marcuse H. One-dimensional man. Studies in the ideology of advanced industrial society. Boston, 1968. XVII, 260 p.
63. Marcuse H.
 Die Gesellschaftslehre des sowjetischen Marxismus. Neuwied-Berlin, Luchterhand, 1964. 260 S.
64. Marcuse H.
 Der eindimensionale Mensch. Studien zur Ideologie der fortgeschrittenen Industriegesellschaft. Übers. A. Schmidt. Neuwied-Berlin, Luchterhand, 1972. 282 S.
65. Marcuse H.
 Soviet marxism. A critical analysis. N.Y., Columbia univ. press, 1958. 271 p.
66. Marcuse H.
 Psychoanalyse und Politik. Frankfurt a.M., Europ. Verl. - Anst.; Wien, "Europa", 1968. 79 S.
67. Marcuse H.
 Triebstruktur und Gesellschaft. Ein philos. Beitr. zu Sigmund Freud. 2.Aufl. Frankfurt a.M., Suhrkamp, 1967. 268 S.
68. Marxismus, Psychoanalyse, Sexpol. Hrsg. von H.-P. Gente. Bd 1. Frankfurt a.M.-Hamburg, Fischer-Bucherei, 1970. 315 S.
69. Masaryk T.G.
 Světová revoluce. Pr., ČIN - Orbis, 1925. 650 s.
70. Masaryk T.G.
 Cesta demokracie. Sv. 1-2. Pr., 1934.

71. Mauke M.
Die Klassentheorie von Marx und Engels. Mit einem Nachw. von K.Mesch. Kat. Hrgg. von K.Heymann e.a. 3. unveränd. Aufl. Frankfurt a.M., Europ. Verl.-Anst., 1971. 175 S.
72. Obzina J.
Ke kritice filosofických a politických aspektů "humanitní demokracie". Pr., "Horizont", 1974. 111 S.
73. Popper K.
Die neue Gesellschaft. - In: Marcuse H., Popper K. Revolution oder Reform. Eine konfrontation. München, 1971.
74. Poučení z krizového vývoje ve straně a společnosti po XIII. sjezdu KSČ. Resoluce o aktuálních otázkách, jednoty strany schválená na plénařním zasedání ÚV KSČ v pros, 1970. Pr., 1971. 48 s.
75. "Praxis", Zagreb, 1970, god.7, N 3.
76. Průcha M. Kult člověka. Pr., "Svoboda", 1966. 63 s.
77. Reich Ch.A.
The greening of America. How the youth revolution is trying to make America livable. N.Y., Random house, 1970. 399 p.
78. Revolutionäre Praxis jugoslawischer Marxismus der Gegenwart /Hrgg/: G.Petrović. Übertr. von K.Held. Freiburg i. Br., Rombach, 1969. 286 S.
79. Sochor L.
Filosofie jako kritická teorie. - "Literární noviny", Pr., 1966, r.15, N 2.
80. Stojanović S.
Kritik und Zukunft des Sozialismus. Aus dem Serbokroatischen von F.Wagner. 2. Aufl. München, Hanser, 1970. 222 p.
81. Sviták J.
Otevřený dopis. - "Literární listy", Pr., 1968, r.1, c.8.
82. Sviták J.
Důsledky slov. - "Literární listy", Pr., 1968, r.1, c.21.
83. Sviták J.
Hlavou proti zdi. - "Student", Pr., 1968, N 15.
84. Szááto L.
Uslechtilé sny přeměnit ve skutečnost. - "Nová mysl", Pr., 1968, god.22, N 12.

85. Topitsch E.
Vom Ursprung Ende der Metaphysik. Eine Studie zur
Weltanschauungskritik. Wien, Springer, 1958.
320 S.
86. Weber A.
De dritte oder der vierte Mensch. München, Piper.
1953. 275 S.
87. Wolfe B.D.
Marx und die marxisten. 100 Jahre Theorie u. Pra-
xis einer Doktrin. Frankfurt a.M. - Berlin, Ulls-
tein, 1968. 223 S.

КРИТИКА "НЕОМАРКСИЗМА"
И БУРЖУАЗНОЙ "МАРКСОЛОГИИ"

Реферативный сборник

А - 06714

Сдано в набор 17/УШ-76 г. Подписано к печати 26/1-77 г.

Формат 60x84/16

Уч.-изд.л. 12,0

Печ.л. 15,75

Тираж 2000 экз.

Заказ № 2650

© ИНИОН АН СССР, Москва, ул.Красикова, д.28/45.
Отпечатано в ПИК ВИНТИ, г.Люберцы, Октябрьский пр.,403.

042(02)9

